

ВЕСТНИК БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025

№ 3 (24) сентябрь 2014

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.
ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Серия «РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА»

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БЕЗЗУБКО Лариса Владимировна, д-р наук по государственному управлению, профессор (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, Украина)

БУРХАНОВА Флюра Булатовна, д-р. социол. наук, профессор (Башкирский государственный университет)

ВАЛЕЕВ Хайдар Арсланович, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент (Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан)

ГАЙДУК Вадим Витальевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук (Башкирский государственный университет)

ЗУЛЬКАРНАЙ Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КЕРИМОВ Александр Джангирович, д-р юрид. наук, профессор (Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова)

КУРМАНОВ Альберт Сафуатович, д-р юрид. наук (ОАО «Социнвестбанк»)

ЛЯНЧЕ Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектного менеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный университет экономики и сервиса)

МАХМУТОВ Анас Хусаинович, д-р экон. наук, профессор, академик АН РБ (Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

САМИРХАНОВ Амирхан Миркадамович (Федерация профсоюзов Республики Башкортостан)

САМРАИЛОВА Татьяна Константиновна, д-р полит. наук, профессор (Академия труда и социальных отношений, Москва)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Закирович, д-р юрид. наук (Евразийский научно-исследовательский институт проблем права)

ШАЯХМЕТОВ Ульфат Шайхизаманович, д-р техн. наук, профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы)

Редакционная коллегия

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БЕЛЯЕВ Максим Анатольевич, руководитель Агентства примирительных технологий (Башкирский институт социальных технологий)

БИКТАГИРОВА Алсу Рашитовна, канд. психол. наук (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, ст. научный сотрудник (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович, канд. юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич, канд. полит. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ХОРОШАВЦЕВА Ольга Петровна, канд. культурол. (Башкирский институт социальных технологий)

Адрес редакции: 450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	7
Сулейманова Ш.С. Геополитические процессы и мировая политика	7
Гайдук В.В. Над украинской пропастью во ржи: между унитаризмом и федерализмом.....	15
Демьяненко Ю.А. Политические основы межрегионального сотрудничества России и Европейского Союза	25
Хакимова В.М. Миграционные процессы в контексте освещения в региональных средствах массовой коммуникации	33
Абдулмазитов Р.Р. Энергетические и транспортные интересы России в арктическом регионе: политическое проектирование.....	37
Каримов Р.Р. Общероссийская гражданская идентичность как фактор формирования позитивного национального образа страны.....	42
РЕГИОН В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА	47
Вальков А.А. «Новое» федеративное устройство современной России и ее этнополитические проблемы	47
Терновая Л.О. Сила Сибири: истоки региональной идентичности	50
Сулейманов А.Р. Региональные элиты и их роль в укреплении национальной безопасности России: на примере Республики Башкортостан и Республики Татарстан.....	57

Беляев М.А.

Демографическая безопасность России в условиях евразийского сепаратизма:
муниципальный аспект. 62

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТАРИИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ 67

Бенина Л.И.

Политическая мифология как элемент массовой политической культуры 67

Сулейманов А.Р., Высоцкий А.В.

Медиативные инструментариі современной элитологии: диалог «власти» 71

Соегов М.

Эпизоды из «большого террора»: от воспоминаний к документальным подтверждениям,
начиная с надгробных надписей 75

Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А., Абдрафикова Л.В.

Вождизм как ключевой элемент идеологии фашизма
(Часть I) 79

Аминов И.Р.

Структурный функционализм и его значение в современной конфликтологии:
этнополитические аспекты 87

Биктимирова Д.З.

Социальные сети как инструменты управления молодежью: «twitter-революции» 92

Лукьянцев А.С.

Трендовые основы формирования имиджа политического лидера
в федеративной России 96

Сулейманов Т.Ф.

Социокультурные компоненты политической культуры
(Часть I) 100

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ БИСТ 109

НАУКА 111

ШКОЛА МОЛОДОГО ЛИДЕРА 112

CONTENTS 113

АВТОРАМ 122

CONTENTS

NATIONAL INTERESTS AND ETHNOPOLITICAL PROCESSES UNDER GLOBALIZATION	7
Suleimanova Sh.S. Geopolitical processes and global politics	7
Gaiduk V.V. The catcher in the ukrainian rye: between unitarianism and federalism	15
Demyanenko Y.A. Political basis of transregional cooperation of the European Union and Russia	25
Khakimova V.M. Migration flows in regional communication media.....	33
Abdulmazitov R.R. Energy and transportation interests of Russia the arctic region: political planning	37
Karimov R.R. Pan-russian civic identity as one of the forming factors of the positive national image of the country.....	42
REGION IN THE SYSTEM OF RUSSIAN FEDERALISM	47
Valkov A.A. “New” federal structure of modern Russia and its ethnopological problems	47
Ternovaya L.O. The power of Siberia: the origins of regional identity	50
Suleymanov A.R. Regional elite and its role in the reinforcement of the national security of Russia: through the example of The Republic of Bashkortostan and the Republic of Tatarstan	57

Belyaev M.A.

Demographic security of Russia in the conditions of the eurasian separatism:
municipal aspect 62

**REGIONAL IDEOLOGY AND POLITICAL TOOLS
OF ITS FORMING** 67

Benina L.I.

Political mythology as an element of the mass political culture 67

Suleymanov A.R., Vysotsky A.V.

Mediative instrumentarium of modern elitology: dialogue of "power" 71

Soyegov M.

Episodes from "the great purge": from memoirs to documentary acknowledgement,
starting with gravestone inscriptions 75

Suleymanov T.F., Kashapov U.A., Abdrafikova L.V.

Leaderism as a key element of fascist ideology
(Part 1) 79

Aminov I.R.

Structural functionalism and its meaning in modern conflictology:
ethnopolitical aspects 87

Biktimirova D.Z.

Social networks as a tool of youth control: "twitter revolution" 92

Lukiancev A.S.

Trend bases of political leader's image creation
in federative Russia 96

Suleymanov T.F.

Sociocultural components of political culture
(Part 1) 100

SOCIAL PROJECTS OF BIST 109

SCIENCE 111

SCHOOL OF YOUNG LEADERS 112

CONTENTS 113

FOR AUTHORS 122

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

УДК 327

СУЛЕЙМАНОВА Шукран Саидовна,
доктор политических наук, профессор кафедры
общественных связей и медиаполитики
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: sher2016@yandex.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

В статье рассмотрена отличительная черта новой эпохи — проблема столкновения двух противоположных по уровню развития миров, раскрываются процессы становления новой политической структуры мира. Глобализация, проявляющаяся в видоизменении геополитической структуры мира, вызывает социокультурные последствия, в том числе радикальные трансформации геополитической идентичности.

Ключевые слова: мировая политика, акторы, глобализация, геополитика, процессы.

Известно, что периоды социальной трансформации общества являются этапами обострения и расширения конфликтности. Не может не сопровождаться возникновением конфликтных ситуаций, распад одних общественно-политических институтов, создание новых, периоды временного сосуществования их взаимоисключающих форм. Более того, рыночная экономика предполагает существование многообразных структур, социальных и индивидуальных различий, которые требуют взаимного согласования и соотношения между собой.

Начало XXI века отмечено «взрывом» взволнованных этнонаций. Большинство из них потеряли формировавшуюся оболочку советской общности нации-государства и лишены стабильного политического оформления, стали политизироваться и искать формы своего самоутверждения. Распад СССР и последовавшие за ним процессы суверенизации бывших союзных республик не привели к исчезновению межэтнических противоречий и конфлик-

тов ни в России, ни в других новых многонациональных государствах.

Сегодня, в XXI веке, как и сто лет тому назад, общество оказалось расколотым на множество общественно-политических партий и движений. Они проповедуют взаимоисключающие духовные ценности, стоят на разных идейно-политических платформах. Что, безусловно, влияет и на межнациональные отношения, соответственно реальностью стали конфликты, что еще раз убеждает в том, что история не есть прошлое, это — прошлое и будущее в настоящем.

В период политической и социально-экономической нестабильности именно с помощью понятия национализм можно описать, как сложную социальную, культурную, интеллектуальную или эмоциональную реакцию людей на происходящее.

Социальная нестабильность, вызванная неконтролируемыми историческими процессами, создает условия для напряженной борьбы за власть между различными частями со-

циальной и политической элиты страны. Она отнимает и чувство уверенности и определенности у огромного числа людей, оказывая разрушительное, ускользающее от понимания, воздействие на их жизни. Ощущение принадлежности к своей группе в такие периоды становится опорой для многих простых людей, подчас единственным ориентиром, помогающим им разобраться в происходящем. Следовательно, в любых противоречиях, возникающих на фоне широкомасштабных социальных изменений и дестабилизации, политические лидеры, без сомнения, получают поддержку своих избирателей, если представят свою позицию, как борьбу за национальную идентичность, гордость и справедливость.

Подводя итог этим аргументам, отметим, что причиной конфликтов и противоречий является не неоднородность этнического состава, а связанная с этим фактом политика. Опасность лежит в смешивании этнических различий и политической лояльности, в политизировании этнических идентичностей.

Этнические противоречия — это борьба за власть или за доступ к экономическим ресурсам, с этнической маской. И этнические различия играют центральную роль в такой борьбе не в качестве единственной причины, а в качестве инструмента, используемого политическими лидерами в целях мобилизации. То есть этнические различия имеют свое место в системе объяснений, но не должны доминировать.

В борьбе за реальную политическую и духовную власть в этом случае сталкиваются взаимоисключающие друг друга общественно-политические и религиозно-философские мировоззрения.

Мировой политический процесс в условиях глобализации, протекает на фоне структурных преобразований мирового порядка, характеризующегося становлением многополярности, появлением влиятельных центров. В выступлениях современных политиков и журналистов часто встречаются такие понятия, как «геополитические интересы», «геополитические проблемы», «геополитическая стратегия». Популярность геополитики и развитие ее идей обусловлены усилением процесса глобализации, исчезновением биполярной системы мира,

формированием многополярности, чем и вызвано новое распределение силовых центров на планете.

Мировое сообщество стремится к многополярной системе мира как к лучшей модели отношений между странами. Но реализация настоящей многополярности, несмотря на изменение расстановки сил на планете, требует, чтобы международные решения принимали не одно сильное государство планеты, а все мировое сообщество в целом. Уровень взаимосвязи и взаимозависимости, обусловленный процессом глобализации, создает возможности для формирования наиболее справедливого и гуманного мира, с разнообразием интересов государств, мировоззрений людей, культур и цивилизаций.

Современное мироустройство носит промежуточный характер между уни- и полиполярностью. Полюсы новой международной структуры, формирующиеся в кратко- и среднесрочной перспективе с учетом требований всеобщей стабильности и безопасности, глобальных угроз, вынуждены совместно принимать решения о перспективах развития глобального пространства. В данной ситуации международные отношения возможны на новых принципах ведения силовой борьбы, где само определение силы имеет нетрадиционный характер, и одним из основных ресурсов воздействия становятся экономическая, информационная, социокультурная и политическая силы. И здесь следует отметить, что между внешней и внутренней политикой, происходит постепенное стирание границ, и это связано с тем, что так называемые транснациональные акторы (ТНА) получают возможность проникновения в сферы традиционной деятельности государства, что в свою очередь сопряжено с возникновением феноменов: «внешневнутренней» и «внутривнешней» политики. Примером первой может служить наднациональная политика ЕС по отношению, как к государствам-членам, так и к их региональным частям.

Второй феномен строится на субнациональной политике субъектов внутри федеративного государства, и проявляется в явлениях парадипломатии и микродипломатии.

Государства, оставаясь определяющей и движущей силой в мировой политике и меж-

дународных отношениях, в определенной степени лишились возможности решать свои проблемы самостоятельно. Сохраняя свою значимость в мировой политике, они уже не являются доминантой современного мира. Возрастает значение транснациональных отношений в противовес межгосударственному взаимодействию, что параллельно приводит к постоянному увеличению значимости негосударственных образований, в первую очередь в экономике, которая стала определяющим элементом в системе межгосударственных отношений. Данная позиция отражает системообразующие процессы становления новой политической структуры мира.

Отличительной чертой новой эпохи стала проблема столкновения двух противоположных по уровню развития миров, из теоретической плоскости постепенно переходящая в плоскость практического воплощения.

Глобализация, проявляющаяся в видоизменении геополитической структуры мира, вызывает социокультурные последствия, в том числе радикальные трансформации геополитической идентичности. Конструирование геополитической идентичности в современных реалиях выступает в качестве индикатора, позволяющего судить о характере и направленности процессов интеграции субъектов геополитики в политическую структуру общества и о векторе развития геополитического процесса.

Поиски идентичности на современном этапе развития государства становятся важным фактором реализации государственной стратегии. Особую значимость для геополитики приобретает разработка государственной геополитической концепции, учитывающей не только военно-стратегические и экономические параметры, но и аспекты идентичности. Геополитическая идентичность, складывающаяся в реальном пространстве, является фактором геополитической реальности, состоящим из сложного переплетения множества компонент, который необходимо учитывать в государственной политике.

Влияние глобализации на развивающиеся страны имеет двоякую природу. Следует отметить положительные тренды, заключающиеся в том, что новые требования предъявляют глобальные интеграционные процессы и выводят

на качественно новый уровень политику государства в области соблюдения и обеспечения прав человека. То, что благодаря интеграционным процессам развивающиеся страны быстрее, чем прежде, приобщаются к достижениям и благам современной цивилизации тоже является одним из плюсов глобализации. Также плюсом глобализационных процессов можно считать и то, что для преодоления национально-этнической замкнутости государств сформировались благоприятные условия. Стали более доступными и значительно расширились возможности обмена информацией. Доступность и открытость информации как следствие глобализации постепенно оставляют все меньше возможностей для безнаказанной эксплуатации и ущемления прав граждан развивающихся стран.

Однако следует отметить и то, что в последнее время также отчетливо наметились и негативные тенденции глобализационных процессов в отношении развивающихся стран. Основные позиции критиков глобальной интеграции сводятся к тому, что растет неравенство между различными группами стран. Еще одним фактором, усугубляющим положение, является то, что на уровень жизни населения развивающихся стран негативно сказывается задолженность этой части мира транснациональным корпорациям, международным институтам и странам-кредиторам. Распространенное на современном этапе периодическое списание долгов бедствующих государств не вносит кардинальных изменений в условия жизни их населения.

С развалом биполярного мира и, соответственно, с потерей поддержки со стороны главного союзника СССР, арабские национальные государства превратились в «заброшенное геополитическое поле». В конце прошлого века был взят курс на идеологию победителя в «холодной войне» — либерализм западного типа. Но этот вариант, видимо, не пришелся «ко двору» арабскому миру. В итоге, идеологический вакуум в последние годы пытаются заполнить исламисты, под управлением Катара и Саудовской Аравии.

В арабских государствах, где десятилетиями привыкли к роскоши светской жизни, растут опасения по поводу распространения на их

территории ваххабитской модели организации общества, соответствующей нынешним главным «интеграторам» арабского мира, что приводит к угасанию «интеграционного куража» со стороны Дохи и Эр-Рияда.

Главные инициаторы «арабской весны», нанеся удар институту государства-нации, оказались неспособными предложить арабскому миру обещанный «новый Халифат». Война в Ливане 2006 года зафиксировала, прежде всего, внутриисламские противоречия. Большинство населения Ливана продемонстрировало независимую волю, которая в перспективе способна обеспечить общеарабскую солидарность во всем, что касается традиционных ценностей ислама. После ее окончания шииты консолидировались в рамках всего «большого» Ближнего Востока, доказав своими усилиями слабость суннитского джихада [4].

С разрушением арабских государств-наций вместо аналога «арабского ЕС», появится «большое арабское Сомали». О «сомализации» Большого Ближнего Востока рассуждают многие эксперты. И на это, безусловно, имеются основания: «парад автономий» в Ираке, начавшийся в Салахаддине, а затем в Басре, Фалудже, Дияле, Ниневии и в других городах, вопрос о провозглашении независимости «Республикой Иракский Курдистан», создание близ границы с Турцией автономного района «Западный Курдистан» на севере Сирии. А также решение так называемого «конгресса народа Киренаики», прошедшего в окрестностях Бенгази, о создании «союзного федеративного района Барка», антиправительственное восстание в Бани-Валиде, автономистские настроения в Мисурате, Себхе и других регионах Ливии. Процессы в этих регионах демонстрируют, что за всеми этими автономистскими региональными тенденциями и ослаблением национальных государств отчетливее прослеживается не европейская регионализация или, так называемая глокализация — специфическая локальная реакция на процессы глобализации, а возвращение к племенной идентичности, что к трайбализации Большого Ближнего Востока.

На арабской ойкумене разрушение национального государства, прямой путь к архаизации региона, его «сомализации» и перманент-

ным межплеменным столкновениям в борьбе за природные ресурсы. Возможно, «влиятельные силы мира» и стремятся к этому. Учитывая то, что трайбализация богатого углеводородами арабского мира — это цель любого импортера энергоносителей, и договориться с вождем какого-нибудь племени, обладающим значительными запасами нефти или газа и не отягощенного общенациональными проблемами, легкий вариант достижения цели.

Каковы же перспективы Ближнего Востока в подобных условиях? Сознательное применение силы против гражданского населения для достижения политических целей останется характерной чертой региона. Политический и интеллектуальный вакуум в арабском мире постепенно заполнит Ислам, составив основу политической жизни большинства жителей. Арабское единство — это лозунг, а не реальность. Вероятно режимы арабского мира, останутся тоталитарными, проявляя все большую религиозную нетерпимость и антиамериканизм. А Египет и Саудовская Аравия будут задавать тон. Ближний Восток сможет воспользоваться немногими преимуществами глобальной экономической интеграции, хотя испытывает в них острую нужду» [6].

На современной мировой арене обстоятельства складываются таким образом, что противоречия глобального характера усугубляются из-за экспансии Запада в целом и всевозможных интервенций, осуществляемых под патронажем США.

Следует отметить и то, что на все аспекты жизнедеятельности стран и народов мира определенное воздействие оказывают глобальные процессы, которые и привели к созданию нового мирового порядка — диктата Соединенных Штатов Америки во всем [1].

В какие бы цвета ни окрашивалась интервенция как способ достижения мировым лидером своих целей, смысл ее заключается в силовых действиях американцев и западноевропейцев по отношению к странам-изгоям. Что стало универсальным инструментом управления международно-политическими процессами. И это вызывает политические беспорядки, воздействие на ценности специфических индивидов с учетом многих обстоятельств, касающихся власти, расширяя при этом чис-

ло акторов мировой политики, способствуя замене старых акторов мировой политики на новые, приводит к изменениям в обществе и подрывают атмосферу доверия, усиливают коррупцию в государстве. А также дезорганизуют приграничные и трансграничные пространства [7].

Вопрос, какую оценку реформам и деятельности власти должно дать общество, если гражданам не ощутили положительного результата, не теряет своей актуальности сегодня и архиважен на фоне событий в странах Северной Африки, где не оправдавшиеся надежды народа вылились в массовые протесты в Тунисе, Египте, Йемене, Алжире. Власть имеющие низвергаются теми, кому власть обязана служить, но на деле не служит. И, безусловно, именно безответственная власть виновата в низком уровне развития большинства стран, безработице и высоких ценах на продукты, что недавним временем и всколыхнуло арабский мир.

Логично возникает вопрос: как оценивать власть, чтобы заранее определить, справится ли она со своими предвыборными обещаниями и способна ли она претендовать на политическое лидерство. Общество вправе ожидать от власти эффективного и ответственного управления, а от госслужащих — профессионального подхода к реформам и исполнения политических решений, если они, конечно, прогрессивны и созидательны. Здесь нельзя не отметить и тот факт, что развитие страны и благополучие ее граждан напрямую зависят от уровня подготовленности государственного аппарата, его практического опыта, компетентности, профессиональной готовности к решению не только текущих, но и комплексных стратегических задач, реализуемых системой государственного управления. Общество должно располагать механизмом для объективной оценки зрелости системы государственного управления и деятельности органов власти всех уровней. И данный оценочный механизм должен создать базу для организации эффективного исполнения государством своих функций. Соответственно такая оценка должна делаться постоянно по политическим, экономическим, социогуманитарным показателям.

Многие аналитические центры озадачены вопросом оценки власти. В мире с 1996 года

общепринятым считается интегральный показатель государственного управления GRICS, разработанный Институтом Всемирного банка и включающий шесть индексов, отражающих ключевые параметры госуправления:

- политическая стабильность и отсутствие в стране насилия, преступности и терроризма;
- эффективность работы правительства и качество госуправления (включая качество процесса выработки политики, результаты реализации политической стратегии, проводимой государством; бюрократические преграды при предоставлении государственных услуг);
- право голоса граждан и подотчетность правительства обществу (готовность правительства держать отчет посредством механизмов обратной связи с гражданами, демократические институты и свободная пресса);
- бремя административного давления при ведении бизнеса и собственного дела;
- качество законодательства и соблюдение верховенства права (защита прав собственности, независимость судебной власти, работа оппозиции);
- контроль и противодействие коррупции [3].

Невозможно дать точную оценку деятельности власти, поскольку используются преимущественно субъективные индикаторы и личное восприятие процессов, а сама постановка вопроса об эффективности деятельности власти особо важна для общества, таково мнение, высказываемое разными экспертами. Отметим, что взаимозависимость между качеством институциональной среды и эффективностью органов государственной власти позволяют выявить разные оценки власти.

Одним из отличий геополитического расчета при планировании событий является постановка широких и далеких целей, чем это видится на первый взгляд. Возможно, что в условиях арабской весны свержение определенных режимов не является главной целью сильных геополитических игроков. Вероятно, что первостепенная задача современной глобальной стратегии на Ближнем Востоке и в мире целом, — не дать никому из активных участников региональной шахматной партии получить большие преференции, или развалить их посредством массовых волнений и разрушений.

Согласно западным принципам на Ближнем Востоке не должны быть лидеры, способные объединить регион. Соответственно стратегия наднациональных структур в регионе сводится к столкновению тех, кто хочет стать «правителем», и поддержанию конфликтной ситуации, в условиях которой ни одна из сторон не может иметь успеха. Возможно, этим объясняется борьба вокруг Сирии, перманентный межплеменной конфликт в Ливии, перевороты в Египте, а ныне и в Украине. Подобный «управляемый хаос», может тянуться десятилетиями, если будут сохраняться позиции США как главного потребителя нефти и газа, поставщика оружия, а значит и как основной базы для ведущих геополитических игроков мира. При этом Россия как олицетворение своеобразного «глобального проекта» заняла достойное место во взаимосвязанном мире.

Роль и место России в современном мире во многом определяется ее геополитическим положением — размещением, мощностью и соотношением сил в мировой системе государств. Положение России геополитическое специалисты рассматривают с учетом политических, военных, географических, экономических и других факторов.

И здесь следует отметить, что одной из важных составляющих геополитического положения является способность контролировать географические точки и ключевые пространства. Такая способность является производной от степени самодостаточности геополитического субъекта. С точки зрения своего геополитического положения Россия как преемница СССР и Российской империи оказалась в новой ситуации, которая сложилась в результате действий определенных геополитических закономерностей.

Отдельно необходимо отметить роль СМИ в геополитических процессах. Происходящие в современном мире процессы, демонстрируют взаимосвязь и взаимозависимость глобализации и развитие информационно-коммуникационных технологий.

Информационные инновации, наряду с техническими и управленческими, не только расширяют возможности управления государством, развития информационного обмена, оказания государственных услуг, но и суще-

ственно повышают ценность информации как стратегического ресурса.

На международно-правовом уровне правовые, политические и технологические меры, которые направлены на активизацию деятельности международного сообщества по формированию глобального информационного общества, впервые определила Окинавская хартия глобального информационного общества в 2000 году. В этом документе, подписанном главами стран «восьмерки», не было определено понятие глобального информационного общества, а перечислены только его характерные черты, которыми являются наряду с глобальными информационными процессами региональные и внутригосударственные процессы [2].

Журналистика сегодня обогащается геополитическими подходами и сама становится геополитическим фактором, поскольку геополитическая «игра» в современных условиях в значительной степени осуществляется с использованием СМИ, через информацию, переданную журналистами, и через их позицию. СМИ и журналистика являются как геополитическим полем, так и важными геополитическими инструментами.

Необходимо отметить, что вступившее в эпоху глобализации человечество нуждается в том, чтобы СМИ активно помогали обществу максимально адекватно ориентироваться в текущей ситуации, информационно обеспечивать процесс глобализации на благо всех на основе демократических и гуманистических принципов, и содействовали развитию сотрудничества народов, стран, цивилизаций на принципах равноправия и взаимной выгоды. Однако процесс глобализации разными социальными группами, следовательно, и поддерживающими их СМИ, оценивается по-разному, что обуславливается различными концепциями глобализма.

Следует отметить и то, что СМИ сравнительно недавно стали активными геополитическими акторами и как участники геополитического процесса редко остаются независимыми, попадая под контроль более сильного экономического или политического актора.

В геополитике роль СМИ неоднозначна. С одной стороны, они могут оказывать существенную поддержку проводимой в определенной стране политике, что можно определить как

элемент геополитики. С другой стороны, СМИ могут поддерживать, оживлять разные территориальные настроения и представления, которые в силу этого получают распространение в широких слоях населения. Эти возможности СМИ определяются тем, что в формировании общественного мнения они являются достаточно эффективным средством, в силу чего они становятся инструментом геополитических акторов: неправительственных организаций, государств и т. д.

СМИ в длительной перспективе являются прямыми участниками выработки разных геополитических представлений. На современном этапе СМИ используются для пропаганды или оправдания проводимой в стране политики, объяснения необходимости и оправданности того или иного политического выбора. В данном случае они выступают как средство связи между участниками политической жизни, с одной стороны, и населением — с другой.

Роль СМИ в геополитике ярко проявилась в последние годы. На постсоветском пространстве СМИ принимали активное участие в разных «бархатных» и «оранжевых» революциях в ряде стран, что проявилось в событиях конца 1980-х гг. во многих странах: Чехословакии, Венгрии, ГДР, странах Прибалтики, Восточной Европы и т. д.

Значительную роль в тех событиях сыграло телевидение, которое наглядно демонстрировало недостатки и пороки той политической организации, которая была создана в бывших социалистических странах, а также показывало преимущества капиталистического строя.

Справедливо будет отметить и то, что СМИ играют не только дестабилизирующую роль, но и способны вносить свой вклад в стабилизацию политической обстановки в стране. В целях «стабилизации» политической ситуации СМИ используются и в недемократических целях.

Одним из векторов влияния на мировое сообщество ведущих государств является соперничество между СМИ. Примеров тому достаточно. С расширением технических возможностей СМИ в этой борьбе будут находить отражение и геополитические представления, и подходы [5].

Усиление потребности мирового сообщества в объективной, достоверной и своевременной

информации об общественных процессах является одной из особенностей современного этапа глобализации. Соответственно приобретают особое значение вопросы правового обеспечения информационной безопасности, поскольку они оказывают существенное воздействие на правовые, государственные и политические системы государств, а также на процесс построения информационного общества.

Важной составляющей реализации Окинавской хартии и иных международно-правовых документов, как показывает зарубежный опыт, является разработка национальных стратегий, программ, направленных на то, чтобы сделать государство более открытым и доступным для общества. Основными принципами формирования глобального информационного общества, закрепленными в Окинавской хартии, являются обеспечение каждому члену общества возможности доступа к любой информации, а также общения с любым иным членом этого общества, принцип информационного суверенитета, принцип равенства каждого члена общества, народа, нации. Под информационным суверенитетом в информационном праве понимается господство государства над своими информационными ресурсами и телекоммуникационными системами, информационным пространством, с использованием правовых и технических средств защиты, обеспечивающих их комплексную защиту [5].

Глобальные информационные процессы нуждаются в правовом регулировании. В данной сфере принципиальное значение имеет международное информационное право, предметом регулирования которого являются международные информационные отношения. В правовой сфере в определении воздействия глобализации широко распространено употребление термина «интернационализация», подразумевающее сближение политических и правовых систем государств, укрепление их взаимовлияния и взаимодействия. Однако следует отметить, что открытость и вовлеченность в международное правовое пространство может иметь и определенное негативное воздействие и даже навязывание идей, моделей, представлений.

Завершить рассуждения о современной мировой политике и геополитических процессах

следует выводом о том, что конфликты, возникающие в результате отмеченных процессов, есть ничто иное как попытка скрыть истинные причины в области геополитики, преследующие экономические интересы. Соответственно, как таковых неразрешимых конфликтов в мире не существует.

Литература

- [1] Колобов А.О. *Сила, полная решимости?..* (О специальных операциях США и их союзников и влиятельных международных организаций в современной мировой политике). — Нижний Новгород: Махинур, 2005. — С. 3–152.
- [2] Окинавская хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html>
- [3] Показатели эффективности реформы государственного управления. — М.: Алекс, 2004. — 76 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://sitere-sources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/305499-1291044797591/pokeffref.pdf>
- [4] Сассер А. Восход шиитского полумесяца. Война в Ливане и новый Ближний Восток // *Internationale Politik*. — 2006. — № 5. — С. 9–14.
- [5] Сулейманова Ш.С. *Медиаполитика в современном российском обществе: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений*. — М.: Этносоциум, 2013. — 142 с.
- [6] Хаас Р. Новый Ближний Восток // *Россия в глобальной политике*. — 2006. — Т. 4. — № 6. — С. 12–16.
- [7] Maley W. *Twelve Theses on the Impact of Humanitarian Intervention* // *Security Dialogue, PRIO*. — 2002. — Vol. 33. — № 3. — P. 266–274.

УДК 327

ГАЙДУК Вадим Витальевич,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии и истории
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: vvgrb@mail.ru

НАД УКРАИНСКОЙ ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ: МЕЖДУ УНИТАРИЗМОМ И ФЕДЕРАЛИЗМОМ

В современном мире в условиях глобализации имеются примеры не только увеличения динамики сближения народов и национальных государств, но и усиления конфронтаций между ними. Особенно явно это проблема проявилась в последних мировых процессах, связанных с событиями на Украине. Некоторые ученые и политики сегодня уже заявляют об институционализации прежней политической фазы международных отношений между США и Россией и возврату к «холодной войне». Вместе с тем, этот процесс, по нашему мнению, намного тоньше банального противостояния и конкуренции монополистских США и возрождающейся России, и речь может идти о новых международных рисках и угрозах национальной безопасности современных государств. Но готова ли сегодня Россия к подобным внешним вызовам? И как может измениться мир в случае обострения международных отношений среди ключевых игроков мирового сообщества? Эти и другие вопросы освещаются в данной статье.

Ключевые слова: политический кризис, мировая политика, противоречия, постсоветское пространство, война, санкции.

Региональное противостояние внутри Украины (ее Западной и Восточной части) очень наглядно демонстрирует несовершенство современного геополитического ландшафта мира. Западная Украина придерживается подходов Европейского Союза и Североатлантического альянса в области интеграции. Взгляды Восточной Украины во многом отличаются от западных и тяготеют к сотрудничеству внутри СНГ с Россией. Запад и Восток отличают также разное понимание глобальных и региональных угроз, представление о будущем украинского государства на международной арене, его роли в мировой и региональной политике.

По мнению ученого Н.П. Медведева в основе украинского конфликта заложен этнический фактор, который может быть урегулирован консенсуально. «В условиях, когда на политический процесс влияет этнический фактор (Донецкая, Луганская области Украины) важность консенсуса определяется тем, что в его условиях, как правило, имеет место процесс выработки политических механизмов улаживания этнических

и языковых противоречий, как через систему обычной представительной демократии, основанной на приоритете гражданских прав, так и на основе согласия, то есть принципов справедливого учета коллективных интересов, особенно интересов этнических меньшинств, сохраняющих и отстаивающих свою специфику и отличительность. При этом в основе всегда лежат общедемократические принципы и права человека, права языковых меньшинств, которые достраиваются системой особых мер, специальных программ, то есть этнополитической плюрализма и этнокультурной автономии, а в ряде случаев — предоставлением регионального политического или этнокультурного самоуправления», — отмечает Н.П. Медведев. Но все ли так просто в этом вопросе. Или же этнический аспект является лишь прикрытием иной более серьезной проблемы современного мироустройства и противостояния [10].

Ученый Д.Л. Цыбаков выделяет следующие факторы конфронтации интересов США и России на постсоветском пространстве:

– распад СССР как влиятельного субъекта международной политики, способного принципиально разрешить или сдерживать вековые этноконфессиональные и территориальные противоречия и конфликты;

– утверждение в ближнем зарубежье различных типов авторитаризма с националистической подоплекой; попытки формирования национальной самоидентификации постсоветских стран на основе воинствующих идеологий и фальсификации исторических отношений с соседними государствами и Россией;

– взаимовлияние и переплетение внутренних противоречий и внешнеполитической напряженности между некоторыми постсоветскими странами, когда правящие режимы заинтересованы в переключении протестной энергии сограждан вовне, укрепляя свое положение за счет сплочения общества против «общего врага»;

– геополитическая и экономическая значимость региона, стимулирующая стремление ведущих акторов мировой политики включить его в сферу своего влияния (программа «Каспийский страж», ГУАМ);

– активность русофобских группировок стран так называемой «новой Европы», насаждающих среди общественного мнения враждебные настроения по отношению к России;

– незавершенность суверенитета постсоветских государств, обусловившая стремление их элит использовать потенциал НАТО и ЕС для укрепления легитимности правящих режимов и завершения территориально-политического конституирования своих стран [16].

Каждый из выделенных факторов сыграл определенное значение в эскалации политического конфликта на Украине и будет лишь усугублять интегративные процессы украинской власти в европейское или российское пространство.

Стоит вспомнить, с чего вообще все началось и нужны ли вообще украинцы Европе. По нашему убеждению, современная Европа напоминает одно из библейских преданий, посвященное строительству Вавилоновской башни, когда языковое многообразие прервало этот процесс.

Удачно с научной точки зрения по этому поводу пишет исследователь С.Г. Мирзаханян:

«Население Европы становится все более интернациональным, города — космополитичными центрами. Однако это отнюдь „не работает“ на задачу формирования новой европейской идентичности. Процесс формирования „евронации“ затрудняют: отсутствие института единого европейского гражданства, эффективных общеевропейских политических партий, однородной культуры. Более того, представители различных этнокультурных групп выражают сомнения в самой целесообразности объединения под эгидой одной „мульти-нации“ европейцев и ее „суперкультуры“» [11]. И это действительно так.

Очевидно, что существуют принципиальные причины разногласий, к которым можно отнести следующие: входящие в ЕС страны существенно отличаются между собой как по экономическому развитию, так и по социокультурологической структуре населения; процессы наднационального объединения и роста национального самосознания и активности в ЕС идут параллельно; отмечается тенденция к расширению спектра противоречий и конфликтов на этнической почве; отсутствие общего языка также негативно сказывается на процессе поиска единой культурной идентичности.

Вместе с тем, и само постсоветское пространство характеризуется противоречивостью, «перетягиванием одеяла» на свою сторону и подвержено влиянию западных СМИ:

1. Молодому поколению государств-участников СНГ навязывается новое, порой не соответствующее действительности видение истории: в школьных программах по истории образ России зачастую подается отрицательно, что приводит к тому, что люди, воспитанные на таких учебниках, будут сопротивляться интеграционным проектам с «историческим врагом».

2. Государства-участники СНГ ожидают от России экономических уступок в обмен на ее право осуществлять гуманитарную политику на их территории. Они полагают, что Россия будет предоставлять их государствам экономические преференции, а в ответ они пойдут на «уступки» (повысят количество часов преподавания русского языка, законодательно пропишут его в качестве второго государственного).

3. Государства-участники СНГ считают, что их страны суверенны при выборе внешнеполи-

тического курса, осуществлении многовекторной внешней политики, однако, полагают, что при формировании своего внешнеполитического курса Россия обязана оказывать ее ближайшим партнерам определенные материальные преференции.

4. Государствами региона практически одинаково отрицательно воспринимается как активная, так и пассивная политика, проводимая Россией по отношению к ним, они стремятся обеспечить повышение своего статуса как российских партнеров на международной арене.

5. При работе с соотечественниками возникает целый ряд трудностей, во многом заключающихся в не всегда оправданной деятельности координационных советов соотечественников (КСОРСов) [5].

Действительно для успешного развития интеграционных процессов следует ограничиться от восприятия России — как единственного «локомотива» развития. Сегодня, как никогда, должен работать новый формат внешнеполитического диалога между странами СНГ и всего постсоветского пространства, взаимовыгодный, основанный на единых критериях и подходах к созданию устойчивой системы межнационального развития государств.

Исследователь А.А. Великая пишет: «Только при глубоком и доскональном знании различных политических, социальных, культурологических проблем данного пространства, детальной проработке имеющихся со стороны местной аудитории запросов Россия сможет предлагать соответствующий времени формат взаимодействия на пространстве СНГ... В странах нашего ближайшего регионального окружения возраст аудитории, симпатизирующей России, составляет около 60 лет, поэтому при использовании механизмов международного взаимодействия в гуманитарной сфере необходимо срочно переходить к стратегии создания благоприятного образа нашей страны в глазах молодого поколения. Исторические сроки для этого весьма ограничены» [4].

Опыт России показывает, что продвижение межцивилизационного диалога как важного вектора внешнеполитической деятельности должно быть основано на понимании того, что цивилизационное и культурное многообразие современного мира представляет собой не

разъединительный фактор, а ресурс развития. Глобализация, усиливая взаимозависимость мира, интегрирует его внешнее пространство, определяет общую парадигму развития человечества, но существует и обратная сторона этих процессов, которая проявляется в том числе и в усилении культурно-цивилизационной дифференциации человеческого сообщества [14].

Если рассматривать сложившуюся ситуацию на Украине, то она, действительно, складывается трагично для ее жителей. Ученый Д.В. Сосновский отмечает: «Украинское государство представляло и представляет собой теперь довольно хрупкое и эклектичное образование, регионы которого сильно различаются между собой по этническим, культурным, религиозным признакам. Это становится очевидным не только во время проведения на Украине президентских и парламентских выборов, но и при любых резонансных политических событиях, возникающих в этой стране и вне ее в тех случаях, когда затрагиваются ее внутренние процессы. Текущий украинский кризис это демонстрирует с небывалой ясностью» [15].

Разрозненность украинского общества имеет под собой реальные основания, обусловленные всем ходом исторического развития всей страны. И языковой сегмент здесь, по нашему мнению, не является ключевым. Так экс-президент Украины Л. Кучма в книге «Украина — не Россия» условно разделил государство на двенадцать исторических регионов: «Слобожанщина, Полесье, Среднее Поднепровье, Запорожье, Донбасс, Подолия, Причерноморье, Крым, Волынь, Галичина, Закарпатье и Буковина» [9]. Хотя в научном и обыденном сознании существуют и более упрощенная условная система разграничения Украины — на три (Запад, Центр, Восток) и два (Восток, Запад) исторических региона.

Вместе с тем, даже аргументация Украины, как двуязычного государства с поляризацией и диалектикой региональных интересов, хотя и является адекватной современному научному и обыденному восприятию, но не отражает всей глубинности сложившихся проблем в обществе. Более того, подобные суждения могут спровоцировать искаженное представление об украинской действительности и привести к по-

верхностным выводам. При изучении национального становления украинского государства становится понятным, что в ее состав входят самобытные регионы, культурно и исторически тяготеющие к другим национальным анклавам, но говорить о несостоятельности украинской нации, все же видится преждевременным.

Очевидно, что политический кризис в восточной Украине был спровоцирован государственным переворотом в стране, начавшемся еще в конце 2013 года, усиливается в последнее время даже вопреки легитимации власти в государстве.

С технической точки зрения кризис в восточной Украине протекает в двух стадиях. Первая стадия «Евромайдан» — поддержка оппозиции Западом, фактический бойкот высшей политической власти, отстранения от власти Президента Украины В. Януковича.

Необходимым условием для реализации первой стадии является создание параллельного центра власти в стране, формально возглавляемого официальными лидерами политической оппозиции. Главной функциональной задачей данного теневого центра власти должно стать непосредственное руководство ходом переворота, то есть именно лидеры данного оппозиционного властного центра должны официально стать во главе такого рода революционного движения в стране [12].

На Украине ныне действующий Президент страны П. Порошенко не выделялся среди других лидеров оппозиционных сил. Но воспользовавшись положением «вакуума власти» в государстве, в результате оппозиционной и финансовой поддержки добился «добровольной передачи» рычагов управления государством посредством выборной процедуры.

Вторая стадия «силовой диктат» — поддержка вновь избранной власти Западом, фактическое подавление оппозиционных сил в стране, насильственное наведение порядка на востоке и юго-востоке.

Очевидно, что подобные кризисные явления могут наиболее полно и тотально осуществляться в развивающихся транзитных государствах, в которых имеется ряд объективных и субъективных обстоятельств, обуславливающих и стимулирующих развитие кризисной политической ситуации.

К таким факторам ученый М. Погребинский относит следующие базовые предпосылки возникновения кризисной ситуации:

- кризисная экономическая ситуация, при которой наблюдается сильный имущественный разрыв между бедными и богатыми;
- политическая слабость власти, постепенно теряющей контроль над общественно-политической и социально-экономической ситуацией в стране;
- существенный раскол в правящей элите, стимулирующий создание и развитие контрэлиты;
- сильная оппозиция, обладающая достаточной поддержкой общества, и развитая система неправительственных организаций;
- утрата населением доверия к власти или же его относительно низкий уровень [13].

Основные предпосылки развития кризисной ситуации сопровождаются также следующими необходимыми условиями:

- резкое «сужение» социальной базы режима;
- утрата им статуса безусловной легитимности;
- наличие сформировавшейся оппозиционной политической и экономической элиты, которая в рамках существующей системы ощущает свою не востребованность;
- консолидированная поддержка оппозиции со стороны ведущих держав мира;
- зависимость правящей элиты от ведущих держав мира;
- доминирование антивластных настроений в столице и в других крупных городах страны;
- наличие у политических противников режима харизматичной личности, становящейся символом обновления [3].

Политическая практика украинских событий убедительно демонстрирует, что этнополитическая нестабильность дестабилизирует все основные общественно-политические и экономические процессы в стране, которые можно условно сгруппировать в следующие блоки.

Внутриполитические и экономические последствия:

- размытость политической ситуации, потеря в ближайшее время стратегических политических ориентиров;

- усиление центробежных тенденций, активизирующее сепаратистские настроения и латентный или явный раскол по региональному признаку;

- силовое преследование и геноцид в стране;

- переориентирование комплексных экономических приоритетов;

- передел собственности между элитными группами.

Внешнеполитические последствия:

- изменение геополитических ориентиров государства, что может нивелировать его деятельность в определенных международных союзах, сообществах и организациях;

- значительное ухудшение отношений со странами, которые ранее были основными стратегическими партнерами этого государства;

- попадание в зависимость от стран, оказавших внешнее содействие развитию этнополитической конфликтности в государстве [2].

Если рассматривать сценарии урегулирования политического кризиса в восточной Украине, то имеется множество мнений по этому поводу. На наш взгляд, все позиции условно можно представить тремя сценариями:

1. Силовое истребление оппозиционных сил в восточной Украине. Этот сценарий реализуется на сегодняшний момент украинскими властями. Цель карательных операций заключается в тотальном уничтожении оппозиции в восточной Украине, которая воспринимается властями как сепаратистская и террористическая активность. Очевидно, что дальнейшая силовая политика в восточной Украине не позволит решить проблем, усугубит ситуацию в стране и в мире. Человеческие потери будут катастрофическими и будут только расти.

2. Сецессия и ирредентизм восточных частей Украины. Данный сценарий неприемлем для действующей украинской власти, ибо ставит под сомнение существование целостного украинского государства.

3. Федерализация Украины или ее децентрализация с сохранением унитарного территориального устройства. Наиболее приемлемый сценарий на сегодняшний момент. Наделение дополнительными полномочиями отдельных регионов, по мнению некоторых уче-

ных [6–7], позволит несколько сгладить противоречия центральных и региональных интересов и сохранит целостность страны.

Каждый из этих сценариев можно рассмотреть с позиций и интересов Российской Федерации. Далее приведем SWOT-анализ [17], который позволяет выделить «позитивные» и «негативные» последствия для России. Конечно эти последствия носят во многом условный характер, и не являются истиной последней инстанции.

1. Силовое истребление оппозиционных сил в восточной Украине.

Положительные аспекты: США и Запад не пойдет на существенное расширение санкций против России; Азиатские государства сохранят нейтральное отношение к украинскому кризису, а ключевые для России страны постсоветского пространства сохраняют благожелательную для Москвы позицию; России удастся избежать перенапряжения сил и гарантировать успех в переговорном процессе России и Запада.

Отрицательные аспекты: отказ от защиты прав и интересов русского и русскоязычного населения на Юго-Восточной Украине подрывает авторитет России в этом регионе, где проживает около 20 млн человек (население Юго-Восточной Украины почувствует себя «брошенным»); Россия получит на своих границах крупное враждебное государство, стремящееся к вступлению в ЕС и НАТО, декларирующее территориальные претензии к России; будет поставлено под вопрос сохранение российских транзитных возможностей через территорию Украины, может усилиться угроза российской собственности на Украине; урон обороноспособности России усилит ее военную уязвимость на западных границах; русскоязычное население Украины, в т.ч. на юго-востоке страны, подвергнется дальнейшим репрессиям, особенно пострадают те, кто доверился изменению российской риторики и открыто высказал свою позицию; будут отрезаны от России и потеряны Приднестровье и Гагаузия; напряженность в отношениях с Западом хоть и не будет нарастать, но все равно останется значительной, при этом геополитический выигрыш России будет локализован в Крыму, а вся остальная территория Украины станет тесно

привязанной к интересам Запада (подобный геополитический «размен» был бы выигрышным для Запада и отрицательным для России).

Подводя итог, можно сделать вывод, что этот сценарий мог бы быть оправдан в том случае, если руководство России считает, что страна не выдержит дальнейшего «повышения ставок» в геополитической игре. В то же время, этот сценарий допускает возникновение в будущем той ситуации, когда воинские части НАТО появятся под Донецком и Луганском, а военные корабли НАТО будут базироваться в одесском порту. Представляется, что Президент России Путин, говоря о «красной линии», которую Запад перешел на Украине, не готов допустить такое развитие событий.

2. Сецессия и ирредентизм восточных частей Украины. Этот сценарий может быть реализован по «приднестровскому» или «крымскому» варианту.

«Приднестровский» сценарий.

Положительные аспекты: получение Россией серьезного геополитического выигрыша; будет сформировано единое пророссийское геополитическое пространство от Харькова и Луганска до Приднестровья и Гагаузии; новые государственные образования установят активные интеграционные связи с Россией; новые государственные образования получат российские военно-политические гарантии, что обезопасит их от прямого силового давления со стороны Киева и НАТО.

Отрицательные аспекты: неясность правовой формы, в которой новые государственные образования будут интегрироваться не только с Россией, но и с Таможенным союзом в целом (нельзя исключить и возможные сложности в отношениях с Белоруссией и Казахстаном по этому вопросу); фактически функции обеспечения экономического выживания Юго-Восточной Украины отойдут России (впрочем, следует учитывать, что «приднестровский» сценарий не предполагает выравнивания уровня жизни на юго-востоке Украины со средним уровнем по России); возможность масштабного экономического давления со стороны стран Запада значительно возрастает. На Западе этот сценарий могут посчитать эквивалентным вхождению Юго-Восточной Украины в состав России; оставшаяся часть Украины (Западная

и Центральная Украина) при реализации «приднестровского» сценария станет источником постоянной нестабильности для России (на этой территории возобладают русофобские, реваншистские настроения, а страны Запада будут оказывать этому покровительство с целью ослабления России).

«Крымский» сценарий.

Положительные аспекты: произойдет максимизация российского геополитического выигрыша (впрочем, это будет достигнуто за счет интересов всех других внешних акторов); увеличится территория, военно-политические возможности, количество населения России, в перспективе — могут быть восстановлены интенсивные производственные связи между Россией и юго-востоком Украины; усилятся позиции России в Черноморском регионе, будет решена проблема Приднестровья и Гагаузии; применительно к Украине будет последовательно реализована доктрина Русского мира (в результате российское руководство сможет перейти к более активной политике в идеологической сфере); Юго-Восточная Украина надолго войдет в состав российского политического пространства — вне зависимости от дальнейшего изменения баланса сил в регионе.

Отрицательные аспекты: существует опасность военных действий со значительным количеством жертв как среди российских военнослужащих, так и среди мирного населения; Россия подвергнется масштабному экономическому давлению со стороны Запада; противостояние России с Западом станет длительным, давая долгосрочные преимущества третьим странам — главным образом, Китаю; России станет сложнее аргументировать свою позицию как перед лицом незападных стран, так и в отношениях со странами Таможенного союза (необходимо не поставить Таможенный союз под удар); Россия будет нести ответственность за бедственное экономическое положение и сложную военно-политическую обстановку в новых субъектах Российской Федерации; часть населения новых субъектов Российской Федерации будет оставаться нелояльной — будут сказываться два десятилетия пребывания в составе украинского национального проекта, а также смешанный состав населения (со временем эта проблема может

найти решение, однако потребуются годы продвижения новой интернациональной идеологии в нестабильных экономических условиях); неясно, какой статус обретут новые субъекты Российской Федерации — областей или республик (в том случае, если они войдут в состав Российской Федерации как республики — не будет ли это «размывать» федеративное устройство страны?); до критических пределов может ухудшиться положение русскоязычного населения на территориях, по-прежнему подчиненных Киеву; могут возникнуть сложности при оформлении новой государственной границы России (она не будет определена географическими условиями, являясь в то же время протяженной, неоформленной и «проницаемой» для действий украинских радикалов); России придется взять на себя ответственность за полное переформатирование политической и экономической элиты современных юго-восточных регионов Украины (это потребует существенного организационного ресурса).

Этот сценарий является наиболее рискованным, но может повлечь за собой наибольший непосредственный геополитический выигрыш. «Крымский» сценарий может быть реализован не немедленно, а по прошествии некоторого времени: сейчас развитие ситуации на юго-востоке Украины не создает таких же благоприятных предпосылок для России, которые имелись у нее в Крыму. Эти предпосылки необходимо развивать — особенно в том случае, если ставка будет сделана на этот сценарий. Но необходимо учитывать, что в случае реализации этого сценария Россия должна будет отстаивать свой геополитический выигрыш в течение длительного времени в условиях неблагоприятной внешней среды. Без существенных изменений в экономической и идеологической политике государства эта задача может оказаться непосильной.

3. Федерализация Украины или ее децентрализация с сохранением унитарного территориального устройства. Сама по себе федерализация — это благо для Украины как для внутренне неоднородной страны, в которой различные регионы стремятся к повышению своей роли в общегосударственных делах. Это единственный сценарий, при котором на границах России будет существовать не враждеб-

ная Украина, а страна, которая урегулировала с Россией ряд ключевых спорных вопросов. Слабые места этого сценария связаны с тем, что федерализация как идеальная цель может быть нереализуема на практике (примерами федерации, если кто то и забыл, являются те же США или России!)

Положительные моменты: разрешение кризисной ситуации будет достигнуто в пределах правового поля, с согласия украинской стороны; украинская сторона сохранит полную ответственность за преодоление катастрофических экономических последствий политического кризиса, в то время как Россия этой ответственности избежит; Россия получит теоретический шанс на то, чтобы «переформатировать» отношения с центральными властями Украины; количество жертв столкновений и граждан Украины, подвергнутых преследованию за симпатии к России, может быть минимизировано после достижения политического урегулирования; станет возможным возникновение механизмов интеграции экономик юго-восточных регионов Украины и экономик стран Таможенного союза — в пределах украинского правового поля.

Отрицательные моменты: остается неясным, какие политические силы с украинской стороны способны гарантировать соблюдение договоренностей по федерализации; сохранение юго-восточных регионов в составе единой Украины приведет к максимизации несилового давления на регион со стороны Киева и стран Запада (Целью этой политики давления станет противодействие росту пророссийских настроений с использованием традиционного набора методов); федерализация Украины может охватить ряд сфер из области государственного управления (экономическая политика, самоуправление, статус языков и др.), но для ее успешного осуществления не хватает ключевой предпосылки — близости идейных взглядов, готовности жить в едином государстве и разделять общие ценности.

Можно предположить, что этот сценарий является для России выигрышным. Возможно, федерализация (при том условии, что она произойдет на деле, а не только на словах) является оптимальным сценарием и для самой Украины. У федерализации как идеальной

цели вряд ли есть серьезные недостатки, но главной проблемой остается то, что достичь конкретных договоренностей и гарантировать их реализацию очень сложно. Успешная федерализация Украины потребовала бы от России экстраординарной политической воли и длительных планомерных усилий в условиях жесткой внешней конкуренции. Если Россия, стремясь к федерализации Украины, не сможет достигнуть этой цели из-за недогоспособности украинского руководства, то ее действия могут стать более решительными. Это открывает путь для возможной реализации других сценариев.

Вместе с тем, для достижения национально-го баланса на Украине необходимо исходить из следующих принципов:

- уважение к истории, традициям, культуре, языку и национальному достоинству всех народов, населяющих территорию государства;
- ответственность за сохранение исторически сложившегося государственного единства народов одного государства, целостности составляющих его национально-территориальных единиц;
- достижение и укрепление межнационального, межрелигиозного и межкультурного согласия, доверия и взаимопонимания;
- приоритет прав и свобод человека и гражданина независимо от этнонациональной и религиозной принадлежности и территории проживания, а также право народов на самоопределение на основе конституции государства;
- право личности на свободное этническое и религиозное самоопределение, реализуемое как право на выбор собственной культурной идентичности и право на удовлетворение интересов и запросов, связанных с этнической и религиозной принадлежностью;
- суверенитет и территориальная целостность государства, недопустимость вмешательства в его внутренние дела со стороны иностранных государств;
- равенство народов вне зависимости от их численности, формы национально-государственного устройства и типа расселения [8].

Стоит особо отметить, что реализация того или иного сценария в урегулировании политического кризиса носит весьма условно-тео-

ретический, но вместе с тем, показательный отпечаток политической действительности. И любая интерпретация урегулирования кризиса будет иметь определенные последствия для всего мирового сообщества.

Роль и место России в урегулировании политической напряженности на Украине, на сегодняшний момент, явно нейтральна и носит формально-дипломатический характер. Тезисно ее можно охарактеризовать следующими постулатами:

- признание целостности и самобытности украинского государства;
- прямое невмешательство во внутривнутриполитические дела Украины;
- признание легитимности действующей украинской власти;
- гуманитарная помощь украинцам, пострадавшим в военно-вооруженных столкновениях;
- поддержка и помощь беженцам из Украины, пересекших границу Российской Федерации;
- участие в переговорном процессе по урегулированию этнополитического конфликта на Украине.

Позиция России ярко демонстрируется в выступлениях Министра иностранных дел России С. Лаврова. Так С. Лавров в одном из своих выступлений отметил: «Мы не употребляли какие-либо термины — они могут быть самыми разными: это может быть федерация, в которой учтены права субъектов, может — формально унитарное государство, где власть настолько децентрализована, что иной федерации завидно будет. Повторю, мы исходим из того, что главная концептуальная основа сегодняшней встречи заключалась в том, что все участники приехали с пониманием необходимости послать сигнал всем украинским сторонам, что на них лежит ответственность за выход из нынешнего кризиса. Если они сядут и договорятся о количестве полномочий, которые будут оставлены регионам и которые будут переданы Центру, о том, как каждый регион может защитить свою культуру, историю и язык, как на территории каждого региона могут быть обеспечены равные права для меньшинств, тогда Украина будет сильным государством, которое мы все хотим видеть, будет тем

связующим звеном, мостом между Западом и Востоком, который поможет существенно оздоровить атмосферу во всей Евро-Атлантике на основе уважения законных интересов всех расположенных в этом регионе государств... Теперь дело за киевскими властями, которые должны обеспечить инклюзивный, транспарентный и подотчетный конституционный процесс» [18].

Таким образом, современная позиция России в отношении украинского кризиса выглядит следующим образом. С момента обострения конфликта Москва выступала за сохранение территориальной целостности Украины и предоставление ее регионам широкой автономии. С началом реализации плана насильственного уничтожения русскоязычного населения в стране она не отрицала возможность трансформационных изменений территориального устройства Украины, однако при условии полного волеизъявления ее жителей.

Как отмечает исследователь И.А. Антонова, «эволюция внешнеполитической концепции России связана, в первую очередь с меняющимися внешними условиями, мирополитическими трендами и текущими внутривосточными процессами. Такие события, как появление новой стратегической концепции НАТО, заявления о расширении Альянса на Восток, попытки США способствовать формированию однополярного мироустройства, проведение „гуманитарных интервенций“ в обход Совета Безопасности и другие, достаточно быстро находили резонанс в позициях Москвы по ключевым мирополитическим вопросам. Кроме того, эволюция внешней политики России отражает процесс поисков ею места на мировой арене и в глобальном силовом поле» [1].

Так к моменту проведения референдума на Крымском полуострове позиция России заключалась в защите русскоязычного населения данного региона (которое преобладало в регионе), поскольку не были гарантированы их права и безопасность. Ввиду женевских переговоров по урегулированию этнополитического конфликта на востоке Украины о нормализации отношений между Киевом и Востоком страны Москва дала понять, что подержит любое решение Киева, но при этом не

будет его продвигать. В то же время Россия нейтрально относится к новоизбранной власти в Новороссии.

В заключение статьи хотелось бы выделить ключевые особенности политики России в процессах урегулирования украинского политического кризиса. Во-первых, большинство практических действий Москвы являются ответом на реалии мировой политики и вызовы со стороны Запада, как правило, отрицательно реагирующего на предложения России. Во-вторых, для Кремля характерно периодическое использование влияния на региональном и глобальных уровнях в целях реализации российских национальных интересов. В-третьих, политика Москвы в украинском урегулировании не агрессивна, проявляется лишь жесткость позиции. В-четвертых, если до этого направлениям для практических действий России характерна комплексность и определенная усложненность ввиду сохранения баланса между Европой и США как особо важных для нее партнеров, то украинскому вектору российской внешней политики временами присуща решительность и даже некоторая целенаправленность. В-пятых, именно украинский вектор и ситуация на ее востоке в целом способствовали изменениям во внешнеполитической доктрине Москвы, вследствие чего проявился большой интерес и возросла ее роль также и в азиатском направлении. В-шестых, особенностью российской политики является периодическое применение ею весьма неожиданных методов, которые можно рассматривать в качестве альтернативы применению силы в целях отстаивания жесткой внешнеполитической позиции.

Литература

[1] Антонова И.А. Интересы ведущих держав мира в регионе Восточного Средиземноморья: фактор конфликта на Кипре / Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке / под ред. В.С. Ягья, М.Л. Лагутиной. — Вып. 5 — СПб.: СПбГУ, 2011. — С. 135–144.

[2] Ашрафи М.М. Глобализация и ее влияние на процесс этнизации в Исламской Республики Иран. — Тегеран, 2010. — 250 с.

[3] Барсамов В.А. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты // Полис. — 2006. — № 8. — С. 57–66.

- [4] Великая А.А. Международное гуманитарное сотрудничество: отечественный и западный подход // Мат-лы VI Всероссийского конгресса политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия» (Москва, 22–24 ноября 2012 г.). — М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. — С. 99–100.
- [5] Великая А.А. Формирование образа России за рубежом как элемент «мягкой силы» // Право и управление XXI век. — 2013. — № 3. — С. 87–92.
- [6] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Миграционная политика через призму национальной безопасности федеративной государственности: страхи «пороссийски» / Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68). — С. 166–168.
- [7] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Украинская трагедия как вызов международной безопасности // Вопросы политологии. — 2014. — № 2 (14). — С. 87–102.
- [8] Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : монография. — М. : Юридический институт МИИТа, 2013. — С. 103.
- [9] Кучма Л. Украина — не Россия. — М.: Время, 2003. — С. 19.
- [10] Медведев Н.П. Этнополитический консенсус: к вопросу о конфликте на Юго-востоке Украины // Вопросы политологии. — 2014. — № 2 (14).
- [11] Мирзаханян С.Г. Наднациональное строительство в Европе (на примере Европейского Союза): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Дипломатическая академия МИД России. — М., 2014. — С. 17.
- [12] Петров М.Н. Механизмы государственных переворотов: исторически-теоретические исследования. — М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. — С. 217–228.
- [13] Погребинский М. Оранжевая революция. — М.: Европа, 2005. — С. 56.
- [14] Садыкова Э.Л. Концептуальные вопросы модели межкультурного диалога в современных международных отношениях. — М., 2012. — 279 с.
- [15] Сосновский Д.В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991–2014): автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Моск. госуд. ун-т. — М., 2014. — 29 с.
- [16] Цыбаков Д.Л. Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России. — М.: МАКС Пресс, 2012. — 236 с.
- [17] URL: // <http://rusrand.ru/events/rossija-i-jugo-vostochnaja-ukraina>
- [18] URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/182.html>

УДК 327(470)

ДЕМЬЯНЕНКО Юрий Анатольевич,

кандидат социологических наук,

ректор ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет»

e-mail: rector@pskgu.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Сегодня Россия, как никогда, заинтересована в активном партнерстве, как на западном, так и восточном векторе своей внешней политики. Европейское направление внешней политики России — одно из самых насыщенных, самых проблемных и самых многообещающих. Можно с уверенностью говорить, что все эти характеристики останутся справедливы и в обозримом будущем.

Ключевые слова: регион, сотрудничество, Россия, Европа, еврорегион, партнерство, границы, стратегии, трансформации.

В рамках новой европейской регионализации создаются структуры, выходящие за сложившиеся территориально-административные рамки. Наиболее распространенной формой являются еврорегионы, представляющие собой специализированные тип партнерства, обращенный, в первую очередь, к локальным приграничным и трансграничным проблемам [7].

Логика развития в условиях европейской интеграции привела к выделению приграничного сотрудничества регионов и местных властей в отдельную область со специфическим политико-правовым регулированием.

Вместе с тем приграничное сотрудничество с Европой не всегда играет позитивную роль для национальных государств. Так, например, ученые В.В. Гайдук и А.Р. Сулейманов считают, что попытки Западной Украины (учитывая ее приграничное положение) интегрироваться в Европу, с полным игнорированием ее русскоязычных корней, в какой-то степени выступило катализатором обострения международной безопасности и привело к гражданской войне в государстве [1–3]. Но все ли так плохо?

Принципы межрегионального сотрудничества в Европе представлены в двух основных документах — Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, подписанной в Мадриде 21 мая 1980 г. и всту-

пившей в силу в июне того же года, и Европейской Хартии местного самоуправления от 15 октября 1985 г. [7].

Международная деятельность регионов пока не опирается на единую нормативную международную базу и не имеет унифицированных институтов и механизмов сотрудничества. Кроме того, регионы различных стран имеют существенно различающиеся полномочия в области внешних связей. В этом главное организационно-политическое отличие сферы международного сотрудничества регионов от сложившейся системы международных отношений, основанной на международных договорах, создании и деятельности международных организаций, внешнеполитических государственных ведомств, дипломатических, консульских и торговых представительств, функции и полномочия которых зафиксированы в международных конвенциях.

Современное международное право не содержит прямых запретов на участие регионов в международных отношениях, однако оно и не включает положения, непосредственно регулирующие это процесс. Можно предположить, что в результате широкого распространения практики международной деятельности субъектов федерации формируется неписанная норма международного права, удостоверяющая законность этой деятельности [7]. Очевид-

но, что при всем этом международная деятельность субъектов должна находиться в русле государственной внешней политики и координироваться в национальных масштабах.

Россия и ЕС в силу географической близости, наличия общих экономических интересов, интересов в области безопасности заинтересованы в поддержании и развитии контактов друг с другом.

Правовой основой отношений между ЕС и Россией является Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), которое вступило в силу 1 декабря 1997 г. на первоначальный срок 10 лет. СПС, который ежегодно с 2007 года продлевается, остается правовой основой отношений между ЕС и Россией до его замены новым соглашением.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве распространяет свое действие на широкий диапазон политических мер, включая политический диалог, торговлю товарами и услугами, бизнес и инвестиции, финансовое и законодательное сотрудничество, науку и технику, образование и обучение, энергетику, сотрудничество в ядерных и космических технологиях, окружающую среду, транспорт, культуру, предотвращение незаконной деятельности.

На саммите 2008 года в Ханты-Мансийске был начат процесс переговоров по новому Соглашению между ЕС и Россией, заменяющему Соглашение и партнерству и сотрудничестве.

Говоря о взаимодействии России и Европейского Союза, необходимо коснуться институциональной основы сотрудничества. Так, ее основу составляют:

1. Саммиты на президентском уровне играют ключевую роль в институциональной системе взаимодействия России и Европейского союза и определяют стратегические направления развития отношений. Они проходят дважды в год: традиционно в первом полугодии в России, во втором — согласно практике, установленной после вступления 1 декабря 2009 г. в силу Лиссабонского договора — в Брюсселе (ранее — в стране, председательствовавшей в Совете ЕС). На подобных встречах с российской стороны участвуют Президент России и министры, отвечающие за те или иные сферы сотрудничества с Евросоюзом. Европей-

ский союз представлен Председателями Европейского совета и Еврокомиссии, а также Высшим представителем по иностранным делам и политике безопасности.

2. Постоянные советы по партнерству (ПСП), позволяющие министрам, отвечающим за различные сферы работы, встречаться с необходимой регулярностью. Уже проводились встречи постоянных советов по партнерству с участием российского министра иностранных дел, министра внутренних дел, министров транспорта и экологии.

3. Политический диалог продолжается и реализуется в ходе регулярных встреч министров иностранных дел, встреч высокопоставленных чиновников ЕС с их российскими коллегами, ежемесячных встреч российского посла в ЕС с комитетом по политике и безопасности, а также встреч на экспертном уровне по широкому кругу актуальных международных вопросов.

4. С 2005 года проводятся регулярные «консультации по вопросам прав человека».

5. Несколько раз в год проводятся встречи между Европейским парламентом и Российской Федерацией (Государственной Думой и Советом Федерации) в Совете по парламентскому сотрудничеству между ЕС и Россией (СПС), либо на уровне самого комитета, либо на уровне рабочих групп, учрежденных комитетом [9].

27 января 1998 г. прошла первая встреча образованного в соответствии с вышеуказанным соглашением Совета Сотрудничества ЕС и Российской Федерации. В заключительном сообщении было отмечено, что ЕС и Российская Федерация являются стратегическими партнерами в деле мира, стабильности, свободы и процветания в Европе, и что они разделяют ответственность за будущее континента и за его пределами.

На саммите ЕС в Кельне 4 июня 1999 г. была утверждена «Коллективная стратегия ЕС в отношении России». В этом документе, в частности отмечается, что стратегическая цель ЕС в отношении Российской Федерации — стабильная, открытая и плюралистическая демократия, основанная на принципах правового государства, процветающая экономика в интересах всех граждан Российской Федерации

и населения ЕС; содействие глобальной безопасности и совместный поиск ответов на общие вызовы на континенте.

В России была подготовлена Стратегия развития отношений Российской Федерации с ЕС на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.), которая была представлена на саммите в Хельсинки 22 ноября 1999 г. В этом документе отмечается, что партнерство будет строиться на взаимовыгодной основе. Задача присоединения Российской Федерации к ЕС не ставилась. Российская Федерация сохраняла свободу определения и проведения своей внутренней и внешней политики. В указанный период партнерство Российской Федерации с ЕС выражалось в совместных усилиях по созданию коллективной системы безопасности в Европе, в деятельности по созданию зоны свободной торговли, в высоком уровне взаимного доверия и сотрудничества.

Анализ обоих документов позволяет сделать вывод о том, что они представляют собой солидную базу для развития сотрудничества в различных областях.

На саммите Россия — ЕС 31 мая 2003 г. впервые была объявлена идея создания «четырёх общих пространств» между Россией и ЕС:

- общее экономическое пространство;
- общее пространство свободы, безопасности и правосудия;
- пространство сотрудничества в области внешней безопасности;
- пространство научных исследований и образования, включая культурные аспекты.

10 мая 2005 г. состоялся саммит Россия — ЕС, который прошел в Москве. На нем были приняты «дорожные карты» по четырем общим пространствам. Эти документы являются совместными планами действия по созданию общего экономического пространства, общего пространства свободы, безопасности и правосудия, общего пространства внешней безопасности общего пространства научных исследований и образования, включая культурные аспекты.

«Дорожная карта» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия: Реализация этой «карты» преследует цель содействовать контактам и поездкам между Россией и ЕС, обеспечить облегченное пересечение

границы и пребывание на территориях Российской Федерации и ЕС. Общие принципы:

- 1) равенство между партнерами и взаимное уважение интересов;
- 2) приверженность общим ценностям, демократии и верховенству права, их применению судебными системами;
- 3) уважение прав человека;
- 4) уважение и соблюдение принципов и норм международного права, включая гуманитарные положения;
- 5) уважение основных свобод, включая обеспечение свободы и независимости средств массовой информации.

В сфере безопасности ставится задача совершенствовать сотрудничество для противодействия терроризму и всем формам организованной преступности. В области правосудия ставится задача содействовать повышению эффективности судебной системы России и членов ЕС и независимости суда.

«Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности: Россия и ЕС активизируют сотрудничество в борьбе с терроризмом путем обмена информацией, через консультации в Москве и Брюсселе.

«Дорожная карта» по общему пространству науки и образования: Россия и ЕС договорились содействовать упрощению государствами ЕС визовых процедур в отношении граждан России. Стороны намерены содействовать принятию системы сопоставимых степеней высшего образования, интеграции сотрудничества в рамках европейского пространства высшего образования в соответствии с Болонским процессом. В сфере культуры Россия и ЕС изъявили желание содействовать повышению доступности культуры для населения, распространению искусства и культуры, межкультурному диалогу, углублению знания истории и культурного наследия народов Европы.

Идею ОЕЭП бала предложена в 2001 году на саммите ЕС — Россия. В практическом плане это должно было вылиться в сближение экономик России и Евросоюза, углубление совместного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, незаконной миграцией, а в перспективе — и в отмену визового режима, что в настоящее время

мя активно обсуждается на уровне глав государств в формате саммитов Россия — ЕС.

Общее пространство внешней безопасности предполагало наращивание сотрудничества сторон в решении международных проблем.

По статистике, на Евросоюз приходится половина объема внешней торговли России, а государства-участники этой организации являются крупнейшими прямыми инвесторами в российскую экономику.

23 мая 2007 г. между Россией и Европейским Союзом был подписан Меморандум о взаимопонимании для установления диалога о региональной политике.

Целями диалога о региональной политике являются:

- сотрудничество и обмен информацией по соответствующим стратегиям, способствующим экономическому росту, укреплению конкурентоспособности и повышению уровня занятости населения, а также реализация мер по улучшению территориального баланса;

- обмен информацией об опыте разработки и реализации региональной политики, уделяя особое внимание способам стимулирования развития отсталых районов, укрепления приграничного сотрудничества и социально-экономического развития приграничных регионов;

- обмен опытом разработки региональных стратегий и методик подготовки многолетних программ;

- поддержка и содействие сотрудничеству между Российскими регионами и регионами Европейского союза, а также между местными, региональными и национальными представителями;

- обмен опытом и усиление сотрудничества по вопросам пространственного развития, включая деятельность, развитую в других международных организациях, в том числе сотрудничество в контексте российского Председательства в Европейской конференции министров регионального планирования СЕМАТ, другие вопросы региональной политики, представляющие взаимный интерес [6].

Благодаря данному Меморандуму в сфере региональной политики представители России принимают участие в «Днях открытых две-

рей» — ежегодном осеннем форуме регионов и городов, организуемом Комитетом регионов ЕС и генеральным директором «Региональная политика» Европейской комиссии в сотрудничестве с более чем сотней региональных администраций. В рамках Меморандума уже создана возможность для открытия в Брюсселе представительств городов и субъектов Российской Федерации. Достигнута договоренность об объемах совместного финансирования программ приграничного сотрудничества России и ЕС [4].

На 25-м саммите Россия — ЕС, который состоялся 31 мая — 1 июня 2010 г. в Ростове-на-Дону, Европейский Союз и Россия объявили о начале Партнерства для модернизации во имя благополучия своих граждан.

В современном мире, где народы и экономики все более взаимосвязаны и взаимозависимы, модернизация экономики и общества становится все более важным и необходимым процессом.

Европейский Союз и Россия, являясь давними стратегическими партнерами в нашем постоянно меняющемся, многополярном мире, привержены сотрудничеству с целью решения глобальных проблем, как на государственном, так и на международном уровне, используя при этом рациональный подход, нацеленный на достижение результата и основанный на демократических принципах и верховенстве закона. Новое Соглашение, о заключении которого в настоящее время ведут переговоры Россия и Европейский союз, также будет служить основой для достижения указанных целей. В данном контексте «Партнерство для модернизации» создаст гибкие рамки для осуществления реформ, оказания содействия росту и повышению конкурентоспособности. Программа будет основываться на ранее достигнутых результатах в рамках четырех Общих Пространств Европейского Союза и России, таким образом, дополняя сотрудничество между странами-членами Европейского Союза и Российской Федерацией. Основным инструментом «Партнерства для модернизации» будут являться отраслевые диалоги.

Европейский Союз и Россия объединены общим интересом расширения двусторонней торговли и создания инвестиционных возмож-

ностей, упрощения и либерализации мировой торговли, укрепления и развития конкуренции, в том числе, посредством вступления России в ВТО.

Приоритетные направления «Партнерства для модернизации» будут включать в себя: расширение возможностей для инвестирования в ключевые отрасли, стимулирующие рост и инновации, укрепление и углубление двусторонней торговли и экономических отношений, а также создание благоприятных условий для предприятий малого и среднего бизнеса; содействие выравниванию технических регламентов и стандартов, а также высокому уровню защиты прав интеллектуальной собственности; развитие транспорта; содействие развитию устойчивой экологически чистой экономики и энергоэффективности, а также содействие международным переговорам по противодействию изменению климата; укрепление сотрудничества в сферах инноваций, исследований и развития, а также космоса; обеспечение сбалансированного развития посредством преодоления региональных и социальных последствий экономической реструктуризации; обеспечение эффективного функционирования системы судебных органов и усиление борьбы с коррупцией; содействие развитию связей между людьми; и укрепление диалога с гражданским обществом для поощрения участия в нем граждан и бизнеса. Однако, больший акцент сделан на сотрудничество в технологической, инновационной, торгово-экономической сферах. Среди них главный российский приоритет в Партнерстве, по заявлению президента Российской Федерации на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России в июне 2010 г., это «именно сотрудничество в сфере высоких технологий» [5]. И это далеко не полный список областей сотрудничества. Другие области сотрудничества будут добавлены по мере необходимости. Европейский союз и Россия также будут содействовать осуществлению индивидуальных проектов в рамках Партнерства для модернизации.

Как уже отмечалось выше, о формировании совместной инициативы России и Европейского союза «Партнерство для модернизации» впервые было объявлено во время

саммита Россия — ЕС в Стокгольме в ноябре 2009 г. На саммите Россия — ЕС в Ростове-на-Дону в конце мая — начале июня 2010 г. был официально дан ее старт, подписано Совместное заявление по «Партнерству для модернизации».

Со времени вступления в силу Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (1 декабря 1997 г.) Россия и ЕС провели 29 саммитов. Последний из них состоялся в Санкт-Петербурге в июне 2012 г. Его цель была в том, чтобы оценить достигнутый прогресс и способствовать дальнейшему, более тесному сотрудничеству.

Основными темами рабочего заседания стали сотрудничество в сфере энергетики, упрощение визового режима, углубление торгово-экономического сотрудничества в контексте вступления России в ВТО и развития процессов евразийской интеграции, реализация стратегии «Партнерство для модернизации».

Не менее интересной является политика Северного измерения Европейского союза, которая отражает интенсивные приграничные отношения ЕС с Россией в Балтийском и Арктическом регионах.

Политика Северного измерения была разработана в 1999 году при участии Норвегии, Исландии, стран — членов ЕС и Российской Федерации. Канада и США являются наблюдателями.

С расширением ЕС 1 мая 2004 г. важность Северного измерения существенно возросла: сегодня восемь стран — членов ЕС (Дания, Германия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Швеция) окружают Балтийское море, а длина общей границы между ЕС и Россией значительно увеличилась.

Предмет политики Северного измерения все в большей степени касается северо-запада России, являющегося самой крупной территорией в данном измерении.

Приоритетные зоны политики Северного измерения включают Балтийское море, Калининградскую область и ее возможности для развития, обусловленные специфическим географическим положением, а также обширные арктические и субарктические территории, включая регион Баренцева моря. Она помо-

жет избежать возникновения разделительных линий в Северной Европе. Партнерами по Северному измерению являются Европейский Союз, Исландия, Норвегия, Российская Федерация, а также региональные организации, такие как Совет государств Балтийского моря, Совет Баренцева Евро-Арктического региона, Арктический Совет, Совет Министров Северных стран.

Северное измерение также нацелено на развитие богатого потенциала региона, например в том, что касается природных ресурсов, экономической динамики и богатого культурного наследия.

Основными приоритетными темами для диалога и сотрудничества стали:

- экономика, бизнес и инфраструктура;
- людские ресурсы, образование, культура, научные исследования и здравоохранение;
- окружающая среда, ядерная безопасность и природные ресурсы;
- приграничное сотрудничество и региональное развитие;
- правосудие, свобода и безопасность.

Для достижения целей развития приграничного сотрудничества Евросоюзом поощряется создание межгосударственных органов различного уровня и формата, призванных координировать приграничное сотрудничество. Особенно приветствуется создание еврорегионов и трансграничных ассоциаций местных самоуправлений.

Одной из ключевых задач концепции развития еврорегионов, начало реализации которой было положено в 60-е годы, являлось придание «прозрачности» внутренним границам за счет совместного решения приграничными регионами общих или близких проблем местного, либо регионального характера.

С одной стороны, еврорегион может быть определен, как часть приграничной территории, которая формируется из административно-территориальных единиц регионального и местного уровня различных государств, объединенных общими интересами по развитию экономики, транспортной инфраструктуры, приграничного хозяйства, охраны природы, сохранения и развития культуры, совершенствования системы образования, здравоохранения и социального обеспечения, рекреации

и туризма. В целом, это способствует формированию европейского самосознания и укрепления солидарности европейских народов.

С другой стороны, еврорегион — это своеобразный «зонтичный проект», в рамках которого реализуются двусторонние и многосторонние конкретные отраслевые проекты. Под эгидой еврорегионов более эффективно решаются вопросы обустройства общей границы и прилегающей территории, взаимодействия в чрезвычайных ситуациях. Во многих случаях участники еврорегионов решают задачи локального характера: водообеспечение, миграция приграничного населения, пространственное планирование и др. В основе деятельности еврорегионов лежат принципы консенсусных решений, взаимных договоренностей или реализации совместно выработанных программ сотрудничества.

По организационному принципу еврорегионы можно разделить на несколько категорий:

- ассоциация местных и региональных властей сопредельных регионов различных государств, имеющая в отдельных случаях регулярно созываемую ассамблею и не являющаяся юридическим лицом;
- также не обладающая собственной юридической правосубъектностью трансграничная организация с постоянно действующим административным аппаратом и финансовыми ресурсами;
- некоммерческая организация или фонд, созданная и зарегистрированная в соответствии с действующим гражданским (частным) правом одной из сопредельных стран;
- организация, созданная в соответствии с публичным правом на основе межгосударственных договоров с юридическим участием территориальных властей.

Юридический статус еврорегионов существенно различается. Это может быть сообщество на основе общих целей без юридической правосубъектности (еврорегион Ныса — *Neisse* и еврорегион Эльба — *Elbe-Labe*), европейское экономическое объединение (еврорегион Трансканал — *Euroregion Transcanal*), рабочий комитет без юридической правосубъектности (еврорегион Баварский лес — *Euregio Bayerischer Wald-Böhmerwald/Sumava*), неком-

мерческая ассоциация (например, еврорегион Саар-Лор-Люкс-Рейн — *Euregio Saar-Lor-Lux-Rhine*, созданный в соответствии с гражданским/частным правом Люксембурга) или государственный орган (еврорегион Рейн-Вааль — *Rhine-Waal Euregio*). Причем иногда юридический статус одного и того же еврорегиона может различаться в разных странах. Например, еврорегион Маас-Рейн (*Euregio Maas-Rhine*) в соответствии с законодательством Нидерландов является фондом, а по бельгийскому законодательству имеет статус некоммерческой организации.

Некоторые еврорегионы объединяют административно-территориальные единицы одного уровня государственного управления. Так, еврорегион Карпаты (*Carpathian Euroregion*) объединяет венгерские округа, области Украины, польские воеводства и румынские уезды. Словакия участвует в еврорегионе Карпаты на правах наблюдателя.

Другие еврорегионы имеют смешанную структуру. В качестве примера можно привести еврорегион Маас-Рейн (*Euregio Maas-Rhine*), в котором нидерландские провинции и бельгийские регионы сотрудничают с ассоциацией германских муниципалитетов Регио Ахен (*Regio Aachen*) и немецким сообществом Бельгии. Еще одним примером подобного объединения является еврорегион Саар-Лор-Люкс-Рейн (*Euregio Saar-Lor-Lux-Rhine*), в который входят не только регионы (субнациональные единицы), но и государство — Великое герцогство Люксембург.

Учитывая, что ассоциации городов, коммун и округов могут являться членами еврорегионов, польские муниципалитеты широко практикуют поэтапное осуществление членства в еврорегионах: сначала создается объединение муниципалитетов, регистрируемое в соответствии с законом об ассоциациях, которое затем подписывает соглашение об образовании еврорегиона с соответствующим иностранным партнером.

Многие созданные в Центральной и Восточной Европе объединения, названные «еврорегионами», фактически являются рабочими комитетами или сообществами на основе общих целей, которые представляют из себя форумы для трансграничного обмена

информацией и консультаций. По данным Ассамблеи Европейских регионов в настоящее время насчитывается около 250 еврорегионов [8].

По итогам 29-го саммита Россия — ЕС, лидеры стран-участниц саммита подтвердили, что российско-европейское стратегическое партнерство имеет приоритетный характер, и становление Таможенного союза, Единого экономического пространства, а в будущем, возможно, Евразийского экономического союза полностью совместимы с задачами укрепления взаимодействия России и Евросоюза. Обсудили ход подготовки нового базового соглашения между Россией и Евросоюзом, посмотрели на новые возможности в сфере торгово-экономического взаимодействия в связи с присоединением России к Всемирной торговой организации. Была обсуждена проблематика взаимовыгодного перехода к безвизовому режиму поездок граждан России и стран — членов ЕС. Участники саммита проанализировали ход реализации совместной приоритетной инициативы «Партнерство для модернизации», обсудили вопросы энергетического сотрудничества, одного из главных направлений взаимодействия в сфере экономики, рассмотрели наиболее актуальные вопросы международной и региональной повестки дня.

Таким образом, подводя итоги можно сказать, что совершенно очевидно, что взаимное сотрудничество Российской Федерации и Европейского союза, в том числе и межрегиональное, просто необходимо. Европейский союз является долговременным стратегическим партнером России. Партнерство России с Евросоюзом реализуется в рамках углубленного политического диалога и взаимодействия в международных организациях, в подходе к решению ряда ключевых международных проблем. Учитывая тот факт, что Россия и Европа переживают важные политические, экономические и социальные трансформации, важно осознавать, что наилучшая основа тесного сотрудничества — это политический диалог на постоянной основе, который позволяет достигать взаимопонимания между Российской Федерацией и Европейским союзом по ключевым международным проблемам.

Литература

[1] Аминов И.Р., Сулейманов А.Р. Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы // Правовое государство: Теория и практика. — 2014. — Т. 2. — № 36. — С. 111–115.

[2] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Миграционная политика через призму национальной безопасности федеративной государственности: страхи «по-российски» // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68). — С. 166–168.

[3] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Украинская трагедия как вызов международной безопасности // Вопросы политологии. — 2014. — № 2 (14). — С. 87–102.

[4] Кондратьева Н.Б. Регионы России и Европейского Союза на пути к строительству Общего экономического пространства. — М.: Ин-т Европы РАН, 2008.

[5] Кулик С.А., Юргенс И.Ю. «Партнерство для модернизации» Россия — ЕС: к проблеме реализации. — М., 2011. — С. 13.

[6] Меморандум о взаимопонимании для установления диалога о региональной политике [Электронный ресурс]. — URL: <http://archive.minregion.ru/WorkItems/NewsItem.aspx?PageID=340&NewsID=600>

[7] Насыров И.Р. Правовые основы международного сотрудничества регионов // Журнал российского права. — 2006. — № 2.

[8] Сайт Ассамблеи Европейских регионов. — URL: <http://www.aer.eu/what-is-aer/members-and-partners/member-regions.html#c53149>

[9] Сайт Представительства Европейского союза в России. — URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/political_relations/institutional_framework/index_ru.htm

УДК 327

ХАКИМОВА Венера Мидхатовна,

кандидат социологических наук, заместитель директора
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (Уфа)
e-mail: Mexx2015@yandex.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ОСВЕЩЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье исследуется тема аккультурации мигрантов, освещаемая в региональных средствах массовой коммуникации. Цель исследования — выявить роль региональных средств массовой коммуникации в гармонизации межнационального согласия между мигрантами и принимающим обществом региона. В этих целях рассмотрены история включения этой темы в повестку дня региональной прессы, роль аудитории в этом процессе, проведен контент-анализ региональной прессы в 2013 году, выявлены функции СМИ в данной сфере, проанализированы факторы, ограничивающие роль СМИ в этом процессе. Исследование показало, что, несмотря на важность участия в этом процессе СМИ, они выступают лишь как часть мероприятий по реализации общей стратегии сохранения межнационального согласия наряду с другими институтами.

Ключевые слова: миграционная политика, информационное пространство, массовая коммуникация, информационные поводы, контент.

Миграционная политика для средств массовой коммуникации (СМК) республики является относительно новой. Пресса, телевидение, радио, информационные агентства обратились к ней лишь в последние несколько лет. Актуализация данной темы для СМК происходила из социальных практик взаимодействия населения с мигрантами. Население, будучи, по сути, потенциальной аудиторией СМК, с одной стороны является субъектом масскоммуникационного процесса, а с другой — его объектом.

Будучи субъектом информационных отношений, население представляет собой совокупность социальных индивидов, объединенных процессом формирования социального пространства путем присвоения и изменения неких социальных норм, стандартов и моделей поведения. Аудитория тактически воздействует своими повседневными практиками на информационные пространства, по сути, формируя социальные реальности, а значит и информационные поводы. Социальная реальность стала насыщаться фактами о жизни мигрантов в республике и их взаимодействии с местным населением. К сожалению, эти социальные

практики людей взаимодействия с мигрантами имели в большей степени негативный характер, которые и стали актуализироваться средствами массовой коммуникации. Насыщение информационного пространства новой тематикой медленно расширялось, и в большей степени по пути формирования негативного образа мигранта, включенного в экономическую и социальную жизнь республики.

Однако, само население, представляя аудиторию массовой коммуникации, не претендует на управляющую роль в этом процессе, поэтому качество объекта управления проявляется в большей степени. Это обстоятельство создает условия для внедрения в массовое сознание новых установок через СМК, направленных на формирование межнационального согласия, как среди местного населения, так и среди мигрантов. Все это может привести к формированию некоего социокультурного федерализма в рамках одного общества. Как отмечает Нигматуллина Т.А., «в социокультурном федерализме в полной мере реализуется диалектика сближения и дифференциации социально-политических общностей, основанных

на неконфликтном разделительно-объединительном сосуществовании» [2].

Стихийно сформированная повестка дня СМИ по проблемам аккультурации мигрантов требовала корректировки и уменьшения действий негативных факторов. В этих целях в 2010 году была переориентирована тематическая направленность журнала «Панорама Башкортостана», и он начал специализироваться только на национальной тематике. На его страницах освещается ход государственной национальной политики в республике; формирование положительного общественного мнения в вопросах межнационального и межконфессионального согласия; привлечение внимания общественности к актуальным проблемам в области развития национальных культур, межнациональных отношений.

Однако другие СМИ к вопросам аккультурации мигрантов обращаются редко.

Информационное пространство республики, обладая общероссийскими чертами, имеет и свои особенности:

- сохранение большого количества государственных печатных СМИ.

В настоящее время их насчитывается 99 наименований. Среди них детские, юношеские, молодежные и общественно-политические издания;

- наличие государственной телерадиокомпании;

- многоязычие региональных каналов массовой коммуникации.

Печатные издания выходят на 6 языках с учетом компактного проживания различных этносов, проживающих на территории республики. Телерадиовещание ведется на трех языках;

- экономическая поддержка региональных средств массовой коммуникации;

- лояльность СМИ к власти;

- преобладание положительной информации.

Учитывая это обстоятельство, субъект управления повлиял на тематическую направленность СМИ, отвечающего задачам в области межнациональных отношений, поставленным в Уфе на заседании Государственного Совета в октябре 2013 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным [3].

Как правило, органы государственной власти актуализируют социальные проблемы, требующие разъяснения, корректировки, освещения. Это происходит путем формирования так называемого республиканского медиа-плана, который формируется путем наполнения его актуальными задачами в социальной, экономической и политических сферах. Как отдельный документ такой план не существует. Но в решениях, принимаемых Правительством Республики Башкортостан по разным вопросам, формулируются актуальные темы, требующие поддержки СМИ.

Направления, по которым требовалась поддержка СМИ в области миграционной политики, были сформулированы в плане мероприятий по реализации в Республике Башкортостан в 2013–2015 годах стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2015 года, утвержденного Распоряжением Правительства Республики Башкортостан [4]. Этим планом предусмотрено размещение в СМИ информационных материалов, действующих развитию интеграции иностранных мигрантов в российское общество и принципов толерантности, реализация информационных компаний, направленных на укрепление общегрупповой идентичности и межнациональной толерантности, информационная поддержка мероприятий, направленных на предупреждение межнациональных конфликтов и профилактики экстремизма, освещение в СМИ информации о фольклорных праздниках, проектах, связанных с этнокультурой, трансляцию телевизионных передач, направленных на реализацию государственной национальной политики.

Последовательная работа в СМИ в данном направлении дала свои положительные результаты с точки зрения наполнения контента СМИ информацией, обеспечивающей межнациональное согласие.

Контент-анализ государственных печатных СМИ по освещению темы мигрантов показал, что они выполняют несколько функций в этом направлении: информационную, просветительскую, регулятивную.

Отмечается значительное расширение информационной тематики.

Открыты специальные тематические рубрики: «Мы и право», «Спрашивали? Отвечаем»,

«Право», «Миграция», «Миграционная служба сообщает», «Общество», «Полезная информация» и ряд других.

Определенная часть газетных материалов информирует читателей о порядке устройства на работу мигрантов, о правилах регистрации по месту жительства; об административной, уголовной ответственности за нарушение миграционного законодательства. Регулярно публикуется разъяснительная информация, организуя выступления представителей структур и ведомств, которые работают с мигрантами.

Можно назвать несколько примеров. Так, в газете «Республика Башкортостан» опубликована статья «Зарплата из тандыра» (30.10.2013 г.), где перечислены как отрицательные, так и положительные стороны использования иностранной рабочей силы. Газета «Зианчуринские зори» опубликовала интервью с начальником паспортно-визовой службы района о порядке разрешения на трудовую деятельность мигрантов, их жизни на территории района («И служба, и долг», 14.05.2013 г.). Газета «Белебеевские известия» напечатала интервью с заместителем начальника отдела ЦФМС России по Республике Башкортостан Александром Акимовым («Мигрантов — под строгий контроль», 27.04.2013 г.). Газета «Уфимские нивы» опубликовала комментарии врача-эпидемиолога об иммунизации трудовых мигрантов («О мерах профилактики и общих задачах», 19.11.2013 г.).

Журналисты «Молодежной газеты» приводят цифры и факты по трудоустройству в республике, где остро не хватает рабочих специалистов, зато имеется устойчивый спрос на эти вакансии у выходцев из стран ближнего зарубежья.

Газеты уделяют внимание вопросам нарушения миграционного законодательства. Так, в «Молодежной газете» в ленте новостей вышла информация «Нелегалов выгнали с рынков» (26.09.2013 г.), где говорится о проведенной оперативной полицейской операции на объектах города, в результате которой в ФМС Уфы было доставлено более 30 нелегальных мигрантов, работавших без единого документа.

Просветительская функция выражается в освещении культуры различных народов, истории, национальных традиций.

Регулятивная функция связана с формированием толерантных стереотипов поведения, положительного общественного мнения о мигрантах, воспитания уважительного отношения к ним, адаптации мигрантов в принимающую среду.

В частности, газета «Туймазинский вестник» в тематической странице «Моя семья» рассказала о семье, которая переехала в Туймазы из Таджикистана — супруги Шодиевы рассказывают о добрых отношениях с коренными жителями («Любовь говорит на одном языке»). В этом же издании опубликован материал «Королева красочной долины» (17.05.2013 г.) о семье Ашировых, которая, переехав из Узбекистана, успешно занялась предпринимательством. В материале «Свой среди чужих» (01.10.2013 г.), опубликованном в «Учалинской газете», говорится о том, как узбек из Таджикистана, волею судьбы вынужденный искать работу на чужбине, стал своим в башкирском селе.

Некоторые издания проводят тематические опросы читателей, в ходе которых выясняют отношение коренных жителей к гастарбайтерам, что помогает корректировать характер материалов.

Включилось в этот процесс и региональное информационное агентство «Башинформ», на новостной ленте которого регулярно размещается информация о мероприятиях в данной сфере. Здесь же проводятся пресс-конференции УФМС, национальных культурных объединений, круглые столы. Местное телевидение проводит цикл передач по данной тематике с приглашением представителей УФМС и других заинтересованных лиц.

Таким образом, за последние два года СМИ поддержали усилия органов власти по созданию благоприятной атмосферы для адаптации мигрантов в регионе. Они активно включились в процесс создания коммуникационных условий в сфере взаимного восприятия и межкультурного взаимодействия населения региона и мигрантов. На наш взгляд, факт изменения тональности и увеличения информативности имеет положительные перспективы. Безусловно, это обстоятельство оказывает положительную роль в формировании стабильной спокойной национальной обстановки в республике.

Какова степень участия в этом процессе СМИ, могут показать только специальные исследования.

Однако есть системные проблемы массовой коммуникации, которые ограничивают их роль в этом процессе.

1. Низкая читабельность местной прессы. Последние социологические опросы Агентства по печати Республики Башкортостан показали, что читательская аудитория республиканских газет составляет: среди жителей Уфы — 17,2%, жителей малых городов — 22,6%, жителей сельских районов — 35,8%. Районные и городские издания читают 66,5% населения региона. Смотримость местного телевидения составляет 23% [1].

2. Невысокий интерес читателей к национальной тематике. Тот же социологический опрос показал, что национальной тематикой интересуется лишь 10,7% населения республики [1].

3. Недостаточная соответствующая компетентность местных журналистов для освещения столь деликатной темы.

4. Выступления СМИ носят в основном информационный и просветительский характер. Это информирование мигрантов об их правах и обязанностях, освещение национальных праздников, обычаев, национальной кухни. Недостаточно аналитических материалов, вскрывающих реальные проблемы и требующих вмешательства власти.

5. Падение тиражей печатной прессы и интереса к чтению, характерные для России в целом.

Поэтому, на наш взгляд, СМИ, играя важную роль в гармонизации межэтнических отношений, не могут решить все проблемы внедрения в массовое сознание межнационального согласия и толерантности в регионе. Освещение в СМИ темы адаптации мигрантов в иную этнокультурную среду может выступать лишь как часть общей стратегии сохранения межнационального согласия наряду с правом, образованием, гражданским обществом и другими институтами.

Литература:

[1] Аналитический отчет Агентства по печати и средствам массовой информации Республики Башкортостан по результатам исследования по теме «Средства массовой информации Республики Башкортостан», 2013 год.

[2] Нигматуллина Т.А. Социокультурный федерализм в сфере молодежной политики: вызовы современности // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2013. — № 5 (21). — С. 105–110.

[3] Путин В.В. Выступление на заседании Совета по национальным отношениям. 22 октября 2013 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://State/kremlin.ru/council/28/news/19475>

[4] Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 18.12.2013 г. № РП-297 «Об утверждении плана мероприятий по реализации в Республике Башкортостан в 2013–2015 годах стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2015 года» [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/17764411/>

УДК 321(470)

АБДУЛМАЗИТОВ Ринат Рафилевич,
аспирант кафедры национальных и федеративных отношений
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: federal-region@mail.ru

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ И ТРАНСПОРТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Российская Федерация, прежде всего в лице крупных энергетических компаний, политические и научные круги не скрывают своей заинтересованности в Арктике, анализируют различные аспекты проблемы, строят более или менее реальные прогнозы относительно будущего этого региона. Вместе с тем интерес к Арктике со стороны других государств мира, особенно приполярных, крупных и крупнейших нефтяных и газовых компаний мира вынуждает Российскую Федерацию поспешить с определением своих целей в Арктике, четко сформулировать и заявить о своих национальных интересах в этом регионе.

Ключевые слова: политология, энергетическая политика, транспорт, Арктика, национальная безопасность.

Человечество на современном этапе своего развития уже давно «позволило» себе не только заглянуть в глубокие недра, но и увидеть далекие звезды, осуществлять регулярные полеты человека в космос, и даже смело планировать визиты машин-роботов на другие планеты. Если задуматься, как-то странно получается, что совсем рядом, на нашей планете, остается огромное белое пространство, до сих пор не подвластное человеку. Имя его — Арктика. Арктика и сегодня, в XXI веке, остается неизведанной землей, мало известной и понятной в полной мере современному человеку. Эта земля сохраняет свои тайны во льдах и глубинах Северного Ледовитого океана, и именно сегодня освоение Арктики представляется актуальной и востребованной задачей для человечества [8].

Российская Федерация как крупнейшая северная страна мира (только протяженность береговой линии составляет 22,5 тыс. км), имеет многообразные интересы в арктическом регионе, в том числе по его дальнейшему освоению и развитию. В Арктике ведется экономическая деятельность, находятся военные объекты, расположены стационарные россий-

ские метеорологические станции (например, на Земле Франца-Иосифа), а непосредственно в акватории Северного Ледовитого океана организуются дрейфующие полярные станции, которые ведут разнообразные научные исследования: аэрометеорологические, актинометрические, геомагнитные, гидрологические, гляциологические, а в отдельных случаях — биологические и медицинские наблюдения. Без изучения, в частности, гидрологического режима вод и течений Северного Ледовитого океана, без знания закономерностей дрейфа льдов и синоптических процессов в Центральной Арктике нельзя строить сколько-нибудь надежные долгосрочные прогнозы ледовой обстановки и погоды в окраинных арктических морях, по которым пролегает Северный морской путь [10]. Метеорологические наблюдения имеют огромное значение для полетов российской авиации, прогноза погоды во всем мире, включая Европу, Азию и другие регионы.

В Арктике добывается 100% апатита и сурьмы, около 90% металлов платиновой группы, никеля и кобальта, 80% природного газа. Российская Арктика, население которой составляет менее 2% от общей численности населения

страны, производит около 15% отечественного ВВП. Кроме того, Российская Арктика дает стране ценную пушнину, высоко ценимую на международных аукционах, золото, алмазы и прочее. В северных морях, в частности, Баренцевом и Карском, широко ведется морское рыболовство. Здесь вылавливается треть рыбы и морепродуктов, добываемых Россией [3].

Интерес к Арктике приводит к тому, что все приарктические государства, в число которых входят восемь стран — Дания (включая Гренландию и Фарерские острова), Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия, Швеция разработали и приняли на государственном уровне программные документы, выражающие их намерения в освоении Арктического региона.

Анализ стратегических документов арктических стран позволяет установить, что значительная часть положений совпадает, причем совпадения касаются следующих позиций:

- арктический регион все приарктические государства считают имеющим стратегическое значение не только для своей страны, но и для всего мирового сообщества;

- каждая из стран подчеркивает свое реальное или будущее лидерство в Арктике и в связи с этим провозглашает задачу укрепления своего суверенитета над соответствующей территорией Арктики;

- каждая страна планирует развивать экономику и социальную сферу, охранять окружающую среду, совершенствовать структуру управления на своей арктической территории на принципах устойчивого развития;

- все страны (кроме США) рассматривают Россию как основного партнера в арктическом регионе и предлагают конкретные направления сотрудничества с Россией;

- практически все страны признают необходимость осуществлять все виды деятельности в Арктике в соответствии с международными правовыми нормами и в режиме циркумполярного диалога [4].

Несмотря на совпадение многих позиций, основные направления Стратегии России в Арктике имеют и несколько существенных отличий.

Во-первых, арктическая зона России (АЗР) во много раз превышает аналогичные терри-

тории других стран. АЗР занимает более одной трети территории страны и характеризуется экстремальными природно-климатическими условиями, очаговым характером освоения и высокой степенью неоднородности арктического пространства в социально-экономическом плане. Достижение высокого уровня развития этой зоны гораздо сложнее, чем в других странах.

Во-вторых, АЗР играет особую роль в национальной экономике, так как там содержатся значительные запасы углеводородов и едва ли не весь спектр минерального, в том числе стратегического сырья, а также живые ресурсы арктических морей и северных рек. Российскую Арктику отличают выгодные транспортно-географические условия, так как здесь пролегают кратчайшие пути между Россией, США и странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

В-третьих, по уровню по уровню индустриального развития и по количеству населения, АЗР также значительно превосходит другие арктические регионы. АЗР лидирует по объемным показателям — площади пространства, численности населения, совокупного валового продукта, природно-ресурсного потенциала и отстает в качественных показателях — подушевого валового продукта и располагаемого дохода, финансового потенциала, степени интеллектуальности социального и экономического развития.

В-четвертых, и это, наверное, основное отличие, в то время как Стратегии развитых арктических государств ориентированы, в основном, на развитие своих северных и арктических территорий, Арктическая Стратегия России кроме развития непосредственно АЗР нацелена на решение сверхзадачи — на основе реализации потенциала Арктики способствовать модернизации экономики всей страны. Важнейший вызов состоит именно в том, чтобы использовать безальтернативные к разработке арктические ресурсы и мега-проекты для запуска процесса инновационного развития, как в самой Арктике, так и в российской экономике в целом.

По мнению многих российских ученых, Российская Федерация неэффективно использует возможности своих северных районов. В частности, Е. Андреева и В. Соколов писа-

ли: «В этом ареале, одном из самых богатых по природным ресурсам, практически не задействован главный и наиболее ценный „двуединый“ ресурс: географическое положение, чрезвычайно удобное для выхода страны в наиболее развитый (Северо-Атлантический) регион мира и наличие обширного „незамерзающего“ участка Кольского побережья. Этот главный ресурс необходимо заставить работать на Россию» [1].

Эта задача не из простых. Прежде всего проблема заключается в том, на Кольском полуострове не созданы условия для частного предпринимательства: ведь большая часть береговой линии полуострова занята многочисленными военно-морскими базами. В этой связи ученые предлагают хотя бы частично конвертировать военно-морские базы, что открывает возможность использования незамерзающего побережья в интересах хозяйственного освоения. Задача, которая по-нашему мнению, потребует огромных финансовых вложений, проведения множества организационных мер и вызовет столкновение ведомственных интересов.

В последние годы в России разрабатывается ряд интересных проектов по активному вовлечению северного побережья страны, особенно Северо-Западного макрорегиона — а с позиций народнохозяйственного прогресса и страны в целом — во внешнеполитическую деятельность России на северо-атлантическом и других направлениях. В частности, предлагается переориентировать мощности отечественного портостроительства на 700-километровый участок побережья Кольского полуострова с прилегающей незамерзающей акваторией Баренцева моря (участок от границы с Норвегией до мыса Святой Нос). Реализация этого проекта позволит организовать крупномасштабный экспорт российского сжиженного природного газа, например, в США.

Определенный оптимизм относительно планов экспорта сжиженного газа внушает состояние дел в российском судостроении как части «Транспортной стратегии России на период до 2020 года», которая является основой для выработки решений в сфере государственной транспортной политики, выработки целевых программ в области транспорта и смежных

с транспортом отраслях, приоритетных задач институциональных реформ на транспорте. В частности, транспортная стратегия предусматривает:

- строительство специализированных судов-газовозов для вывоза углеродного сырья с Ямала, Сахалина и других месторождений;

- разработку и строительство атомных ледоколов нового поколения, включая завершение строительства атомного ледокола «50 лет Победы»;

- строительство линейных и вспомогательных дизель-электрических ледоколов для обеспечения перевозок с арктического шельфа и по трассам Северного морского пути;

- развитие аварийно-спасательного флота. Проектирование и строительство судов усиленного ледового класса двойного действия с движительным комплексом AZIPOD [9].

В настоящее время «Совкомфлот» принимает масштабные усилия по обновлению отечественного флота, в том числе по приобретению новых многоцелевых сухогрузных судов и танкеров-газовозов для перевозки сжиженных нефтяных газов общим дедевитом 1,5 млн тонн. Модернизация арктической транспортной системы даст импульс для освоения ресурсов северных территорий, создаст предпосылки к развитию транзитных перевозок по трассе Северного морского пути [2].

Проект экспорта сжиженного газа полностью соответствует принятой в 2004 году «Энергетической стратегии России на период до 2020 года». Сегодня мало кто сомневается, что в ближайшие годы и десятилетия природный газ все больше будет конкурировать с нефтью на мировых рынках энергоносителей.

Ждут своего положительного решения сложные экологические проблемы российской Арктики. Сложная ситуация в этой области вызвана последствиями крупномасштабного развития добывающей промышленности. С 30-х гг. XIX века здесь быстро развивались металлургия, горное дело, деревообрабатывающая промышленность, изготовление бумаги, другие отрасли производства и транспорт. Бурное развитие нефте- и газодобычи в Западной Сибири и планируемая разработка шельфа в Баренцевом и других арктических морях угрожают превратить местную деграда-

цию природой среды в региональную проблему. Российская Арктика имеет 5 экологических проблем. Мы приводим их в порядке приоритетов:

– загрязнение природой среды (трансграничный трансфер загрязнителей водными и воздушными потоками, нефтью, химическими и радиоактивными агентами);

– изменение биоразнообразия и истощение биоресурсов, что в значительной степени вызвано загрязнением окружающей среды и незаконным (браконьерским) использованием биоресурсов;

– ухудшение природной среды обитания для жителей Арктики и нарушение традиционных условий хозяйствования, сокращение ресурсов из-за промышленного загрязнения;

– серьезные последствия и угрозы глобальных климатических изменений;

– деградация земель и нарушение условий землепользования.

В Арктике Россия преследует также очень важные военные, геостратегические и геополитические цели. На Кольском полуострове (Мурманская область) создана мощная оборонная инфраструктура страны, особенно военно-морского назначения. Здесь базируется наиболее мощный из флотов России — Северный, подводные силы которого играют важнейшую роль в обеспечении национальной, военной и экономической безопасности страны в целом и в арктическом бассейне, в частности. С подводных позиций на северо-востоке Баренцева моря можно поразить большинство важных целей в мире, поскольку здесь пролегают кратчайшие траектории для баллистических ракет в любое полушарие Земли [7].

Присутствие Военно-морского флота в регионе обосновано с точки зрения охраны морских коммуникаций Российской Федерации, защиты ее государственных границ, сдерживания и контроля акций военных сил НАТО.

Анализ интересов России в арктическом регионе выявляет их наиболее существенные аспекты, в том числе связанные с созданием новой энергетической базы страны, защитой суверенитета и национальной безопасности, развитием социально-экономической инфраструктуры северных районов, сохранением природной среды, развитием международно-

го сотрудничества и т. д. Арктическая политика России является важнейшим условием и потенциалом коренной трансформации геополитического положения и статуса страны. Новые возможности мореплавания (навигационные, операциональные и т. д.) в Арктическом бассейне для торгового, пассажирского и военноморского флотов России превратят ее из континентального государства в мощную морскую державу.

Очевидно и другое: реализация целей и задач арктической политики России потребует огромных усилий, крупных материальных и финансовых затрат. Немаловажным фактором, как нам представляется, является своевременность и оперативность управленческих решений на различном уровне, включая федеральный, региональный и местный. Мы даже склонны считать организационно-административные меры наиболее важными среди других факторов реализации арктической политики Российской Федерации, поскольку осуществление, скажем, некоторых национальных проектов свидетельствует о пробуксовке мероприятий главным образом в административном плане, вызванных стремлением чиновников различного ранга и уровня использовать федеральные и региональные средства нецелевым образом, а решение проблем затянуть [5–6]. Проблема имеет и временной аспект, так как серьезные виды на Арктический регион настойчиво заявляют другие приарктические государства. Поэтому Россия должна использовать свой исторический шанс сполна.

Литература

[1] Андреева Е., Соколова В. Морское побережье постсоветской России: потенциал эффективного социально-экономического использования и пути его реализации // Российский экономический журнал. — 2005. — № 6. — С. 33.

[2] Андрианов В. Современные тенденции в развитии мирового морского транспорта и перспективы развития транспорта России // Общество и экономика. — 2005. — № 5. — С. 3.

[3] Аристов И. Курс на Арктику. Морская коллегия обсудила поход за 30 триллионами долларов // Российская газета. — 2010. — 4 окт.

[4] Башмакова Е. П. Сравнительная характеристика стратегий развития Арктических стран // Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспек-

тивы: Мат-лы межрегиональной науч.-практич. конф. (Апатиты, 14–16 ноября 2012 г.). — Апатиты, 2012. — 288 с.

[5] *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Институт политических «временщиков» в Российской Федерации: критерии и показатели эффективности // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2012. — № 4 (16). — С. 54–57.

[6] *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Политический тандем как инструментарий российской модернизации: смена декораций // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2012. — № 1 (13). — С. 9–15.

[7] *Канышев В., Сергунин А.* Арктика на перекрестке геополитических интересов // Миро-

вая экономика и международные отношения. — 2012. — № 9. — С. 9.

[8] *Моргунова М.О., Цуневский А.Я.* Энергия Арктики / под научн. ред. *В.В. Бушуева.* — М.: Энергия, 2012. — 84 с.

[9] Нужна долгосрочная программа развития ВМФ [Из вступительного слова Председателя Правительства РФ В.В. Путина на совещании по вопросу «Об обеспечении оборонно-промышленным комплексом нового облика Вооруженных Сил РФ современными образцами вооружения и военной техники для Военно-морского флота»] // Российское военное обозрение. — 2010. — № 1. — С. 67.

[10] *Папанин И.Д.* Жизнь на льдине. — М., 1972. — С. 6.

УДК 32(470)

КАРИМОВ Руслан Рамилевич,

аспирант кафедры политологии, социологии и философии
ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы
и управления при Президенте Республики Башкортостан»
e-mail: niipr@mail.ru

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА СТРАНЫ

Национальный образ служит определенной знаковой формой для выражения общегосударственной (общегражданской) идентичности. В этой связи, необходимо осмыслить исторический путь российской нации, определить ее место в общемировом историко-культурном процессе. В данной статье проводится политологический анализ идентификации россиян и формирования позитивного национального образа федеративной России.

Ключевые слова: этничность, общегражданская идентичность, национальный образ, нация, консолидация, единство, многообразие.

Россия в условиях жесткой конкуренции ценностных систем, в условиях вызовов современности в виде ее глобальных культурных проектов и ужесточения принципа распознавания «свой — чужой» последовательно решает задачи, связанные с потребностью преодоления практики ограниченного и зачастую стереотипного ее восприятия, с осознанием своей культурно-идеологической идентичности и ее репрезентации в международном контексте как «ресурсообразующей традиции и нормы жизни, как сильного, обеспеченного бренда» Россия настойчиво заявляет себя как «самобытная цивилизация», нацеленная на укрепление своего суверенитета, на защиту автономности своего культурного пространства и обеспечение достойного своему статусу места в многополярном мире на основе независимой международной и социально-культурной политики, качественного инновационного рывка в экономике и науке, на поддержку институтов гражданского общества, однако образ России, имеющий чрезвычайно важное значение во всех аспектах социальной и политической жизни, зачастую в масс-медиа представляет собой совокупность устойчивых признаков, не всегда отвечающих практике ее реальных дел, как в их внутренних,

так и внешних, международных проекциях [1]. И это действительно так.

Формирование глобального мирового порядка обостряет проблему национальной и государственной российской идентичности. России сегодня брошен «вызов» на геополитическом уровне. Мировое информационное пространство становится полем битвы за влияние, власть, престиж. Информационно-идеологическое оружие базируется на новейших технологиях, способных манипулировать сознанием широких слоев населения, разрушать традиционные и создавать новые формы и средства социальной идентификации. По прогнозу М. Прайса, в XXI веке обладание инструментами формирования образов идентичности может стать эффективным средством давления в мировой политике [7]. Необходимость «ответа» требует понимания обществом собственной сути. Соотнесение себя с другими национально-государственными общностями посредством образов позволяет выявить горизонты самопредставления, утвердить собственную национальную идентичность. В условиях глобализирующегося мира весьма важным становится позиционирование государства как внутри страны, так и на международной арене. Почти мессианской видится задача государства

противопоставить исторически устоявшимся стереотипным представлениям о России у зарубежной общественности такие позитивные образы и возможности их воплощения, которые наиболее полно и реалистично показывают вклад России в современные процессы и мировую историю цивилизаций [8].

Вместе с тем в современную эпоху, благодаря расширению информационных каналов и технических средств, возникает возможность для искусственного формирования национального образа. Определенная интеллектуальная элита в случае социально-политического заказа способна создать ряд знаково-символических текстов, воплощенных в контекст политических, социальных, культурных, религиозных и иных практик. Данный аспект несколько усложняет проведение научного анализа национального образа России, поскольку некая национальная реальность подменяется искусственной национальной парадигмой, проектируемой властью.

В целом понятие «образ» помогает человеку выразить непознанное в узнаваемое посредством символов и ассоциаций, которые выражают уже имеющееся знание или формируют знание нового качества. В своем понимании образ имеет две стороны: аффективную (эмоциональную) и когнитивную (рациональную). Образ являет собой целостность, состоящую из чувственно воспринимаемой «оболочки», изобразительной (иконической) стороны образа, и содержания, включающего идейно-понятийный и чувственно-эмоциональный аспекты.

В попытках ответа на вопросы, связанные с процессами самосознания, самовосприятия и самопознания, на наш взгляд, каждая этническая общность строит определенный национальный образ. При этом следует разграничивать категории «национальная идея» и «национальный образ».

Национальная идея — это не продукт политической воли, не результат деятельности властных элит и экономических корпораций. Это искусственно не конструируемая, но реально существующая парадигма идеологического единения социума, продиктованная всем ходом ее исторического развития и «блуждания». Национальная идея не вынашивается полити-

ками, даже самыми одаренными и способными, не разрабатывается в парламентских или министерских кабинетах [9].

Национальный образ — сформировавшееся устойчивое представление о сущностных типических чертах определенной нации, которое находит свое выражение в вербальных и невербальных формах. Он является феноменом, порожденным самосознанием определенной национальной общности своих историко-культурных корней, сущностных черт и особого предназначения в мире. Источником формирования национального образа может выступать как народная культура, так и элитарная культура (т.е. культура, проектируемая властью).

При этом ученый В.В. Гайдук справедливо отмечает, что «убийство мусульманского лидера в Казани, межнациональный конфликт в Бюрелево, теракт в Волгограде, авиакатастрофа в Казани — не могут не настораживать» и имеют свой отпечаток на формировании национального образа страны [4].

По мнению некоторых ученых, имеются определенные угрозы, которые определяют национальный образ государств в условиях глобализации:

- ослабление территориальной целостности государства;
- возможность гражданских войн, вызванных расколом стран;
- распад сложившейся системы международных отношений;
- распространение терроризма;
- распространение заболеваний;
- «утечка мозгов»;
- ослабление рычагов власти [5].

На наш взгляд, удачной является квалификация национальных образов, предложенная Э.М. Галумовым: политико-географический образ, природно-ресурсный, цивилизационно-культурный образ, социально-ментальный образ, производственно-экономический образ, национально-ценностный образ [3].

В структуре национального образа выявляются две оставляющие: «внутренний образ» (представление о своем народе) и «внешний образ» (представление о других народах). Во внутреннем образе нация в определенной мере идеализирует себя, внося в него позитивные

черты, которые необходимы для его выживания в конкретных условиях. Внешний образ, как правило, более критичен. И здесь возникает необходимость рассмотрения проблемы прояснения понятия «этнический стереотип».

Этнические стереотипы определяют как чувственно-эмоциональные образы, выражающие опыт общения индивидов как представителей разных этносов. Этнические стереотипы выполняют ряд функций в обществе: информационную, ориентирующую, влияющую на создание реальности, экономии мышления, адаптивную, искажения реальности.

Стоит подчеркнуть, что стереотипные представления об особенностях национального характера оказывают влияние на людей, стимулируя у них формирование тех черт характера, которые отражены в стереотипах. Отсюда возникает потребность в прояснении понятия национального характера. Как видится, следует акцентировать внимание на том, что национальный характер может иметь универсальные черты и особенные черты, выступающие результатом конкретных условий и обстоятельств исторической жизни данного народа.

Ядром национального образа выступает политико-культурный архетип. Архетип имеет этническую природу и первоначально принадлежит этносу. Этнический архетип определяет своеобразие «ответа» популяции на «вызов» внешней или внутренней среды. «Опредмечиваясь» в культуре и институтах общества, воспроизводясь через механизмы социализации, архетип довлеет над популяцией уже вне ее этничности, обуславливая трансляцию соответствующих стереотипов поведения на национальный уровень развития локальной цивилизации.

Таким образом, национальный образ — идеальное конструирование этнической общностью представлений о себе, о своих типических чертах, особенностях характера, а также о своей стране (ее географии, климате, природных и человеческих ресурсах, культурных достижениях и т.д.). Национальный образ, выступающий одной из компонент национально-самосознания, не может существовать автономно, без соотнесенности, сравнения «себя» с «другими». В историческом процессе форми-

рования национального образа свою специфическую роль играют этнические образы и архетипы различных этнических групп, входящих как элемент в состав образующейся нации и вносящих свою лепту в создание национальной культуры.

Стоит отметить, что образ страны представляет собой совокупность представлений о данной стране конкретных людей, социальных групп. Образ страны как носитель национальной государственности вырабатывается как в культуре общности, так и у общностей, представляющих иные государства.

Характер представлений о себе и о своем месте в мире («внутренний» образ страны) оказывает неоднозначное влияние на восприятие страны за ее пределами («внешний» образ). В то же время отношение к «иному» и соотнесение себя с иными государственно-национальными общностями всегда было и остается одной из основ утверждения собственной этнической идентичности.

Этническая идентичность — осознание человеком своей принадлежности к определенной социальной общности. Суть этнической идентичности состоит в осознанном принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка [2]. В России в настоящее время существует плюрализм идентичностей. В российском сознании сосуществуют различные образы идентичности, в построении которых особо важную роль играют такие факторы как этничность, религия, культурные традиции.

Национальная (общероссийская) идентичность может быть рассмотрена как важный фактор построения позитивного национального образа как основы для консолидации общества. Именно общезначимость трактовки национальной идентичности позволяет индивидам, принадлежащим к самым разным социальным и этническим группам, осознавать свою сопричастность единому государственно-национальному образованию со своими культурными и религиозными традициями.

Именно постижение и принятие национального образа в рамках определенной национальной культуры позволяет индивиду как члену национально-государственного образования воспринять представления и ценности

своей культуры, осознать свою сопричастность единому национально-государственному целому, идентифицировать себя с определенной нацией и культурой. Таким образом, национальный образ служит определенной формой для этнокультурной идентификации людей, принадлежащих к данной культуре. Национальный образ может выражаться как в вербальной, так и невербальной формах. При этом особо важная роль принадлежит национальным эмблемам и символам в конструировании национального образа.

Огромную роль в формировании национального образа России в тот или иной многовековой период играли различные варианты национальной идеи. В период после принятия христианства большое значение имел сам факт распространения христианской веры. Русь становилась христианским государством, равноправным с другими государствами христианского мира. В период княжеских междоусобиц, территориальной раздробленности колоссальную роль в образовании Великорусского государства сыграла идея «Москва — Третий Рим». В период расширения и сплочения различных социальных и этнических групп в Российской империи значение имела концепция «Православие. Самодержавие. Народность». Мысль о Москве как о центре, которому предназначено историей человечества совершить мировую революцию сыграла значимую роль в период образования Советского Союза. Также идеалы братства и дружбы советских народов помогли идеологам советской эпохи сплотить народы. В истории развития отечественного общества можно выделить три идеи в плане создания единого государства, консолидации различных этнических и социальных групп: национальной (формирования российской нации), религиозный и политический факторы (объединение всех народов и земель под эгидой определенной государственной идеологии).

Интересными с научной точки зрения видятся причины формирования негативного образа России на Западе, выделенные исследователями Б.А. Ковалем и Л.Д. Дьяковым:

1) кризис социализма, распад СССР и прекращение с его стороны финансовой и моральной поддержки демократических сил, несостоятельность леворадикального курса поддержки

демократических сил, несостоятельность леворадикального курса на насильственную переустройку «несправедливого мира» и быстрое достижение счастья и справедливости для всех и каждого на земле;

2) временное упрощение парадигмы мирового цивилизационного развития в связи с победой принципов рыночной экономики и политического либерализма, а также утверждение однополярной системы мирового порядка;

3) осуществление глубинной научно-технической революции и переход человечества к новому — информационному — мировосприятию, переоценка ценностей и моральных критериев, ориентация на потребительство и личный комфорт [6].

Национальный образ новой России находится на этапе формирования и поэтому не получил ясного восприятия за рубежом. СМИ выступают важным источником формирования имиджа страны. Они оказывают сильнейшее влияние на общественное мнение, служат как источником информации, так и мощным информационным оружием, которое активно используется в информационной войне. Информационная политика государства является основным коммуникативным каналом, позволяющим проводить политические идеи, формировать образ власти и государства как внутри страны, так и за рубежом.

На наш взгляд, при формировании позитивного национального образа современной России акценты должны ставиться на развитие межгосударственных официальных отношений, рост торговли, расширение бизнеса. Так же должны быть задействованы и другие сферы неполитических средств формирования имиджа России — спорт, творческое, научное сотрудничество, культурный обмен, туризм, образование. От этих факторов зависит главное в восприятии России за рубежом.

Национальные образы народов и стран друг о друге воспринимаются неоднозначно. Представления о других народах формируются в процессе социализации и инкультурации, опираются на информацию, почерпнутую из разных источников. В современном обществе посредством различного рода технологий расширяются возможности для искусственного формирования образа того или иного госу-

дарства, не всегда адекватно отображающего реальные, а порой и искусственно извращающего истинное положение дел в этой стране. Отсюда и осознается проблема целенаправленного формирования положительного национального образа России в международном измерении.

Становление позитивного национального образа государства, в котором в полной мере будут отображены все ее этнорегиональные особенности, весь региональный колорит, позволит сформировать общероссийскую идентичность, реализуя на практике принцип «единство в многообразии».

Литература

- [1] Арабият Р.М.Ф. Газета «Московские новости» как мультимедийный проект // Вестник Тверского государственного университета. — Сер. Филология. — 2013. — Вып. 1. — № 4.
- [2] Вальков А.А. Идея нации (социально-философское понимание): дис. ... д-ра филос. наук. — Уфа, 2000.
- [3] Галумов Э.М. Международный имидж России: стратегия формирования. — М., 2003.
- [4] Гайдук В.В. Национальная безопасность не должна иметь этнический оттенок // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2013. — № 5 (21).
- [5] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Миграционная политика через призму национальной безопасности федеративной государственности: страхи «по-русски» // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68).
- [6] Коваль Б.И., Дьякова Л.В. Роль политико-социальных факторов в формировании имиджа России в Латинской Америке // Латинская Америка. — 2007. — № 11.
- [7] Прайс М. Телевидение, телекоммуникации в переходный период: право, общество и национальная идентичность. — М., 2000.
- [8] Сильнова Е.И. Социальный образ России в динамике исторического процесса. — Саратов: ИЦ «ПАТА», 2011.
- [9] Сулейманов А.Р. Национальная идея как атрибут государственности: политический миф или реальность // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2013. — № 5 (21).

РЕГИОН В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

УДК 323.2(470)

ВАЛЬКОВ Алексей Алексеевич,
доктор философских наук,
профессор кафедры политологии и истории
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: bashgu_politolog@mail.ru

«НОВОЕ» ФЕДЕРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Для нормального сбалансированного развития страны необходимо, чтобы этническое достоинство любого из ее государствообразующих народов, их этнические интересы могли найти свое должное удовлетворение и в государственно-гражданской ипостаси. В противном случае неизбежно отчуждение человека от государства, как от чужеродной и, может быть, даже враждебной для него силы, идет ли речь о федеральном центре или о положении дел на местах. В данной статье обосновывается вышеизложенный авторский тезис с позиций современного федеративного устройства России.

Ключевые слова: федерализм, этнополитика, этничность, народы, национальное развитие.

События начала 2014 года, ознаменовавшиеся восстановлением исторической справедливости — вхождением в состав России двух новых субъектов Федерации — Республики Крым и Севастополя на правах города федерального значения, вскружили головы многих наших соотечественников. Приветствуя в целом невиданный доселе патриотический подъем россиян, сопровождающийся активизацией научной и идеологической мысли страны, мы все же не склонны забывать о ее нерешенных проблемах, в частности, проблемах этнополитического характера [2]. В силу этого мы не разделяем мнения тех исследователей и политиков, которые полагают, что с появлением на административно-политической карте России двух новых субъектов российский федерализм вступил в новое качественное состояние. Речь, на наш взгляд, можно вести пока не о новом качестве последнего, а лишь о количественном изменении Российской Федерации, конечно, без учета международного аспекта последних событий.

Тем более что внутри Республики Крым есть потенциальные источники тех же этнополитических проблем (имеются в виду хорошо сплоченная и многочисленная татарская, а также украинская общины), которые были свойственны России в предшествующие десятилетия.

Известно, что одним из факторов, существенно влияющих на положение дел в современной России, является полиэтничный или многонациональный состав ее населения. Значимость этого фактора, заметно возросшая в последнее десятилетие XX века и поныне во многом определяющая судьбы страны, в силу устойчивости этничности, будет, очевидно, достаточно высокой еще долгое время.

Политические составляющие пробудившейся этничности также вполне очевидны — это и усиливающаяся конкуренция между различными этническими общностями за власть и ресурсы, и рост межнациональной напряженности, и сепаратизм в различных его формах, и этнополитические конфликты, в общем, все

то, что обеспечивает дополнительную головную боль руководителям государства на разных его уровнях. В условиях же, когда в стране с лихвой хватает и иных социально-экономических и политических проблем, у некоторых высокопоставленных государственных деятелей и влиятельных политических сил, тесно связанных с государством, невольно возникает соблазн пойти в решении этой проблемы по пути наименьшего сопротивления: в меру возможного, памятуя дурные традиции советской государственности, *запретить*, в чем-либо *растворить*, или уж, по крайней мере, *отодвинуть* «национальный вопрос», как изживший себя, на периферию общественного и индивидуального сознания.

Подобные тенденции в национальной политике федерального центра, на взгляд автора этих строк, в последние годы проявились достаточно зримо. Первые из них — «запретить» — нельзя не увидеть в декабрьском 2004 года, безусловно, политическом по своему характеру, постановлении Конституционного суда России, запрещающем создание в стране политических партий «по признакам национальной... принадлежности». Вторые — «растворить» — читаются в вынашиваемых в центре радикальных проектах укрупнения регионов, в результате которых могут исчезнуть с карты страны многие национально-государственные образования. Третьи — «отодвинуть» — видятся в противопоставлении ныне действующему (и, конечно, имеющему свои недостатки) этническому принципу организации федеративного государства, принципа приоритета прав личности и адекватного ему в политическом плане принципа государственно-гражданского или, что то же самое, национального (общенационального) единства. В этом последнем моменте, как представляется, заложена квинтэссенция современного, ориентированного на западный манер, государственного этнополитического подхода.

Конечно, рассуждая с позиции должного, желаемого, то есть во многом чисто теоретически, надо признать, что принцип личности в своем абстрактном измерении на некой условной шкале исторического развития, расположен, пожалуй, выше принципа индивида,

носителем которого является этнический человек. Ибо личность как бы вбирает в себя (или «снимает», как говорят философы) богатство этнонационального, соподчиняя его другим, вероятно, более человеческим моментам в духовной структуре человека. Однако при этом надо отдавать себе отчет в том, что современный путь к этому личностному пробуждению человека и в индивидуальном и в родовом смыслах лежит через этап этнонационального становления, который ныне переживают народы нашей общей родины.

Точно также обстоит дело и с приоритетом принципа государственно-гражданского или общенационального единства россиян над принципом их этнической солидарности. Пытаясь исповедовать подобный, в сущности надэтнический, наднациональный принцип, центральная власть государства, к сожалению, выдает желаемое за действительное и фактически отрывается от основной (или, по крайней мере, значительной) массы населения страны и ее народов, состоящих из носителей конкретных этнических ценностей — русских ли, татарских, башкирских, — не имеет значения. Тем самым, данная власть лишает себя народной поддержки — этого мощного духовного цемента, скрепляющего любой политический союз. Патриотизм, оторванный от своей базовой — этнической основы, — рухнет [3].

Заметим здесь, что любовь к Родине, к Отечеству, которые на стадии этнического пробуждения ассоциируются в первую очередь со своей этнической группой, со своим народом, нам предлагают заменить любовью к пока еще довольно абстрактной российской нации и ее политическому воплощению — современному российскому государству. Но за что, позвольте спросить, любить современное государство основной массе скудно живущего и обираемого народа? В итоге понятия Родины и государства в нашей стране, как это ни прискорбно констатировать, все больше расходятся в разные стороны. А на место патриотизма, особенно в господствующих слоях общества, неизбежно заступает своеобразный и, безусловно, абстрактный по своей сути олигархически-бюрократический космополитизм, который в условиях современной России выгоден антипатриотическим, антинациональным силам, с по-

пустительства государства продающим страну и ее богатства оптом и в розницу за рубеж, меняющем ее на заграничные футбольные клубы, яхты, виллы и прочие «истребимые ценности».

Не лучше обстоит дело и на местах. В некоторых (если не во многих) национально-государственных, но полиэтнических по своему составу, образованиях страны исповедуется тоже порочный принцип моноэтнического господства, когда власть фактически концентрируется в руках представителей элиты преимущественно титульного этноса. Понятно, что подобная политика не может не порождать недовольства других этнических групп населения этих территорий, что также негативно влияет на стабильность и единство страны [1].

Таким образом, любое полиэтническое государство, пытающееся опереться на общегражданское, общенациональное сознание и ценности, и игнорирующее при этом основы этнических ценностей составляющих его народов, лишается своей самой надежной социальной опоры, поскольку проваливается в пустоту. Ведь подобные общегражданские сознание и ценности только и могут быть выработаны самими этими народами в процессе их совместной жизнедеятельности. Именно поэтому всякая попытка отбросить или форсировать этнический принцип, или, что хуже, — волюнтаристски перескочить через него, будет иметь самые губительные последствия как для государства, о котором идет речь, так и для населяющих его народов.

Для нормального же сбалансированного дальнейшего развития страны необходимо, чтобы этническое достоинство любого из ее государствообразующих народов, их этнические интересы (доколе мы, россияне, пребываем на данной ступени национального развития) могли найти свое должное удовлетворение и в государственно-гражданской ипостаси. Для этого, полагаем, необходимо, чтобы данные на-

роды были достойно представлены в государственной власти на всех ее уровнях, где их представители смогли бы отстаивать, в частности, и этнические интересы делегировавших их во власть этнических общностей. В противном случае неизбежно отчуждение человека от государства, как от чужеродной и, может быть, даже враждебной для него силы, идет ли речь о федеральном центре или о положении дел на местах.

Как этого достичь — вопрос практической политики. Однако одним из вариантов его решения могло бы стать создание в стране своеобразной версии консенсуального политического режима, в основу которого было бы положено нечто вроде джентльменского соглашения между представителями политической элиты федеральной и этно-региональной власти. В этом соглашении обе стороны договаривались бы, строго соблюдая эту договоренность, о квотах этнического представительства на всех значимых «этажах» федеративного государства в соответствии с этнической структурой общества. Полагаем, что кроме всех прочих достоинств, подобный политический режим (может быть уникальный в мировой практике в силу уникальности этнического состава страны) вполне отвечал бы демократическим требованиям этнической легитимности власти, что, в силу переживаемого Россией этапа общественного развития, является весьма актуальным.

Литература

[1] Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. — М.: Дело, 2005.

[2] Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье [Электронный ресурс]. — URL: www.apn.ru/publications/article_29103.htm

[3] Тиунчик И.В. Российский многонациональный проект в условиях современного демократического самоопределения народов России // Вопросы политологии. — 2011. — № 4.

УДК 32(571)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна,*доктор исторических наук, профессор кафедры социологии
и управления Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ)
e-mail: 89166272569@mail.ru*

СИЛА СИБИРИ: ИСТОКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕНТИЧНОСТИ

В статье раскрывается специфика формирования региональной сибирской идентичности в ее историческом, геополитическом и геоцивилизационном понимании. Показана зависимость регионального развития от эффективности усилий по закреплению основ региональной идентичности.

Ключевые слова: регион, Сибирь, идентичность, евразийство, тенгризм.

Сибирь является значимым с геоцивилизационной точки зрения регионом России, специфика которого определяется такими факторами, как срединное положение в стране, богатство сырья, наличие протяженной государственной границы, соседство со слабо освоенными экономическими районами. Огромны и разнообразны природные ресурсы Сибирского края: территориальные, водные, энергетические, сырьевые, сельскохозяйственные, рекреационные. Находясь между мощным экономическим комплексом Европы и бурно растущей экономикой Азиатско-Тихоокеанского региона, Сибирь, выполняя транзитные функции, может быть естественным звеном мировой экономической системы, связывающей рынки Европы и Азии. Главный редактор итальянского журнала «Евразия. Обзорение геополитических исследований» Тиберио Грациани замечает, что они «не в состоянии осознать геостратегическое значение, которое эти области выполняют в более обширном сценарии конфликта между межконтинентальными (американскими) и евразийскими геополитическими интересами. Возрождение крупного Средиземноморско-Центральноазиатского пространства может обеспечить необходимые элементы, чтобы преодолеть тупик „регионализма”, причиной которого является переход от монополярности к многополярности и, тем самым, подчеркнуть свою роль функционального „уз-

лового пункта” в евро-афро-азиатском регионе». [2].

Этот вопрос особо значим не только в свете совпадения границ региона и историко-культурной области, региона и исторической области, региона и цивилизации, но также размышлений о судьбе евразийской цивилизации. А о любой цивилизации прошлого, настоящего или будущего говорить лишь при наличии соответствующей цивилизационной идентичности, или при наблюдаемых признаках ее формирования.

Сердцевиной евразийской цивилизации и идентичности вступает ее сибирская компонента. В контексте сакральной географии, исторической геополитики и геокультурной эсхатологии именно Сибирь имеет уникальный статус «потаенной» или «подлинной» России. Еще задолго до появления специальных геополитических знаний, вычлененных из общих наблюдений о роли пространства в их жизнедеятельности, люди фиксировали свои представления об особенностях разных пространств. Они делали это, используя, в частности, сакрально прочитываемые геометрические символы, которые основывались на традиции геомагии и связывались с необычными географическими объектами, сторонами Света, небесными телами.

Не исчезли эти способы измерения времени и сейчас, хотя их назначение трансформировалось. Так, «Арктический крест» отражает

представление о закономерностях, вытекающих из «движения Земли по Солнцу» и связанных с изменениями природно-климатических условий на нашей планете. Аналогично ему некоторые специалисты, развивающие евразийскую парадигму, пытаются выстроить «Евразийский крест» метафизически символизирующий «восьмиконечную звезду» и органически связанный с соответствующим этому символу периодом генезиса земной цивилизации, в частности, со временем становления индоевропейской протоцивилизации [8]. Сибирь становится центром такой модели, оказывающей заметное влияние на формирование сознания россиян, их гецивилизационной идентичности.

В то же время любая подобная «Евразийскому кресту» модель может иметь несколько расшифровок. Разночтения проистекают из неодинаковых оценок исторического и экономического багажа, который имеется у каждого региона. И чем сложнее история региона, чем богаче его этнополитическая и экономические картины, тем вероятнее встретить несовпадающие варианты толкования истоков и современной специфики региональной идентичности и производных от нее социокультурных и политических характеристик данного общества.

Чтобы понять, в чем лежит причина разночтений гецивилизационного и геополитического потенциала Сибирского региона, требуется обратиться к истории освоения русскими Сибири. Достаточно четко проявляются три взгляда на характер присоединения Сибири, выражающиеся в концепциях: преимущественно мирного вхождения Сибири в состав России; присоединения; завоевания. Переосмысление характера присоединения Сибири носит скорее эмоциональный, чем научный характер, поскольку нельзя подвести под одно понятие процесс присоединения огромной территории, каковой является Сибирь. Следует говорить о подчинении каждого народа или каждой территории в отдельности [6].

Развал Золотой Орды привел к образованию в Западной Сибири в XV в. Тюменского, а затем Сибирского ханств. По Западной Сибири проходили важные торговые пути из Поволжья, Средней Азии и Восточного Туркеста-

на. На территории Сибирского юрта существовали города и оседлые поселения, получили распространение ислам и арабская письменность. Под властью сибирских ханов находились не только татары, но и угорские и самодийские племена. Ко времени похода Ермака Сибирское ханство занимало обширную территорию, отличавшуюся от других татарских государств, образовавшихся после распада Золотой Орды. Она была слабо населена, а само татарское население, составлявшее господствующую прослойку, выделялось в виде отдельных островков среди массы местного населения. Продвижение России за Урал, в Сибирь, началось с присоединения Сибирского ханства, когда в 1555 году сибирский хан согласился стать подданным Ивана Грозного. Но в 1572 году новый хан, Кучум, прервал отношения с Россией. В 1582 году отряд «охочих людей» во главе с Ермаком, снаряженный на деньги предпринимателей Строгановых, перешел Урал и захватил столицу Сибирского ханства.

Расширение территории в северо-западном, западном и южном направлениях было для России невозможным, поскольку на этих рубежах ей противостояли такие сильные государства, как Швеция, Речь Посполитая и Османская империя. Оставалось лишь восточное направление, где на сибирских просторах ей могло противостоять крайне ослабленное феодальной междоусобицей Сибирское ханство. Дальше к востоку от него обитали народы, не имевшие своей государственности, а потому не могущие оказать серьезного сопротивления России. К концу XVI в. большая часть Западной Сибири вошла в состав России. Были возведены крепости-остроги Тюмень (1586) и Тобольск (1587). Продвижение в Сибирь преследовало либо государственные цели (сбор дани — ясака, поиск руд драгоценных металлов), либо торговые (обмен и скупка «мягкой рухляди» — пушнины и «рыбьего зуба» — моржовой кости).

Огромные пространства Сибири, суровый климат и стремительные темпы движения русских служилых, а затем и торговых людей дальше, на Восток — все это обусловило появление значительного количества небольших крепостей, необходимых для закрепления присоеди-

ненных земель и налаживания в них административно-хозяйственной деятельности.

Укрепление власти связывалось со строительством городов. Сначала правительство ставило «города», не располагая точной информацией о численности коренного населения и характере его возможного сопротивления. Но уже со второго десятилетия XVII в., убедившись в слабости противника, оно, ограничивается «острогами». Летописные источники, начиная с середины XII и до XVI в., подразумевают под острогом не самостоятельную крепость, а только укрепленную часть города. Наказы воеводам, посылаемым в Сибирь для постройки городов, рекомендуют на выбранном месте «сперва острог занять и поставить», а уж потом «на город всеми людьми, всею ратью, лесу припасти... чтобы вскоре город сделать, а сперва поставить острог» [7]. В данном случае термин «острог» означал только конструкцию огады. «Острог» в значении самостоятельная крепость появляется во второй половине XVI в. Под «острогом» подразумевается не только часть укрепленного города (его посад), но и ограда (тыновая стена) и, наконец, тип небольшой крепости, независимо от способа конструктивного устройства стен и количества башен. Устраивая остроги, власти стремились обезопасить от внезапных нападений не только главную зону крепости, но и всю ее жилую часть. Позже все чаще стали закладываться укрепленные слободы.

Сибирский опыт также вносит специфику в геокультурные представления о границе. Многочисленные крепости, форпосты, остроги, слободы, пасы, погосты, укрепленные деревни, заимки, башни, рavelины, объединенные сложной взаимосвязанной системой в протяженные линии и создающие собой фронт, должны были защитить новые рубежи Российской империи. Фронт всегда выдвинут в пограничные земли и отдален от основных административно-хозяйственных центров относительно большим расстоянием. Границы сибирского фронта были подвижны и не совпадали с официальными границами Русского государства в Сибири. Так, если в конце XVI в. фронт начинался сразу же за городской чертой первых сибирских городов, то с каждым последующим десятилетием его рубежи стре-

мительно сдвигались на восток и вглубь Азии и к 1649 году достигли Тихого океана. Города, оказавшиеся «в тылу», по мере продвижения русских на восток постепенно утрачивали военно-оборонительные функции, превращаясь в торгово-промышленные центры.

Сибирская идентичность и сибирский характер закалялись в условиях не прекращающихся вторжений иноземных захватчиков. Набеги калмыков и джунгар в Западной Сибири продолжались вплоть до середины XVIII в., а казахов и каракалпаков до XIX в. [9]. Поэтому все население фронтальных зон было вооружено огнестрельным и холодным оружием. Отдаленность центральной и воеводской власти приучала сибиряков к бесконтрольности в своих действиях. Фронтальные поселения долгое время существовали без церкви и священнослужителей, что приводило к ослаблению этических норм и запретов. Для урегулирования различных вопросов сибиряки нередко использовали существующие органы мирского самоуправления — крестьянский мир, войсковые избы, посадскую и даже церковную общины. А сибирское казачество имело общий войсковой совет казаков и высший орган самоуправления — круг, на котором решались все важнейшие вопросы казачьей общины.

На формирование сибирской идентичности влияло и то, что в Сибирь устремились крестьяне, в том числе бежавшие от своих владельцев. Их привлекало то, что там не было крепостного права, а государство, заинтересованное в освоении Сибири, помогало «гулящим людям» в обзаведении хозяйством. За это сибирские поселенцы должны были платить государству налоги. Они становились государственными крестьянами. До 1917 года сибирский крестьянин был экономической опорой царского режима, угрозой мировому хлебному рынку. Например, в первое пятилетие XX в. мировой хлебный рынок «трясло» от сибирского хлеба, Сибирь обеспечивала существенную долю европейского рынка сливочного масла, а бийские сыры превосходили по качеству сыры Европы.

Но беспрецедентные колонизация и урбанизация Сибири при царской власти были невозможны. Издержки по заселению, эксплуатации и поддержанию такого обширного и холодного

пространства слишком обременительны. Лишь Советский Союз — государство, полностью контролирующее производство и перераспределение ресурсов, — могло покорить Сибирь. Однако оборотной стороной советской региональной политики стало сокращение численности населения Сибири, в частности в процессе ликвидации кулачества как класса в конце 1920-х гг. Прекратился вывоз хлеба не только в Европу, но и в европейскую Россию. Исчезло молочное животноводство, ориентированное на производство сыра и масла. Были уничтожены льноводство, добыча пушнины и т. д. Ликвидированы были металлургическая промышленность Забайкалья, отработанная система лесопользования и многое другое. Советское правительство от принципа этно-конфессиональной автономии перешло к системе территориальной автономии, полностью унифицировав в этом отношении Сибирь с остальными территориями СССР. Территориями, на которых проживали народы Сибири, были приданы разные формы и уровни автономии. Почти повсюду в Сибири некоренное население, преобладавшее по численности, а также имевшее более высокий уровень общей культуры, грамотности и т. п., доминировало в составе властных и хозяйственных структур.

Печальный вклад в процесс формирования сибирской идентичности вносило то, что Советская власть использовала Сибирь не только как ресурсный источник, но и как исправительную колонию. С 1929 года создавалась система исправительно-трудовых лагерей. ГУЛАГ заложил основу грандиозного развития Сибири и был расформирован только смерти Сталина. В 1960–1970 гг. было решено запустить гигантские индустриальные проекты в Сибири. Сейчас Сибирский федеральный округ является одним из наиболее проблемных регионов, как для текущей, так и для перспективной политики в области регулирования доходов, заработной платы, уровня потребления и других показателей уровня жизни. Дифференциация уровня жизни между регионами Сибирского федерального округа в целом выше, чем между федеральными округами.

Долгосрочные интересы России, состоящие в создании современной экономики инновационного типа, интегрированной в евроазиат-

ское экономическое пространство, определяют особую роль Сибири в этом процессе. Это объяснимо, если иметь в виду ее географическое положение и наличие в Сибири огромного ресурсного, а также значительного научно-технического, образовательного и кадрового потенциала. Этому мешает отток населения из Сибири. Есть угроза, что через несколько десятилетий по мере истощения природных ресурсов экономический рост прекратится, большинство регионов Сибири окажутся в глубокой депрессии. Это будет означать сначала потерю Сибири для России, а затем и разрушение самой России.

Противодействие такой угрозе не может быть лишь экономическим, оно предполагает активную политику по укреплению региональной сибирской идентичности, основанной на восприятии общего этнокультурного кода народов региона. Этот код спрятан за глыбами мифов и сказаний, заключен в топонимии рек и горных вершин, обнаруживается в обрядовой стороне жизни и т. д. В поиске его непрерывной нити рано или поздно приходится обращаться к материалам, связанным с историей религий и, в частности, с язычеством.

В последнее время церковнославянское слово «*і́зъѣцы*», в совокупности обозначающее неавраамические или немонотеистические верования стало заменяться термином «этническая религия». В этом есть доля справедливости, ведь в древнерусском языке оно вообще обозначало «народ». А отсюда можно заключить, что именно исследование языческой традиции позволяет обнаружить этот самый неуловимый этнокультурный код, дающий ключ к расшифровке сложнейших сюжетов. Эти сюжеты касаются, в частности, разнообразия восприятия людьми пространства и места человека в нем. Особенно важен такой код для понимания связей больших пространств, на которых в течение тысячелетий проживают различные этносы. Спецификой развития данных территорий было то, что через них проходили волны массовых миграций, частично оставивших свой след в самых глубинах этих земель, а иногда уносящих память об этом пространстве далеко за его пределы.

Актуальность подобного исследовательского ракурса усиливается, если данное простран-

ство включается в геополитическую игру, порой уподобляясь «большой шахматной доске», на которой стремятся разыграть свои партии отнюдь не одни региональные игроки. Именно к таким пространствам относится евразийское, как взятое в целом, так и в его знаковой части — Сибирской.

Определение общих истоков мировоззрения населения Сибири является проблемой, имеющей задачу не только возвращения исторической памяти, наследия прошлого, но и практическую, затрагивающую вопросы этнической и национальной самоидентификации евразийских народов и проведения соответствующей культурной политики по укреплению межнационального согласия [10]. Исключительность мировоззренческих установок этносов, населявших этот обширный регион, обнаруживается в особенностях восприятия пространства и времени, характеризующихся неприемлемостью раз и навсегда застывших форм, чувством открытости для человека как времени, так и пространства. Время течет и приобретает бесконечность, а пространство также бесконечно расширяется, не имея пределов. Образцом же для понимания бесконечного и беспредельного сочетания пространства и времени людям, живущим на этих землях, служит столь же бесконечное и беспредельное Небо.

Еще в восьмом-шестом тысячелетиях до н. э. в среде скотоводов-кочевников Центральной Азии, общих предков тюрков и монголов, возникает мировоззренческая система тенгрианства, берущая свое название от обожествленного неба Тенгри [5]. Почитание Голубого Неба — Тенгри — было общим для народов всей степной Евразии. Русский историк и этнолог Лев Николаевич Гумилев считал, что уже в XII–XIII вв. тенгрианство обрело форму законченной концепции с учением о едином божестве, собственной космологией, состоящей из представления о трех мирах с возможностями их взаимного общения, а также мифологией и демонологией, позволяющих отличать духов-предков от духов природы [3–4].

К особенностям тенгрианской картины мира можно отнести и то, что в ней центр мира, его ось, выражаемая в образе Мирового древа, приобретает облик Мировой горы. И здесь

нельзя не обратиться к природному источнику таких представлений. Сами Небесные горы — Тянь-Шань — расположены в центре ареала проживания древних тюрков. А на хребте Тенгри-Таг на границе Казахстана, Киргизии и Китая высится пирамидальный пик Хан-Тенгри высотой с ледником 7010 метров. Название вершины в переводе с тюркского означает «Повелитель неба». Ее впервые описал во время своего путешествия на Тянь-Шань в 1856–1857 гг. выдающийся русский путешественник, географ и геополитик Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Однако он допустил ошибку в определении местоположения этой горы, приняв за Хан-Тенгри вершину Кан-Тоо, что стало причиной неверного определения границ Российской империи с Китаем по Кашгарскому протоколу 1882 года. История пограничных сложностей на этом не закончилась. И уже в конце XX столетия из-за этой ошибки образовался один из спорных участков на китайско-киргизской границе. Во время встречи глав «шанхайской пятерки» 24–26 августа 1999 г. был достигнут компромисс, согласно которому формально пик Кан-Тоо (Хан-Тенгри) становится вершиной сразу трех государств и олицетворяет состояние миропорядка в регионе.

Есть и еще одна любопытная деталь в визуальном восприятии пика Хан-Тенгри как Мировой горы: по расположению с севера Хан-Тенгри (7010 м), его западная перемычка (5900 м) к соседнему пику Чапаева (6371 м) исключительно похожи на расположение гималайских гигантов Эвереста (8848 м), его Южной седловины (7900 м) и соседнего пика Лхоцзе (8516 м). Поскольку все эти горы почти на два километра ниже гималайских, то они не только позволяют имитировать маршрут к Джомолунгме, но и дают возможность укрепить образ трехглавой Мировой горы, получившей наиболее широкое мифологическое освещение.

Обращение к сюжету о пограничном споре, основание для которого дало неверное определение координат горной вершины, лишь подчеркивает насколько сложно в бесконечно воспринимаемом пространстве проводить границы. Но это не означает того, что линия границы не была важна для народов этого про-

странства. Они имели персонификацию духа границы миров, границы жизни и смерти, Мировой реки времени, текущей в иной, лучший, верхний мир. Это был Ульген. Его имя сохранилось в топонимах острова Ольхон на Байкале, рек селенга, Лена, Олекма, Оленек. Они служат подтверждением тому, что и в древности, и сейчас в сознании тюркских народов родная Земля и Вода (реки и озера) были священными в значении Родина. Защищая ее, народ черпал из них свою жизненную силу. И не только. Понимание особой, сакральной, значимости родных Воды и Земли давала народам Сибири бесценное Знание. В многообразии знаний выделялось Знание-припоминание, которое исходило из недр бессознательного культурного и проявлялось в спонтанных формах. И затем оно упорядочивалось, фиксировалось текстом, который мог передаваться как устно, так и письменно. В таком порядке передачи знаний содержались важнейшие компоненты связи традиции и инновации, ибо сама традиция имманентно предполагает инновацию, что обеспечивается механизмом передачи этнокультурного кода, причем такого характера этой передачи, что он обеспечивает сохранение важнейших элементов кода.

В соединении традиции и инновации существует не один единственный вариант связи, а столько, сколько необходимо для полноценного отражения этнокультурного и пространственно-временного разнообразия. Поэтому можно, опуская другие проявления этой взаимосвязи, говорить о том, что и тенгрианство тюрко-монголов, и русский космизм являются отражением одной линии восприятия отношений человека с пространством.

С 1990-х гг. повсеместно в Сибири начался процесс восстановления тенгрианской традиции, в частности возрождения обрядов Небесных молений, что мер подтверждает универсальность схемы архетипа поведения человека в сакральных местах. Есть связь таких действий с действиями в древние времена хуннов, динлинов, скифов, ариев и др. В обеспечении этой связи свою роль сыграли исторические путевые артерии — центральноазиатские караванные пути: Великий Шелковый Путь, Конный путь (Золотой Путь), Путь Ладак, Нефритовый Путь, Меридианный Путь. Они обеспечива-

ли не только взаимообогащение культур через торговлю, но и посредством обмена идеями, знаниями. Признаки Небесных обрядов сохранились в традициях маздаизма, индуизма, буддизма, иудаизма, христианства, ислама. В Сибирском регионе они обнаруживаются в древних формах, что обусловлено ранним отпочкованием отдельных родов и их долгосрочной изолированностью от процессов, происходящих в южных территориях Евразийского континента.

Можно заметить, что современная стадия эволюции тенгризма существенно отличается от трех его ранних стадий развития. На этом витке, в полной мере способен проявиться суммирующий эффект взаимодействия, синергия основных концептов тенгризма и русского космизма могут быть использованы для более глубокого понимания истоков и сущности этнокультурного кода евразийства. Без этого вряд ли можно говорить об эффективности его экономических и политических институтов и потенциале евразийской интеграции.

Значительная часть этого потенциала заключена в региональной идентичности. Ее конкретное проявление в Сибирском федеральном округе — «коренной сибиряк» появилось в акции «Я — сибиряк!» во время Всероссийской переписи населения (2010).

Важными задачами регионального развития Сибири являются: реконструкция экономики старопромышленных регионов и крупных городских агломераций путем конверсии оборонных и гражданских отраслей, модернизации инфраструктуры; преодоление депрессивного состояния агропромышленных регионов; стабилизация социально-экономического положения населения в регионах с экстремальными природными условиями и преимущественно сырьевой специализацией; стимулирование развития экспортных и импортозамещающих производств в районах, имеющих для этого наиболее благоприятные условия; формирование инновационных зон, технополисов как региональных центров внедрения достижений науки, ускорения социально-экономического прогресса; изменение специализации приграничных регионов; развитие межрегиональных и региональных инфраструктурных систем; преодоление отставания по уровню

и качеству жизни населения отдельных республик и областей.

Символом экономического возрождения Сибири, учитывающего особенности ее региональной идентичности стал трубопровод компании «Газпром», проектируемый в Восточной Сибири для поставок природного газа из Якутии в Приморский край и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Рабочим названием этот газотранспортного проекта было «Якутия — Хабаровск — Владивосток». Но накануне Нового 2013 года на заседании Госсовета Владимир Путин, основываясь на итогах конкурса названий, проведенного Газпромом, предложил новое название газопровода — «Сила Сибири» [1]. Естественно, это название отразило не только экономическую мощь региона, но и величие его историко-культурного вклада в развитие Российского государства и евразийской цивилизационной общности.

В то же время успех всех перечисленных выше задач в немалой степени зависит от того, каким содержанием будет наполнена новая региональная сибирская идентичность, как в ней будут сочетаться элементы исторического прошлого и ожидаемого будущего, региональные компоненты и общероссийская сущность.

Литература

- [1] Газопровод «Якутия — Хабаровск — Владивосток» получил название «Сила Сибири» [Электронный ресурс]. — URL: <http://news.ykt.ru/article/7679>
- [2] Грациани Т. Средиземноморье и Центральная Азия: стержни Евразии // Вестник аналитики. — 2011. — № 3. — С. 36.
- [3] Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.: Мысль, 1993.
- [4] Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М.: АСТ 2002.
- [5] Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — М.: Мишель и К, 1993. — С. 210–211.
- [6] Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. — Новосибирск, 1999. — С. 124–136.
- [7] Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.: Изд-во АН СССР, 1937. — Т. 1. — С. 347.
- [8] О континентальной модели нового мирового правопорядка («Евразийский крест») // Безопасность. — 2002. — № 1–2. — С. 143–144.
- [9] Скобелев С.Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебания численности и их причины // Электронный журнал «Сибирская Заимка». Архив 1998–1999. — URL: http://zaimka.ru/to_sun/skobelev_4.shtml
- [10] Федорова Л.В. Евразийство: стремление к древнейшей или новой религиозности универсальных идей». — Якутск: ИД СВФУ им. М.К. Аммосова, 2013.

УДК 321(470)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич,
кандидат политических наук, заведующий кафедрой
трудового права и профсоюзного движения
Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (Уфа),
докторант ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: suly-artur@rambler.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ИХ РОЛЬ В УКРЕПЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Дезинтеграционные тенденции в российских регионах представляют большую угрозу для целостности государства и могут активизироваться в самых различных регионах. Особая роль в этих процессах уделяется региональным элитам, которые в тех или иных условиях могут выступать гарантами конституционной целостности страны или фактором дезинтеграционной активности отдельно взятого региона. В данной статье рассматривается дезинтеграционный потенциал российских регионов, который с периода суверенизации («Парад суверенитетов») претерпел серьезные изменения.

Ключевые слова: региональные элиты, национальная безопасность, дезинтеграция, стабильность, активность, суверенитет.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная в мае 2009 г., провозглашает переход России к новой государственной политике в области национальной безопасности. Она раскрывает официально признанную систему стратегических приоритетов, целей и мер, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу. В этом документе большое место занимают вопросы региональной безопасности. Достаточно сказать, что в нем более 20 раз употреблены термины «регион» и «региональный» и еще более десяти раз — «субъекты Российской Федерации». Продолжающиеся как целенаправленно, так и в связи с изменениями политической и экономической конъюнктуры, реформы политической и административной системы, направленные на повышение роли самостоятельности субъектов Российской Федерации и повышение их ответственности по выполнению государственных обязательств, вызывают

множественные концептуальные и практические проблемы [9].

Если обратиться к истории федеративного строительства России и перехода советской территориально-политической системы к современной российской, то сама проблема дезинтеграционных процессов выражена в двух взаимообусловленных уровнях:

– идеологическое обособление этнических общностей от Центра. Как правило, субъектами подобной дезинтеграционной активности выступают этнические общности, стремящиеся к политической независимости их региона от Российской Федерации. При этом сам вопрос о выходе из страны не ставится. Равнодушие к общефедеральным процессам, к становлению общегражданской идентичности, экономическая независимость — вот основные цели этих политических сил. Подобные тенденции развивались и протекали в последние годы существования Советского Союза и были выражены в антисоветских лозунгах этнических меньшинств. Советская государственная

ность воспринималась ими как некая спонсорская помощь регионам;

– физическое обособление регионов от Центра и разрушение полиэтнической целостности государства и общероссийской идентичности. Цель дезинтеграционных сил заключается в физическом разрушении страны как целостной политической системы. Подобные дезинтеграционные тенденции носят открытый антигосударственный характер, в советское время поддерживались как русскими, так и нерусскими силами и сыграли субъектное значение в развале СССР [6].

В последнее время проблемы дезинтеграции, сепаратизма, обособления приобретают новые импульсы, от которых не может быть застраховано ни одно государство. Это позволяет (хотя бы условно) говорить о том, что с 2014 года появилась некая политическая «мода» на дезинтеграцию и сепаратизм. Венеция хочет выйти из состава Италии, Шотландия — из Англии. Регионам нужны новые центры, и они «как спутники» в поисках своей идентичности и «лучшей жизни» — «парад суверенитетов» сменился «парадом сепаратизма» [5].

Действительно, дезинтеграционные тенденции в Российской Федерации были активированы, если так можно выразиться, еще на этапе «парада суверенитетов». В связи с этим считаем целесообразным рассмотреть этот аспект более подробно.

По нашему мнению активизация дезинтеграционных тенденций в Российской Федерации в условиях «парада суверенитетов» была обусловлена объективными и субъективными (противоречием федеральной элиты) причинами.

Объективные причины:

– В начале 90-х годов децентрализованные методы управления страной еще не были выработаны, что вызывало политическое недовольство регионов России.

– Произошло устаревание социально-экономических и материально-ресурсных связей Федерации с регионами, которые в силу трансформационных процессов также не были обновлены и зиждились на советском наследии. На особом дотационном положении находились лишь города федерального значения, ко-

торые и без этого были в более выгодном экономическом статусе.

– С разрушением советской политической системы была разрушена и прежняя форма идеологического единения людей. «Новая» государственность была еще не способна идеологически обогатить общество, которое, по сути, было предоставлено само себе. В связи с раскрепощением идеологического ядра трансформирующегося государства в сознании людей образовался вакуум, который и стал заполняться различного рода сепаратистскими и националистическими лозунгами.

– Опыт бывших советских республик, которые стали позиционировать себя как суверенные национальные государства, мотивировал российские регионы (особенно республики) к этновозрождению, провозглашению новых этнических или национальных лозунгов.

Субъективные причины:

– «Парад суверенитетов» стал политическим инструментом противоборства двух элитарных центров власти на федеральном уровне. И был использован Президентом России Б.Н. Ельциным для привлечения губернаторского корпуса на свою сторону.

– В условиях политической борьбы высших федеральных эшелонов власти региональные элиты пользовались ситуацией и занимались укреплением своего субъекта Федерации, по сути, в ущерб общероссийской государственности. Региональные элиты пытались максимально сосредоточить финансовые и административные рычаги в своих руках [10].

Стоит особо отметить, что дезинтеграционным тенденциям были подвержены не только российские республики (Республика Татарстан, Республика Чечня), но и другие субъекты Федерации. Края и области также стремились к повышению своего политического веса в общедоделативной системе (так, например, в 1993 году Свердловская область приняла Конституцию Уральской Республики) [2].

В целом же, в отличие от национально-территориальных образований, «регионализация» российских областей и краев не представляли реальной угрозы для целостности страны. Даже Уральская Конституция 1993 года признавала верховенство федеральных законов и федеральной власти над

региональными законами на своей территории. Кроме того, когда данная Конституция была отклонена федеральным центром, общественность никак не отреагировала, и в ее защиту не было ни массовых демонстраций, ни других акций протеста [4].

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в СССР существовало противоречие между двумя государственно образующими принципами: национально-территориальным и административно-территориальным. Это противоречие было заложено еще в царской России, что, в свою очередь, привело к пренебрежению национально-этническими интересами. С развалом Советского союза ситуация в Российской Федерации не изменилась, однако механизмы управления Центра субъектами федерации еще не были сформированы, а существовавшие были неэффективными. Это привело в самом начале 90-х годов XX века к всплеску этнического сепаратизма в национальных республиках [3].

Только к концу 1993 года центробежные тенденции начали постепенно угасать. С одной стороны, это было связано с тем, что понизился уровень активности национальных движений, которые выступали с сепаратистскими лозунгами. Кроме того, выборы 1994 года и более поздние выборы в органы государственной власти субъектов федерации показали, что национальные движения во многом лишились поддержки населения, и людей больше заботило сохранение целостности страны [1].

С другой стороны, роспуском парламента завершилось противостояние Президента Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. Свою роль сыграло и выступление в октябре 1993 года Б.Н. Ельцина о необходимости пересмотра осуществления хозяйственной реформы и переноса центра тяжести экономических преобразований в регионы. В результате стали меняться прежние экономические отношения между регионами и центром. Так, к примеру, была увеличена доля региональных бюджетов, и несколько расширены права регионов во внешнеполитической деятельности [1].

Если рассматривать современность, то далеко не все научное сообщество склонно считать, что в современной России имеются ре-

альные очаги дезинтеграционной активности. Директор Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН А.Б. Юнусова убеждена в отсутствии реальных внутренних угроз целостности Российской Федерации [11].

При всем уважении к коллеге с данным мнением нельзя согласиться. И современная политическая действительность тому подтверждение. Те дезинтеграционные тенденции, которые запущены в региональном измерении на современном евразийском пространстве, не могут не настораживать. От синдрома территориально-политической дезинтеграции не смогли застраховать себя даже европейские государства, такие как Англия (возможности территориального отчуждения Шотландии от Англии).

Более того, по последним данным «Левада-центра» (на конец 2013 г.), проблемы дезинтеграции России существенной в той или иной степени считают 74% россиян, и лишь 9% уверены, что «такой проблемы нет» [12]. Каковы же возможные очаги (центры) консолидации дезинтеграционной активности в федеративной России?

Дезинтеграционные тенденции в современных условиях могут активизироваться в самых различных регионах. По нашему мнению, не стоит абсолютизировать и связывать очаги дезинтеграции лишь с приграничными регионами, центробежной политической «чуме» могут быть подвержены (хотя и гипотетически) любые субъекты Федерации. Другое дело, что не все из них имеют этнические, культурные основания и могут муссироваться отдельными политическими элитами для реализации своих узконаправленных интересов.

Так, на примере, Республики Башкортостан и Республики Татарстан хотелось бы проанализировать роль элит в консолидации страны и выработке общегосударственной гражданской идентичности.

Республика Башкортостан (контрэлитная дезинтеграционная активность), как и другие республики Поволжья, на этапе «Парада суверенитетов» испытывала на себе тенденции этнической дезинтеграции, выраженной в некоем социально-культурном сопоставлении так называемого титульного этноса с други-

ми этническими общностями и народностями. В Республике Башкортостан подобные тенденции были выражены в следующих аспектах: обязательное изучение башкирского языка в школах, результаты переписи и т.д. Необходимо особо подчеркнуть, что радикальной конфронтации этносов на территории Республики Башкортостан не было и сама дезинтеграционная активность была скорее лингвистическо-культурной. Вместе с тем, на наш взгляд, лингвистическо-культурная (лингвистическо-этническая) дезинтеграционная активность в Республике Башкортостан сегодня трансформировалась в контрэлитную, которая выражена в определенной политической конкуренции действующей власти в Республике Башкортостан с оппозицией, в своем большинстве подерживающей прежнюю власть [7–8].

Совершенно очевидно, что подобная политическая контрастность в Республике Башкортостан, существование как минимум двух «центров» региональной власти (элиты и контрэлиты) пагубно сказываются на преодолении дезинтеграционных тенденций в регионе, т.к. в политических играх элит и контрэлит вновь может быть разыграна «этническая карта», как в период «Парада суверенитетов», но с более радикальной выраженностью.

Республика Татарстан (интеллектуальная дезинтеграционная активность). Еще в период «Парада суверенитетов» Республика Татарстан (как, собственно, и Чеченская республика) находилась на особом положении в сфере отношений Центр — периферия. Татарстан не принимал участия во всенародном голосовании за проект Конституции России 1993 года. Более того, республика окончательно подписала Федеративный договор о разграничении полномочий Центра и регионов 1992 года лишь в 2007 году. Это позволяет утверждать, что Республика Татарстан, если так можно выразиться, выступает «привилегированным» субъектом Федерации, что совершенно недопустимо для преодоления дезинтеграционных тенденций.

Республика Татарстан переживает сейчас интересную эволюцию. Татарстану удалось стать главным претендентом на роль (альтернативного официальной Москве) научного генератора гуманитарных подходов, создающим

собственную модель исторического, этнологического и политологического описания российской реальности. Именно интеллектуальная деятельность катализирует в республике активность населения. В Казани серьезно занимаются проблемой адаптации собственных наработок к российскому общественному мнению — как либеральному, так и склонному к традиционным ценностям. Истоки этих ценностей — в работах Л. Гумилева и А. Фоменко, склонных к «реабилитации» роли татар в русской истории, что свидетельствует об интеллектуальном характере татарской дезинтеграционной деятельности.

Очевидно, что список возможных гипотетических угроз национальной безопасности страны (посредством институционализации дезинтеграционной активности российских регионов) не ограничивается лишь российскими республиками. От дезинтеграционных тенденций в полной мере не может быть защищен ни один регион в условиях глобализации современного политического процесса, и от того какой курс выберет властвующая элита будет зависеть целостность и безопасность страны.

Литература

- [1] Аминов И.Р., Сулейманов А.Р. Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы // Правовое государство: Теория и практика. — 2014. — Т. 2. — № 36. — С. 111–115.
- [2] Гайдук В.В. Институт федерализма: политико-правовое исследование: дис. ... д-ра полит. наук / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. — М., 2008.
- [3] Гайдук В.В., Демьяненко Ю.А. Этнополитический инструментарий национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 3 (22). — С. 113–125.
- [4] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Национальная политика в Российской Федерации: траектории, развилки, тупики // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2012. — № 1. — С. 115–121.
- [5] Гайдук В.В. «Парад суверенитетов» сменился «парадом сепаратизма» [Электронный ресурс]. — URL: <http://corrupcia.net/aboutnews/item-892.html>
- [6] Национальная идея России: В 6 т. — М.: Научный эксперт, 2012. — Т. 5. — 696 с.

[7] *Нигматуллина Т.А.* Патриотическое воспитание молодежи в системе государственной политики: идеологическое многообразие // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 3 (22).

[8] *Нигматуллина Т.А.* Политическая интерпретация этноксенофобии в молодежной среде: новые вызовы глобализации // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2014. — № 1 (24).

[9] *Полосин А.В.* Регион в системе национальной безопасности Российской Федерации (теоретико-методологические проблемы). — М.: 2010. — 254 с.

[10] *Сулейманов А.Р.* Национально-территориальная безопасность российского государства: ретроспективный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2013. — № 3 (22). — С. 126–132.

[11] *Юнусова А.Б.* Сепаратизм в России? Считаю, говорить не о чем [Электронный ресурс]. — URL: http://www.pravda.ru/news/politics/11-11-2013/1181656-separatizm_unusova-0/

[12] URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2354209> (опрос прошел 15–18 ноября 2013 г. в 45 регионах Российской Федерации).

УДК 321

БЕЛЯЕВ Максим Анатольевич,
аспирант Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
директор Агентства примирительных технологий
Центра ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации
на базе Башкирского института социальных технологий (филиала)
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (Уфа)
e-mail: apt.unevoc@gmail.com

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОГО СЕПАРАТИЗМА: МУНИЦИПАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Сепаратизм является одной из сложнейших политических проблем XXI века и напрямую связан с демографическими процессами, протекающими в стране. Глобальными можно считать такие измерения демографических процессов, как сокращение численности народонаселения, коренные трансформации возрастной, этнической и религиозной структур населения, институционализация диаспор, обострение проблем этнической преступности, обострение межнациональных и межэтнических проблем, увеличение коэффициента смертности населения на местах. В данной статье исследуются муниципальные особенности обеспечения демографической безопасности в России с позиций политической теории и практики.

Ключевые слова: евразийство, демографическая политика, национальная политика, демографическая безопасность, регион, потенциал, эффективность, ресурс, муниципальные образования.

Региональный срез демографической политики в современной России отличается многообразием: ряд территорий (Дальний Восток, Сибирь) имеет отрицательный механический прирост населения, в то время как другие — демографически привлекательны (Центральный, Приволжский и Южный федеральные округа, Москва, Санкт-Петербург). Республика Башкортостан относится как раз к тем российским регионам, в которых сохраняется стабильная демографическая ситуация. Очевидно, что контрастность российских регионов стимулирует проявление протестных настроений на местах, особенно в субъектах Федерации, ограниченных в силу объектных причин от природных и промышленных ресурсов.

Стоит особо подчеркнуть причинно-следственную связь между возникновением сепаратистских настроений в обществе и демографическими процессами, протекающими в российских регионах. С одной стороны, сепаратизм как политический феномен порождает

и усугубляет демографические проблемы, так как сепаратистские заявления создают коллапсы в естественном приросте народонаселения в регионе. Этнические противостояния, войны, разрушение межэтнических связей в субъекте Федерации — все это не только нарушает федеративный курс и целостность российской государственности, но и способствует сокращению численности населения того или иного субъекта Федерации, создавая демографический кризис. С другой стороны — нерешенность демографических проблем, социально-экономическая асимметричность российских регионов способствуют формированию оппозиционности населения на местах, которая впоследствии выливается в сепаратистские идеологемы и лозунги.

Так, в российском обществе создаются политические течения, выступающие с радикальными лозунгами «Хватит кормить Кавказ». Основным аргументом этих политических сил сводится к следующему постулату: «На Северный

Кавказ, где проживает 6,3% населения России, тратится 22% всех средств, выделяемых федеральным центром регионам. В то время как доля налоговых поступлений из кавказских республик в российский бюджет меньше 1%» [8]. Подобные лозунги, действительно, имеют резко оппозиционный характер и не сказываются позитивно на демографической ситуации в протестующих регионах. Вместе с тем «Кавказская проблема» тоже имеет место быть и требует дальнейших решений, которые до сих пор не найдены.

Стоит отметить, что радикализм не применим в этом вопросе. В связи с чем трудно согласиться с мнением лидера политической партии ЛДПР В.В. Жириновского о том, что необходимо огородить Северный Кавказ «колючей проволокой» и ограничить там рождаемость [9]. Конечно же, это не выход. Сегодня требуется взвешенная национальная политика не только с позиций социально-экономического благополучия жителей российских регионов, но и с учетом демографических показателей, которая бы обеспечивала демографическую безопасность страны. Хотя эти обе категории, безусловно, взаимосвязаны.

Демографическая безопасность — составная часть национальной безопасности, состояние защищенности государства, общества и рынка труда от демографических угроз, при котором обеспечивается развитие на основе совокупности сбалансированных демографических интересов государства, общества и личности согласно конституционных прав граждан России. Демографическая безопасность — такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного влияния внешнего фактора и обеспечение человеческими ресурсами геополитических интересов государства. Демографическая безопасность — это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотношения ее с национальными интересами государства, находящиеся в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса [10].

Сегодня эффективность национальной, как и демографической политики зависит не толь-

ко от географического положения и инвестиционно-экономической привлекательности конкретного региона, но и от технологий, применяемых в данной области. Как отмечает исследователь Е.Д. Кузнецова, «ключевая проблема демографической политики России — не объем ресурсов, который направляется на решение социальных задач, а эффективность, целевой характер проводимых мер. Необходимо в ближайшие годы изменить ситуацию, ликвидировать все «зоны потерь», когда ресурсы тратятся впустую, направляются не тем, кто в них нуждается, а людям, которые могут легко прожить без этого; когда государство по инерции поддерживает учреждения, не обращая внимания на эффект их работы для граждан; когда чиновники ставят свои интересы выше интересов тех, на кого они работают» [2]. Каждый рубль, направляемый в социальную сферу, по словам В.В. Путина, должен «производить справедливость» [5]. И с этим действительно трудно не согласиться.

Для придания общего федеративного контура демографическим процессам в многонациональной России была принята «Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года». Данная Концепция реализуется посредством следующих технологий [1]:

- совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере семейного, налогового и жилищного права, здравоохранения, образования, социального обеспечения, трудовых отношений, миграционной политики с учетом мер по реализации демографической политики, общепризнанных норм международного права и международных обязательств Российской Федерации, направленных на создание системы экономических стимулов для населения в сфере демографического развития;

- включения задач и мероприятий, призванных улучшить демографическую ситуацию, в федеральные и региональные программы социально-экономического развития;

- учета задач демографической политики при формировании федерального и региональных бюджетов, бюджетов внебюджетных фондов, концентрации финансовых и материальных ресурсов для реализации основных задач демографической политики, привлечения

дополнительных внебюджетных средств на эти цели;

– методического обеспечения деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления муниципальных образований, направленной на управление демографическими процессами;

– постоянного мониторинга и анализа демографических процессов и корректировки на их основе конкретных мер демографической политики;

– развития научных исследований в сфере народонаселения.

Концепция демографического развития Республики Башкортостан отличается от соответствующей федеральной Концепции несколькими особенностями. Во-первых, своим названием — «Концепция долгосрочной демографической политики в Республике Башкортостан до 2015 года». Изменение названия Концепции носит неформальный характер. Оно предполагает более глубокий ретроспективный анализ демографических процессов, конкретизацию мер по их регулированию в будущем. Основные направления демографической политики разработаны с учетом предложений министерств и ведомств Республики Башкортостан. Во-вторых, в 70–80-е годы в республике был накоплен определенный опыт разработки и реализации мер по регулированию демографических процессов. В-третьих, в Республике Башкортостан в настоящее время проводится значительная работа по улучшению демографической ситуации. Принят целый ряд законов, указов Президента Республики Башкортостан, разработаны целевые программы социально-демографической направленности [7].

В Концепции Республики Башкортостан представлен анализ демографических процессов, происходивших в регионе за последние 50 лет. Выбор 1960 года в качестве исходного обусловлен тем, что именно к концу 50-х ситуация с воспроизводством населения была благополучной. Необходимость анализа воспроизводства населения за столь длительный срок связана и с тем, что за последние полстолетия произошли большие изменения в естественном и миграционном движении, которые

сказываются сегодня и будут продолжать оказывать свое влияние на развитие народонаселения в будущем. В Концепции дается анализ численности и половозрастной структуры населения, его рождаемости и смертности. Большое внимание уделено состоянию здоровья населения. Отдельно анализируются миграционные процессы и расселение населения. Дается состояние демографической ситуации в республике в отдельном приложении. Предлагается также прогноз развития населения до 2015 года. Заключительная часть работы содержит основные направления регулирования воспроизводства населения в будущем.

Действительно, особую роль в повышении эффективности демографической политики и обеспечении демографической безопасности на местах играет детализированная и программно-целевая разработанность нормативно-правовых актов на региональном и муниципальном уровнях. По справедливому замечанию О.В. Шипуновой, «сегодня, прежде всего, необходимо упорядочение нормативно-правовой базы демографической политики в регионах с использованием программно-целевого метода, позволяющего: а) координировать действия органов власти разных уровней; б) концентрировать средства из различных источников на реализации приоритетных направлений; в) своевременно реагировать на текущие демографические тенденции. Совершенствование регионального законодательства должно идти по пути реализации специфических для каждого региона мероприятий, прямо или косвенно влияющих на уровень рождаемости, с учетом территориальных особенностей» [6].

Следует разработать нормативно-правовую базу для проведения государственной информационно-просветительской кампании, направленной на понимание ценностей материнства и отцовства, повышение статуса родительства, на переход от малодетной семьи к семье, имеющей не менее двух детей [4]. Вместе с тем, механизмы и технологии обеспечения демографической безопасности нуждаются в конкретизации и постоянном научном совершенствовании. Очевидно, что для получения достоверных сведений о состоянии населения Российской Федерации и его регионов

следует создать систему государственного статистического наблюдения, соответствующую современным информационным потребностям и международным рекомендациям в области демографического развития. Необходимо обеспечить информационную поддержку проведения демографической политики и обеспечения демографической безопасности, расширить социальную рекламу в средствах массовой информации, выпуск тематических теле- и радиопрограмм, газет и журналов, разработку учебных программ, шире информировать население о возможных опасностях для жизни и здоровья, связанных с наиболее распространенными заболеваниями, эпидемической обстановкой, стихийными бедствиями и техногенными авариями, с появлением на рынке опасных для здоровья товаров, о мерах, позволяющих предупредить их вредное воздействие на здоровье человека [2]. И с этим трудно не согласиться.

Полагаем, что целесообразно проводить мониторинг демографической ситуации в регионах по следующим направлениям:

- динамика численности населения в субъектах Российской Федерации (целевой показатель — темпы роста (сокращения) численности населения);

- оценка здоровья и смертности населения (целевые показатели — стандартизованный коэффициент смертности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении);

- уровень и тенденции рождаемости (целевой показатель — суммарный коэффициент рождаемости);

- характеристика миграционных процессов и расселения населения (целевой показатель — коэффициент миграционного прироста (убыли) населения);

- уровень и качество жизни населения (целевой показатель — валовой региональный продукт на душу населения в субъекте Российской Федерации).

Процедуру выработки эффективных решений, учитывающих региональную и местную специфику, а также оценку результативности деятельности органов власти разных уровней в демографической сфере затрудняет отсутствие на региональном уровне единого центра, отвечающего за реализацию демографи-

ческой политики. Совершенствование организационного механизма регулирования демографических процессов может состоять в создании региональных центров, призванных обеспечивать межведомственное взаимодействие и координацию действий всех субъектов региональной демографической политики в области рождаемости (Советов по реализации демографической политики) и межэтнических связей (Совет по обеспечению демографической безопасности). Работа региональных органов власти осложняется дефицитом научного и кадрового потенциала, обеспечивающего научное обоснование выбора мер, реализуемых в дополнение к общегосударственным мероприятиям, проведение демографической экспертизы, оценку эффективности демографической политики в области рождаемости. Следовательно, особенно актуальными для большинства регионов России становятся мониторинг и совершенствование региональных и муниципальных мер, направленных на повышение рождаемости, подготовка кадров в области демографической, семейной и национальной политики [3].

К сожалению, существующая система сбора, систематизации и доведения до пользователей статистической информации не удовлетворяет в полной мере потребностей органов исполнительной власти регионов. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо восстановить демографическую статистику в объеме, существовавшей до 1998 года, а также создать единый информационно-статистический ресурс, позволяющий интегрировать данные Федеральной службы государственной статистики с ресурсами других министерств и ведомств, обеспечивающих сбор и накопление ведомственной статистики.

Особого внимания заслуживает проблема финансирования демографических проектов в российских регионах. Федеративные трансформации, происходящие в стране и выраженные в повышении социально-экономической самостоятельности регионов, позволяют пересмотреть межбюджетные отношения в сфере демографической политики. В противном случае, консолидированность бюджетов приводит к дифференциации демографической политики на местах, тогда население, проживающее

в разных субъектах Российской Федерации, фактически имеет неравный доступ к экономическим мерам и социальным услугам, обеспечивающим проведение демографической политики и, в конечном счете, сказывающимся на демографической безопасности региона.

За федеральным уровнем целесообразно оставить только финансирование мер поддержки семьи, образующих систему минимальных социальных гарантий, а также реализацию национальных проектов, финансируемых при долевого участии бюджетов федерального и регионального уровней, внебюджетных фондов. Эти меры должны быть дополнены на уровне региона за счет средств регионального и муниципального уровней власти и привлечения социально ответственного бизнеса. Необходимо исходить не из остаточных возможностей, а от обоснованных затрат, необходимых для достижения поставленных целей. При расширении самостоятельности регионов складывается территориальный опыт, сочетающий общее и частное — общероссийский подход к решению проблем повышения рождаемости и демографические, социально-экономические, национальные, исторические особенности и возможности регионов. При этом координация действий в этой сфере происходит из центра. Полностью предоставить субъектам Федерации проведение демографической политики нецелесообразно.

После принятия Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» реализация демографической политики в регионах на муниципальном уровне приобретает новые возможности и формы. В распоряжении органов местного самоуправления появились важные рычаги управления социальным развитием. И сегодня муниципалитет призван адаптировать и дополнить меры, направленные на повышение качества реализации демографической политики в регионе, с учетом сложившихся особенностей местного образования. Единство активной демографической политики в регионе должно заключаться в однонаправленности ее целей на разных уровнях управления, а не

в унификации ее мероприятий. Кроме того, повышение ответственности муниципалитетов за разжигание этнополитических конфликтов и столкновений на местах, актуализируют органы местной власти в обеспечении демографической безопасности региона.

Все муниципальные образования условно можно разделить на три типа: с относительно благоприятной демографической обстановкой (+); урбанизированные (+/-); с относительно неблагоприятной демографической обстановкой (-). Четкое разграничение не только самих регионов, но и муниципальных образований позволяют наиболее полно оценить демографическую ситуацию в регионе и обеспечить демографическую безопасность на местах.

Литература

[1] Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: [утверждена Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351] // Российская газета. 2007. 12 окт.

[2] Кузнецова Е.Д. Демографическая политика в Российской Федерации: условия реализации и приоритеты // Информационная среда и ее особенности на современном этапе развития мировой цивилизации. — Саратов: Изд-во ЦПМ «Академия Бизнеса», 2012. — С. 58–60, 76.

[3] Нигматуллина Т.А. Зарубежный и отечественный опыт институализации государственной молодежной политики: поиск оптимумов // Евразийский союз: вопросы международных отношений. — 2013. — № 2 (3). — С. 121–128.

[4] Нигматуллина Т.А. Трансформация института семьи в современном мире: мировые и российские тенденции // Этносоциум и межнациональная культура. — №6 (60). — 2013. — С. 65–76

[5] Путин В.В. Справедливое устройство общества, экономики — главное условие нашего устойчивого развития в эти годы [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kp.ru/daily/3759/2807793/>

[6] Шипунова О.В. Проблемы и перспективы региональной демографической политики в области рождаемости // Регион: экономика и социология. — 2012. — № 1. — С. 14.

[7] URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW140;n=26072>.

[8] URL: <http://rod-ru.org/nasha-pozicija/hkk/>

[9] URL: <http://www.kp.ru/online/news/1571528>

[10] URL: http://zdos.ru/nauka/view_art.php?id=301&cat=bezopasnost

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТАРИИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

УДК 321

БЕНИНА Лариса Ивановна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры политологии и истории
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: bashgu_politolog@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МАССОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается место политической мифологии в структуре политической культуры современного российского общества, причины живучести мифологического политического сознания.

Ключевые слова: политическая культура, политическая мифология, политическое сознание.

Мифология легко усваивается массовым сознанием, так как предлагает простые и доходчивые объяснения сложных социальных явлений и процессов. Психологическая сила политических мифов заключается в том, что они на понятном обывателю языке трактуют все происходящее с ним и вокруг него: почему одни богатеют, а другие бедствуют, почему одни у власти, а другие всегда в подчинении. Человек, усвоивший определенный миф, оценивает жизнь под определенным углом зрения и выборочно воспринимает социальные факты, преувеличивая значение тех, которые совпадают с его взглядами, настроениями, предрассудками и отвергая те, которые не укладываются в его представления о действительности.

В любом обществе существуют мифы, консолидирующие массовое сознание. В США это миф об «обществе равных возможностей», в СССР — миф о «руководящей роли рабочего класса». Мифы особенно широко распространяются и оказываются наиболее живучими в условиях, когда власть целенаправленно

стремится мифологизировать общественное сознание путем идеологической обработки населения, формируя «мифопорождающую систему» (Ю. Лотман). Советская политическая система, придавая огромное значение формированию «нового человека», усердно внедряла в массовое сознание тип мировосприятия, которому свойственно некритическое отношение к режиму власти и всем ее решениям, к словам и действиям вождей, а так же утопизм, бескомпромиссность, ригидность (негибкость) мышления и стереотипы «черно-белого» восприятия реальности. Спустя более 20 лет преобразований для многих представителей не только старшего, но и более молодого поколения, свойственно стремление избегать рационального осмысления сложных социально-политических явлений, давать трезвую оценку сложившейся ситуации, а вместо этого утешаться мифологическими трактовками и утопическими возможностями разрешения возникающих проблем.

Реальность мифа для общественного сознания (порой разрозненного и «расчлененного» по различным основаниям) абсолютна

и не подлежит никакому сомнению со стороны мифоносителя. Политический миф, как правило, продукт политической воли, результат деятельности властных элит и финансово-экономических корпораций. Несмотря на свою искусственность, политический миф все же реален, и бывает даже обусловлен ходом исторического развития общности и властных институтов, как некая возможность продолжить свое политическое воспроизведение и трансляцию в существующих или прогнозируемых процессах [4].

Авторы теории психоанализа объясняют живучесть и широкую распространенность мифов тем, что они необходимы для утешения и успокоения масс, вселения в них надежды на «светлое будущее», защиты от постоянных страхов за свою жизнь и благополучие своей семьи, преследующих «маленького человека». Когда в обществе возникают тяжелые ситуации, экономические кризисы, крутые повороты в политике, мифы играют компенсаторную роль, нейтрализуя отрицательные эмоции, вызванные суровой действительностью.

Согласно учению К.Г. Юнга, в основе поведения человека лежат бессознательные реакции на явления окружающей действительности, которые он считал универсальными закономерностями психической жизни. С его точки зрения, логическое мышление, обеспечивающее адекватное приспособление к реальности, требует больших усилий воли и напряжения умственных способностей, чем утомляет человека, вызывая стремление отказаться от излишних психических и интеллектуальных нагрузок. Поэтому многие люди предпочитают «не включать» этот тип мышления и плыть по течению жизни, не беря на себя труда осмысливать не только политические явления, но и события, происходящие даже лично с ними [2]. Такими людьми руководит тип психической деятельности, названный К.Г. Юнгом «ненаправленным мышлением», которое представляет собой поток образов и бессознательных реакций, а не понятий и суждений. Это образное, мифологическое мышление, способствующее адаптации реальности к внутреннему миру (тогда как логическое мышление адаптирует к внешнему миру) [6]. Э. Фромм рассматривал подобный тип мыш-

ления как подсознание и определял его «как то, что происходит в мозгу в состоянии, когда все наши связи с внешним миром отключены и мы обращены не к действию, а к восприятию себя помимо, вне работы разума, определяющего наши действия» [5].

Применяя данный подход, можно предположить, что в массовом сознании российского общества (в отличие от обществ западного типа) логический тип политического мышления менее распространен, чем «ненаправленное» образное мышление, когда «человек живет в мире иллюзий, потому что иллюзии помогают ему переносить убожество реальной жизни» [6]. Российское массовое сознание традиционно ориентировано на эмоциональное восприятие политической действительности и на ее мифологизацию. В течение тысячелетней истории в стране не раз происходили социальные потрясения, дезориентировавшие массы, вызывавшие у них страх, решительное неприятие и политическую апатию [3]. В этих условиях политическая мифология выполняла компенсаторную функцию эмоциональной защиты и утешения, помогая примириться с суровой реальностью. Как неотъемлемый элемент массовой политической культуры, она представляет собой ненаправленное политическое мышление большинства общества в отличие от логического политического мышления политических деятелей и интеллектуалов.

Государство в большей мере, чем другие звенья политической системы, стало объектом мифологизации и предметом для политической конфронтации в обществе. Одни приписывали ему черты абсолютного зла (анархистская традиция), другие — абсолютного блага (этатистская традиция). Проявлением первой тенденции сегодня является перманентная борьба с бюрократизмом и коррупцией в государственном аппарате, привилегиями чиновников и депутатов, а так же аполитичность и абсентеизм большинства населения. Для данной традиции характерны мифы о враждебности государства по отношению к человеку, о злоупотреблении им своей властью в ущерб интересам общества. Подобное отношение рядовых граждан к власти обусловлено тем, что ее носители зачастую только называются «слугами народа», а на самом деле заботятся лишь

о собственном благополучии и защищают свои корпоративные интересы.

Представители же элитарной традиции, изложенной еще в IV веке до н. э. в «Книге правителя области Шан», напротив, руководствуются мифами о том, что во всех бедах государства виноват ленивый и незаконопослушный народ, уклоняющийся от исполнения своих истинных обязанностей — молча работать, платить налоги, создавая материальную базу для существования правящей элиты, и безропотно исполнять все предписания властей. Самодержавная царская власть смотрела на подданных как на «быдло», а советская власть — как на объект для своих коммунистических экспериментов. Две эти взаимоисключающие традиции и ныне присутствуют и борются в российском общественном сознании.

По мнению А.С. Ахиезера и И.Г. Яковенко в результате в России сложилась уникальная ситуация, при которой в рамках одного общества сосуществуют два альтернативных типа политического сознания: «С одной стороны, административная, бюрократическая ментальность политической элиты, которая выросла в той же самой стране, пронизана токами архаического сознания, но доросла до понимания необходимости государства... С другой стороны, массовое сознание низовых слоев, сохранивших почти нетронутые архаические представления о мире. Этот слой, напроць лишенный понимания необходимости большого общества, не только не понимает, но и отказывается принять подлинную природу государства. Человек низкой культуры... трактует большое общество по моделям родной деревни. И предписывает государству идеалы, взятые из архаического родового быта... Специфика русской истории и русской цивилизации состоит в этой парадоксальной двуслойности культуры» [1]. Представляется, что указанные авторы верно подметили патриархально-подданический характер массовой политической культуры в России, сочетающей в себе пietet перед властью с недоверием к ней и нежеланием каким-либо образом участвовать в ее осуществлении.

Возникает «замкнутый круг» взаимного недоверия и непонимания: то, что представители власти «страшно далеки от народа» и озабоче-

ны в основном решением собственных проблем, вызывает гнев и ненависть массовых слоев, их желание отстраниться от политики как от «грязного дела» карьеристов и стяжателей. А поскольку любой чиновник в массовом сознании предстает как взяточник и бюрократ, люди, занимающие государственные должности (возможно, сами лишь недавно вышедшие из народа), начинают на практике подтверждать этот стереотип политического сознания, используя властный потенциал своих должностей в корыстных целях.

Пока «верхи» заняты перманентным реформированием общества, его модернизацией и демократизацией, «низы» озабочены проблемами выживания в бурном водовороте российских перемен и оставляют за собой право не интересоваться политикой, утешаться мифами о высшей справедливости, которая когда-нибудь воздаст всем по заслугам, верить в то, что «греет душу», и прятаться от социальных потрясений в раковину частной жизни. Вместе с тем, политический истеблишмент вынужден заботиться о более широком вовлечении масс в политику хотя бы ради активизации электорального участия. Но «лобовая атака» на мифологическое сознание вряд ли даст желаемый эффект. Мифы, как было отмечено выше, очень живучи и являются одной из базовых составляющих массовой политической культуры. Идеологическое насилие может привести лишь к отторжению ценностей демократии. Трансформация политического сознания должна происходить эволюционным путем. Предрассудки и мифы нужно не искоренять, а изучать и учитывать в политической пропаганде.

Усилия специалистов-идеологов по преодолению массовой политической апатии и по формированию демократической политической культуры участия могут быть эффективными в случае, если:

– во-первых, направление идеологического воздействия со стороны государства в основном совпадает с массовыми настроениями, не противоречит ожиданиям народа (например, любые предположения о повышении пенсионного возраста или об увеличении продолжительности рабочей недели воспринимаются обществом «в штыки»);

– во-вторых, пропаганда ведется с учетом политических традиций, глубоко укоренившихся в массовом сознании (например, традиционной «веры в доброго царя» и нелюбви к чиновникам);

– в-третьих, преодоление мифов и предрассудков, тормозящих модернизацию и демократизацию политической системы, происходит не путем осуждения и высмеивания заблуждений народа, насмешек над его политической наивностью и инфантильностью, а социально-психологически обоснованными методами вытеснения и замещения архаических стереотипов «ненаправленного» политического мышления и поведения новыми, более приемлемыми с точки зрения демократического государства.

Литература

[1] Ахиезер А.С., Яковенко И.Г. Что же такое общество? // *Общественные науки и современность*. — 1997. — № 3. — С. 30–37.

[2] Бенина Л.И. Коллективное бессознательное в массовой политической культуре // *Вестник Башкирского университета*. — 2011. — Т. 16. — № 4. — С. 1354–1360.

[3] Нигматуллина Т.А. Политические настроения молодежи: региональный аспект // *Труд и социальные отношения*. — 2013. — № 8. — С. 90–95.

[4] Сулейманов А.Р. Национальная идея как атрибут государственности: политический миф или реальность // *Вестник Башкирского института социальных технологий*. — 2013. — № 5 (21). — С. 115–118.

[5] Фромм Э. *Душа человека*. — М.: Республика, 1992. — 430 с.

[6] Юнг К.Г. *Архетип и символ*. — М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.

УДК 326:316.48

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич,

кандидат политических наук,
заведующий кафедрой трудового права и профсоюзного движения
Башкирского института социальных технологий
ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» (г. Уфа),
докторант ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: suly-artur@rambler.ru

ВЫСОЦКИЙ Андрей Викторович,

кандидат политических наук,
докторант ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
e-mail: federal-region@mail.ru

МЕДИАТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТАРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭЛИТОЛОГИИ: ДИАЛОГ «ВЛАСТИ»

Исследование медиации как политической практики, занимающей определенную нишу в элитарной жизни общества, вполне соответствует потребностям современной политики в осмыслении вопросов, связанных с необходимостью познания механизмов медиативного взаимодействия, позволяющих перейти от конфронтации к кооперации. Настоящая статья призвана очертить лишь общий вектор элитарной проблематики, возможно открыть горизонты для дальнейших научных изысканий в области политической конфликтологии.

Ключевые слова: политическая медиация, элиты, конфликт, федерализм, дискуссия, аргументы, конфронтация, диалог.

В условиях российского федерализма взаимоотношения федеральных и региональных элит в определении приоритетов политического, социально-экономического и культурного развития страны очень велико. Вместе с тем, в исторической ретроспективе элитарные взаимоотношения Федерации и регионов претерпевали серьезнейшие трансформации. Вспоминаются хотя бы события не так давно минувших «девяностых», период ознаменованный в истории современной России как «парад суверенитетов». Действительно тогда было трудное время, когда элиты открыто вступали в конфронтации и противоречия.

Та политическая практика сегодня уже миновала. В своем большинстве сменились по естественным и политическим причинам руководители субъектов Федерации и сегодня центрально-периферийные отношения элит

стали политически более обтекаемы, выверены и имеют некие рычаги политического сдерживания. Но значит ли это, что элитарные конфликты исчерпаны в России. Ответ слишком очевиден, конечно же — нет.

Те политические трансформации, происходящие в стране и ее регионах, как раз свидетельствуют о том, что любые политические решения имеют свои политические последствия: будь то выборность или назначение глав субъектов Федерации, или приведение страны к неким общим территориальным показателям. В связи с чем однозначно должна повышаться и ответственность политических элит в стране. Однако на практике, к сожалению, мы наблюдаем порой совершенно обратный процесс. В связи с чем возникает извечная дилемма управления: демократизация, приводящая к усилению конфликтного потенциала

среди федеральных и региональных элит, или «вертикализация» власти, которая не позволяет достичь эффективного управления огромной страной при помощи «кнопочного давления». Поэтому в действительности эффективные менеджеры зачастую совмещают различные типы управления в зависимости от сложившихся политических реалий.

Как, например, отмечает исследователь И.И. Имгрунт, «в исторической перспективе значение регионов в рамках федерации будет возрастать по мере развития региональной гражданской инициативы и институтов самоуправления» [4] и, следовательно, конфронтация элитарных интересов будет приобретать различный характер: от латентного до открытого и наоборот.

В условиях последних политических процессов в стране стали создаваться и совершенно новые элитарные структуры как на федеральном, так и на региональном уровнях. Например, на федеральной плоскости появился такой феномен, как политический тандем. Очевидно, что возникновение новой формы тандемовласти в Российской Федерации является незапланированным субъективным решением одного человека, а реальной необходимостью в становлении государственности в переходный период. Многовековая история авторитарного начала сформировала особый российский менталитет, когда малейшие разногласия в правящих структурах вызывают страх населения и кризис политической системы [2].

На региональном уровне смещение «политических тяжеловесов» также способствовало институционализации оппозиционных сил в субъектах Федерации, что выражается в элитарной конкуренции действующей и прежней власти.

Исследователь Р.С. Мухаметов, изучая внутриэлитные конфликты на региональном уровне, привел конкретный пример на Свердловской области. «Одной из основных констант политической жизни Свердловской области на протяжении более чем 10 лет было противостояние между губернатором Эдуардом Росселем и мэром Екатеринбурга Аркадием Чернецким. Это были времена хрестоматийного противостояния „города” и „области”. Следует отметить, что конфликт между Э. Рос-

селем и А. Чернецким на начальном этапе имел в большей мере политико-психологический (личностный), чем политико-экономический характер... В основе большинства конфликтов между региональными и городскими властями лежат тесно взаимосвязанные проблемы формирования бюджета (объемы отчислений муниципальных образований в областной бюджет) и управляемости (выстраивание единой исполнительной вертикали власти)... В реальности речь идет о конфликте между губернаторами и главами городов-доноров. Как известно, в России действует механизм перераспределения средств между уровнями власти: вышестоящий уровень концентрирует средства, а затем делит их в иной пропорции между своими территориальными ячейками. Другими словами, средства муниципальных образований с относительно высокими доходами на душу населения (более чем в два раза превышающими средний показатель по тому или иному региону), изымаются в пользу муниципальных образований того же субъекта Федерации с более низкими доходами», — отмечает Р.С. Мухаметов [5]. При этом элитарная конфронтация и конкуренция происходят на фоне усиления или ослабления политического влияния в муниципалитетах, регионах или в Центре.

Вместе с тем, современная политическая элита и процессы рекрутирования власти на местах свидетельствует о том, что при отборе кадров принимается во внимание личная преданность. Профессионализм, знания, умения и опыт либо не учитываются вовсе, либо рассматриваются как «приятный бонус». И такая система складывается повсюду: от самого верха до микроскопических низовых управ и муниципальных советов в маленьких поселках [1].

По нашему мнению элитарная конкуренция — это не только субъективный, но объективный процесс, обусловленный политическими, социально-экономическим и другими интересами представителей тех или иных политических сил. И «дух» этой самой конкуренции является в тоже время и двигателем «политического прогресса», ибо без «спора» не «рождается истина». В тоже время мы считаем, что современные элитарные конфликты закономерны, научно вычисляемы и прогнозируемы.

Данная проблема изучается нами уже не первый год в русле конкретной политологической парадигмы, инструментарием которой выступает политическая медиация в элитарных и этнокультурных сообществах.

Стоит отметить, что принятие Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [6], внесение соответствующих изменений в ряд других нормативных правовых актов и прошедший срок, достаточный для того, чтобы осознать первые результаты функционирования отечественного института медиации.

Значение интеграции института медиации в российскую политическую систему нашло свое отражение в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 22.12.2011, перечне поручений Президента Российской Федерации от 26.12.2011 № Пр-3884 и в перечне поручений Председателя Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 № ВЗ-П13-9278 по реализации основных положений указанного Послания. Однако ряд признаваемых специалистами недостатков Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» — все это подтверждает актуальность фундаментального исследования института политической медиации. И применение ее в урегулировании элитарных конфликтов в России.

По нашему мнению, политическая медиация в элитарном измерении представляет собой форму альтернативного экспертно-политологического разрешения споров и урегулирования конфликтов в элитарных сообществах. Мы убеждены, что элитарные противоречия должны, если так можно выразиться, «сняться» посредством объективного решения проблемы научно-экспертным сообществом. Т.е. в роли медиатора (третьего, незаинтересованного лица) могут выступать независимые ученые в определенной области, в зависимости от объекта элитарных противоречий. Более того, мы считаем, что не только «противоречия» должны разрешаться посредством участия в их урегулировании научно-экспертного сообщества, но и все политические решения

должны основываться на объективном научном анализе.

В большинстве регионов мира в истории мы видим маятниковое развитие внутриэлитных взаимодействий. Периоды оттепели сменяются периодами заморозков, и наоборот. Дело в том, что вертикальный конфликт элит несимметричен. Давление снизу в острой фазе практически всегда носит персонифицированный характер и связано со сменой фокуса. Как может быть разрешена острая фаза, известно: нет человека, нет проблемы. Но даже если бунт заканчивается удачей, новый высший уровень элиты начинает действовать так же, как и тот, кто его сменил. Давление же сверху, если оно носит характер опускания, имеет системный характер и если оно началось, ему мало что можно противопоставить. Поэтому революции всегда ярки и кратковременны, а периоды реакции длительны и серы [3].

Вместе с тем нами предлагается метод политической медиации в урегулировании внутриэлитных конфликтов. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» трактует понятие процедуры медиации следующим образом: «процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения»

По нашему мнению, реализация указанного закона в сфере урегулирования элитарных конфронтаций может привести к повышению эффективности управленческого аппарата, вытеснению «подковерных» способов их урегулирования.

Необходимо отметить, что процедура политической медиации в элитарном измерении способствует:

1. Сохранению нормальных («рабочих») отношений в системе управления. Речь идет о длительных, значимых элитарных отношениях.

2. Преодолению этнокультурных и идеологических противоречий среди элит, на основе научно-экспертного анализа.

3. Выработке общего решения в элитарных сообществах, что позволяет повысить эффек-

тивность и качество управленческой деятельности, и работать как «единое целое».

4. Преодолению формализма в общественно-управленческих отношениях и сохранению возможности вернуться к обсуждению любого вопроса, пока не будет найдено решение, а также продолжить или прекратить медиацию.

5. Заключению медиативного соглашения, которое может выходить за рамки сугубо правовых позиций сторон (при этом, естественно, не нарушая норм международного и российского законодательства), если это соглашение соответствует интересам элит и необходимо для урегулирования их разногласий.

Таким образом, говоря о медиации как об институте «политического равновесия» элит, важно подчеркнуть, что медиативная коммуникация в этой сфере призвана обеспечить согласованное взаимодействие сторон конфликта. Рассматривая медиацию как политическую систему и говоря о взаимодействии элит в ней, следует отметить, что последние всегда принадлежат и к другим системам, имеющим разные интересы. Такая разобщенность во многом способствует тому, что элитарное общение не всегда является медиумом понимания между общающимися. Поэтому критический компонент, который неизбежен во взаимодействии элит, должен стать ключом к пониманию основ сложившейся ситуации как для ее участников, так и для организатора процесса примирения — медиатора. И этот факт должен быть учтен.

В данной работе освещен лишь общий аспект медиации в элитарном измерении, однако полученные результаты говорят о важной

роли исследований в этой области. Так, интерес представляет моделирование элитарного диалога в медиации, анализ стратегий элит и контрэлит, элитарные стратегии медиатора, исследование личности политического медиатора, привлекаемой сторонами конфликта.

Литература

[1] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Институт политических «временщиков» в Российской Федерации: критерии и показатели эффективности // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2012. — № 4 (16). — С. 54–57.

[2] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Политический тандем как инструмент российской модернизации: смена декораций // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2012. — № 1 (13). — С. 9–15.

[3] Гуров П.С., Муромцев Д.В. Технологии разрешения внутриэлитарного и конфликта между элитами и массами // Остров Горн. — 2013. — № 9 [Электронный ресурс]. — URL: // http://contrlist.ucoz.ru/index/tekhnologii_razresheniya_vnutriehlitarnogo_i_konflikta_mezhdu_ehlitami_i_massami/0-499.

[4] Имгрунт И.И. Элитогенез и консолидация региональных и федеральных элит в трансформирующемся российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2013. — № 7.

[5] Мухаметов Р.С. Специфика внутриэлитного конфликта в Свердловской области // Studia Humanitatis. Электронный научно-образовательный журнал. — 2013. — № 2. — URL: <http://st-hum.ru/content/muhametov-rs-specifika-vnutriehlitnogo-konflikta-v-sverdlovskoy-oblasti>.

[6] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. — 2010. — № 32. — Ст. 4162.

УДК 323(575.4)

СОЕГОВ Мурадгелди,

доктор филологических наук, профессор, академик
Академии наук Туркменистана, главный научный сотрудник
Национального института рукописей Академии наук Туркменистана
e-mail: msoyegov@gmail.com

ЭПИЗОДЫ ИЗ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»: ОТ ВОСПОМИНАНИЙ К ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ ПОДТВЕРЖДЕНИЯМ, НАЧИНАЯ С НАДГРОБНЫХ НАДПИСЕЙ

В статье на основе архивных материалов, обнародованных в последние годы в Интернете, раскрываются страницы некоторых, ранее неизвестных документов относительно периода «Большого террора», а именно на примере жизни и деятельности Халмурада Сахатмурадова (1898–1938) — видного туркменского партийного и государственного работника двадцатых и тридцатых годов прошлого столетия освещаются отдельные стороны работы карательных органов и в целом существовавшего режима того периода.

Ключевые слова: партийный и государственный деятель, специальное сообщение безвинная жертва, расстрел, репрессия, реабилитация.

Сайт, созданный Большой Хоральной синагогой Петербурга, позволяет пользователям Интернета найти информацию о более чем 80 тыс. похороненных на Еврейском Преображенском кладбище, а также предоставляет возможность увидеть фото конкретной могилы, получить информацию о месте ее расположения. Примечательно и то, что сайт содержит карту кладбища и подробную карту каждого участка кладбища. Проект осуществлен на средства петербургского бизнесмена Михаила Хидекеля [3], который, без сомнения, был удостоен похвалы со стороны Интернет-пользователей разных стран, прежде всего, стран СНГ.

Наш дальнейший рассказ связан с надписями на надмогильной плите, которая поставлена в участке 3 и занимает место 26 на Еврейском Преображенском кладбище Петербурга. В фотографии отчетливо прочитываются надгробные надписи о трех личностях, захороненных в одном месте: А.М. Левина 1898–1961; Х.М. Сахат Мурадов 1898–1938; Т.Х. Сахат Мурадов 1922–1942. Сравнив фамилии и отчества последних двух можно предположить, что Т.Х. Сахат Мурадов является сыном Х.М. Сахат Мурадова, и двадцатилетний (студент?) Т.Х. Са-

Надгробная плита с надписями

хат Мурадов погиб, защищая блокадный Ленинград в составе народного ополчения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Встает вопрос: кто же тогда А.М. Левина? Точный ответ на этот вопрос находим в документе, озаглавленном «Спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину с приложением копии телеграммы О.Я. Нодева о троцкистской организации в Туркмении» за № 60238 от 19 сентября 1937 г. [4]. Приводим текст документа полностью согласно копии из «Фонда Александра Яковлева»:

«Совершенно секретно»

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

Направляю копию телеграммы № 1644 Народного комиссара внутренних дел Туркменской ССР тов. Нодева.

Народный комиссар внутренних дел СССР
Ежов

МЕМОРАНДУМ № 32673

Ашхабад 18 сентября 1937 г.

В дополнение к докладной № 75398 от 31.VIII доношу, что арестованный редактор Туркменгосиздата Культыев Дангатар показал, что еще в 1919 году, во время отступления англичан и белых, Сахат Мурадов дал установку формально отказаться от борьбы с большевиками, войти в компартию и начать подрывную работу изнутри.

В заговоре участвовали известные Вам Ишан Ходжанов, Рахимбаев, Хаджибаев, Рыскулов, Хаджанов, Сикезбаев, Атабаев.

Руководящая роль Сахата Мурадова во всей последующей к. р. работе в Туркмении, в том числе в блоке с троцкистами, бесспорно доказана показаниями многих арестованных, в том числе Сахатова и Айтакова. Последний признал свое участие в к. р. организации с 1924 г., но от развернутых показаний пока уклоняется.

Прошу ускорить арест Сахата Мурадова и его жены Левиной и вместе с Атабаевым этапировать в Ашхабад.

17.XI–37 г. № 1644

НОДЕВ.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 322. Л. 11–12.

Копия. Машинопись.

На первом листе имеется рукописная пометка: «Т. Ежову. Надо арестовать Сахата Мурадова с женой. И. Сталин».

Можно не сомневаться, что после конкретной резолюции «вождя всех народов» на специальном сообщении Н.И. Ежова «арест Сахата Мурадова и его жены Левиной», которые, как явствует из документа, находились в то время не в Ашхабаде (в Ленинграде?), осуществлялся незамедлительно. Подобные деяния квалифицировались тогда по самым тяжким составам

УК — ст. 58-1а (измена родине), ст. 58-7 (вредительство), ст. 58-11 (участие в контрреволюционной организации). Обвиненные по этим пунктам 58-й статьи подлежали к высшей мере наказания — расстрелу.

Из обнародованных списков политических жертв сталинизма узнаем, что Хал Мурад Сахат Мурадов (по современной орфографии Халмурад Сахатмурадов, 1898–1938) осужден к высшей мере и был расстрелян 28 марта 1938 г. [5]. Тогда ему было неполных 40 лет, ибо по данным некоторых сайтов он родился в июле месяце 1898 года [6]. Трагические парадоксы эпохи сталинизма: нарком НКВД Туркменской О.Я. Нодев, отправивший секретную депешу Н.И. Ежову с обвинением Х. Сахатмурадова, вскоре сам был обвинен в шпионаже и участии в контрреволюционной организации, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 29 августа того же 1938 года, т.е. ровно через пять месяцев после Х. Сахатмурадова.

В докладной записке военного прокурора войск НКВД Туркменского погранокруга Кошарского об итогах следствия по делам «о нарушениях социалистической законности» в органах НКВД Туркменской ССР от 23 сентября 1939 г., поступившей прокурору СССР М.И. Панкратьеву и исполняющему дела главного военного прокурора РККА Гаврилову, в частности отмечалось:

«Наряду с действительными врагами партии и советской власти начали производиться огульные, необоснованные аресты граждан, что при введенной Нодевым [наркомом внутренних дел Туркменской ССР] системе вымогательства и извращений неизбежно должно было привести и привело к крупнейшим ошибкам и преступлениям. Уже в сентябре 1937 г. по установкам Нодева работники аппарата НКВД ТуркССР начали широко применять т.н. „конвейер“ и избиения арестованных. Конвейеру и избиениям подвергались почти все арестованные независимо от наличия их обвинительных материалов и, если в начале эти меры воздействия кое-как „регламентировались“ Нодевым, который в каждом отдельном случае давал разрешение на избиение того или иного арестованного, то позже необходимость применения физических мер воздействия к арестованным определял сам сотрудник, произ-

водивший расследование по делу... Не довольствуясь, по видимому, эффективностью указанных выше мер приемов следствия, Нодев вскорости дал провокационную установку о допросах арестованных „на яме”. Сущность такого рода допросов заключалась в том, что вместе с очередной группой осужденных к расстрелу на место приведения в исполнение приговоров выводился подлежащий допросу обвиняемый, который одним из следователей „допрашивался”, тогда как в это же время на глазах у допрашиваемого расстреливались другие осужденные. Обычно такой допрос сопровождался угрозами расстрела и обещаниями, что в том случае, если арестованный сознается и назовет своих соучастников, ему будет сохранена жизнь... [с ноября 1937 г.] вместо допустимого в отдельных случаях применения принуждения к не сдающемуся на следствии явному врагу, во всех опергруппах начались поголовные избиения и пытки арестованных, независимо от наличия материалов, уличающих их в контрреволюционной деятельности... За время пребывания Монакова в должности наркома внутренних дел [с декабря 1937 г.] массовые аресты невинных людей, незаконные осуждения тройкой граждан, провокации, подлоги, очковничество и обман центра приняли колоссальные размеры... Монаков требовал от сотрудников, ведущих следствие, чтобы они били арестованных так, чтобы было слышно у него в кабинете, и это требование Монакова следователями выполнялось в точности, больше того, крики избиваемых арестованных были слышны не только в кабинете Монакова, но и на улицах и в домах, прилегающих к зданию наркомата. В начале 1938 г. Монаковым и ближайшим соучастником его преступлений, начальником 5-го отдела НКВД ТуркССР Пашковским был введен так называемый „массовый конвейер”. На этом „конвейере” или, как его тогда называли „конференции”, устраивались групповые порки и пытки арестованных. Арестованных заставляли по несколько суток (иногда по 15–20) стоять на ногах или на коленях, заставляли избивать один другого и т.д. Во время массовых порок сотрудники для того, чтобы заглушить крики арестованных, пели хоровые песни» [1].

Основные общедоступные биографические сведения о Халмураде Сахатмурадове на турк-

менском языке впервые были представлены в 8-м томе «Туркменской Советской Энциклопедии» (Ашхабад, 1986, с. 315–316).

Уроженец села Кеши, что под Ашхабадом, Халмурад Сахатмурадов после окончания начальной школы обучался в школе по садоводству в родном селе. В 1914–1917 гг. получил среднее специальное образование, обучаясь в Ташкентском учительском семинарии.

В последующем окончил Среднеазиатский госуниверситет в Ташкенте (Узбекистан), работал его проректором по туркменской части до 1924 года.

Х. Сахатмурадов занимал различные ответственные партийные и государственные должности. Состоял членом Мусульманского бюро РКП(б) в Полторацке (Ашхабаде) и Закаспийского обкома партии. В 1919–1920 гг. заведовал областным отделом народного просвещения, работал редактором областной газеты. С 1920 года — член ЦИК Туркестанской АССР и ответственный работник Наркомпроса автономной республики. В 1921 году его избирают Ответственным секретарем Туркменского обкома КП(б) Туркестана. В том же году он становится членом Ревкома по борьбе с басмачеством в окрестностях Мургаба и секретарем Марыйского райкома партии.

В октябре 1924 г. Х. Сахатмурадов был избран членом Организационного бюро и секретарем ЦК КП(б) Туркменистана, а в 1925–1928 гг. занимал должность Первого секретаря ЦК КП(б)Т [7]. В 1928–1937 гг. состоял членом Среднеазиатского бюро ЦК БКП(б) и работал в различных руководящих должностях в Узбекской ССР и Казахской ССР.

Х. Сахатмурадов — участник многих больших партийных и советских форумов, состоявших в те годы во всесоюзном масштабе. Он был делегатом X, XIV XV съездов, XIV и XV всесоюзной конференций ВКП(б), а также XII Всесоюзного съезда Советов. В своих выступлениях

Х. Сахатмурадов

Туркменские делегаты на XV съезде ВКП(б)
(слева направо): Васильев, Халмурад Сахатмурадов
(в туркменской папахе), Бобков, Чары Веллеков
(Великов) и Карры Кулиев (в папахе), 1927 г.

затрагивал злободневные вопросы того времени. Как явствует из Стенографического ответа, выступая на XIV съезд ВКП(б) 26 декабря 1925 г., в частности, сказал: «Товарищи, из печатного отчета и из доклада тов. Куйбышева видно, какую громадную работу проделали ЦКК и РКИ в области рационализации госучреждений, чистки партии от чуждых элементов, вовлечения рабочих и крестьян в строительство через выдвижение и т. д., но эта работа, этот опыт еще местами не совсем усвоен. Поэтому ЦКК и РКИ в будущем необходимо учесть, чтобы этот громадный опыт, накопленный хотя бы за короткое время здесь в центре, был перенесен на места» [6].

Занимая высокий пост в партийном руководстве Туркменистана, «Сахатмурадов постоянно курировал печать на туркменском языке, ЦСУ, работу, связанную с подготовкой истории местной компартии, орграспредотдел, женотдел, рабоче-дайханскую инспекцию, союз „Кошчи“ (аналог комитетов бедноты в РСФСР), здравоохранение и социальное обеспечение» [8]. И не случайно «печать на туркменском языке» стоит на первом месте, ибо Х. Сахатмурадов имел немалый практический опыт в этом направлении.

В 1918 году Халмурад Сахатмурадов, будучи еще 20-летним парнем (в том возрасте, когда в 1942 году погиб его сын в блокадном Ленинграде), выступал на страницах газеты «Дангйылдызы» («Утренняя звезда») — органа Первого Туркменского правительства («Мусуль-

манской Комитет Закаспийской области»). Так, в номере данной газеты от 10 сентября 1918 г. было напечатано его стихотворение под названием «Туркмен гызына» («Туркменской девушке») [2]. Правда, газета просуществовала всего три месяца. Через два года после этого, в начале 1920 г., Х. Сахатмурадов возобновил выпуск газеты «Дангйылдызы» на новой идейной основе (орган Мусульманского бюро РКП(б) в Закаспийской области), которая под его редакцией издавалась практически до появления в том же году новой, издающейся по настоящее время газеты под названием «Туркменистан».

Усилиями члена ЦИК Туркестанской АССР Х. Сахатмурадова 17 апреля 1922 г. в Ташкенте была учреждена Туркменская научная комиссия, которая наряду с другими вопросами занималась изданием первого журнала на туркменском языке под названием «Туркмен или» («Туркменская страна»). Первый номер журнала вышел в конце мая 1922 г., в котором наряду с другими материалами было опубликовано стихотворение «Мекдеп» («Школа») Х. Сахатмурадова. На его страницах, который выпускался до 1924 г., выступали со своими статьями первые туркменские филологии XX века Мухаммед Гельдыев, Аллакули Караханов и другие, ставшие в 30-е годы безвинными жертвами существовавшего тогда режима.

Литература

- [1] История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. — М., РОССПЭН, 2004. — С. 342–344.
- [2] Соегова А. О стихотворении «Туркменская девушка», опубликованном в 1918 году в газете «Утренняя звезда» // Наука и техника в Туркменистане. — 2009. — № 1. — С. 8–11 (на туркм. яз.).
- [3] URL: http://jekl.ru/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1 (08.07.2014).
- [4] URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61191> (08.07.2014).
- [5] URL: www.yasni.ru/мурад+атабаев/informatsiya+cheloveke (10.07.2014).
- [6] URL: <http://archive.today/EdICp#selection-10967.0-10969.0> (10.07.2014).
- [7] URL: http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%82...D1%82._1925.djvu/614 (08.07.2014).
- [8] URL: <http://turkmeny.h1.ru/analyt/a4.html> (10.07.2014).

УДК 323.1

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,

кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных
и экономических дисциплин Уфимского филиала ФГБОУ ВПО
«Московская государственная академия водного транспорта»
e-mail: suleymanov1957@mail.ru

КАШАПОВ Урал Абубакирович,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель секции «Физическая культура
и безопасность жизнедеятельности» ФГБОУ ВПО «Уфимская
государственная академия искусств им. Загира Исмагилова»
e-mail: ural.kashapov.2014@mail.ru

АБДРАФИКОВА Лариса Вячеславовна,

учитель истории и обществознания
высшей категории МБОУ СОШ № 27 Городского округа г. Уфа
e-mail: abdralarissa@gmail.com

ВОЖДИЗМ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ИДЕОЛОГИИ ФАШИЗМА (ЧАСТЬ I)

В данной работе авторы рассматривают феномен вождизма как ключевой элемент идеологии фашизма, а также природу и суть «вождистского государства» и систему социальных отношений «вождь — нация — народные массы» и их социально-психологические особенности.

Ключевые слова: идеология, тоталитаризм, фашизм, национал-социализм, партия, вождь, фюрер, государство, иррационализм, психоструктура, деформация, массовое и индивидуальное сознание.

«Внутренняя сущность национал-социалистического народного государства заключается в том, что это «вождистское государство». Идея вождизма пронизывает это государство насквозь — это на случайность, а внутренняя необходимость. Это выражается в законодательстве, прежде всего, в отходе от парламентаризма, в упоре на авторитет и личную ответственность.

Смысл идеи вождизма в том, что народ не является просто объектом действий государства, а сам играет активную роль, так как вождь и его последователи неразрывно связаны друг с другом и действуют вместе. Но решения должен принимать один человек, в руках которого сосредоточена большая власть и который берет на себя всю ответственность».

И. Вайдеман

«Фюрер» может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких групп...

Фашизм — это не чисто реакционное движение, он представляет собой сплав мятежных эмоций и реакционных социальных идей».

В. Райх

Обращение к данной теме обусловлено тем, что в настоящее время возникают и действуют политические организации и движения с ярко выраженной фашистской окраской, где в обязательном порядке в качестве объединительной идеи является национализм. Происходит своеобразный ренессанс фашизма (в виде действующих неонацистских партий в более чем 60 странах мира) и это находит яркое выражение в Украине и бывших прибалтийских республиках СССР, а ныне независимых государствах, где реабилитируются бывшие военные преступники, сотрудничавшие с нацистами в годы Великой Отечественной войны. И происходит не только их реабилитация, они становятся национальными героями, пострадавшими от Советов. Яркий тому пример Р. Шухевич и С. Бандера в Украине. Появляются объединения подобные УНА-УНСО, как, например, политическая партия «Свобода» (возглавляет ее некто Тягнибок, который является депутатом Украинской Рады), где представлена радикальная часть украинского национализма, полувоенные и военные формирования, для поддержки соответствующих политических сил и возглавляемых Ярошем («Правый сектор»), который уже объявлен в международный розыск. Неонацизм (неонацизм) стал реальностью и проявляется прежде всего в форме русофобии. Появившись на политическом поле, политические силы профашистского толка в обязательном порядке обретут и своего политического вождя национального масштаба.

В данной работе авторы ставят себе цель рассмотреть вождизм как неотъемлемый элемент идеологии фашизма, и она будет достигнута при исследовании феномена «фюрера» в нацистской Германии. Прежде всего, необходимо отметить, что фашизм как идеология находит свое отражение в соответствующей системе ценностей и социальных норм. Данная идеология была важнейшей составляющей тоталитарного политического режима, который в свою очередь «отличается шестью главными чертами, причем все они должны присутствовать, чтобы использование понятия было обоснованным» [8, с. 311]. И таковыми являются следующие:

«1. Официальная идеология, представленная официальной доктриной, которая охваты-

вает все жизненные аспекты человеческого существования и к которой предположительно примыкают, по меньшей мере, пассивно, все, кто живет в данном обществе; эта идеология направлена на достижение извечных целей, например, на создание «совершенного общества, последнего общества человеческого рода.

2. Одна массивная партия, включающая сравнительно небольшое число всего населения (не более 10%), мужчин и женщин, страстно и безоговорочно преданных данной идеологии и стремящихся всемерно содействовать ее всеобщему принятию. Такая партия организуется на строго иерархической и олигархической основе. Обычно у нее только один вождь. Он либо возвышается над правящей бюрократической организацией, либо сливается с ней.

3. Технически обусловленная, почти монополюсная власть над всеми эффективными средствами вооруженной борьбы. Эта монополия находится в руках партии и ее руководящих кадров, т. е. в руках бюрократии или вооруженных сил.

4. Технически обусловленная, почти монополюсная власть над эффективными средствами коммуникации. Она также находится в руках партии.

5. Почти монополия на средства производства и экономику в целом, подчиняющуюся централизованному планированию.

6. Система террористической полицейской власти, опирающаяся на монополию на насилие и средства коммуникации, которая не только направлена против «врагов» режима, но также и против произвольно выбранных категорий населения; такой произвольный отбор есть требование выживания режима» [8, с. 311–312.].

Рассматривая роль и значение вождя (фюрера) в идеологии немецкого фашизма, который, как известно, был представлен немецким национал-социализмом, необходимо указать, что он являлся основным его элементом. И на это обстоятельство очень точно указывает известный немецкий философ и психолог В. Райх в своей фундаментальной работе «Психология масс и фашизм». Он писал: «Если когда-нибудь в будущем динамика социальных процес-

сов позволит реакционному историку поразмыслить о прошлом Германии, он, несомненно, увидит в успехе Гитлера в период с 1928–1933 год доказательство того, что великий человек творит историю в той мере, в какой он «зажигает» массы «своей идеей». Действительно, национал-социалистическая пропаганда создавалась на основе «фюрерской идеологии» [10, с. 79].

В настоящее время в специальной справочной литературе дается следующее определение фашизма: «Фашизм (от лат. *fascio*, ит. *fascimo* — пучок, связка, объединение). Правозэкстремистское политическое движение, возникшее в обстановке революционных процессов, охвативших страны Западной Европы после первой мировой войны и победы революции в России. Родиной фашизма являются Италия и Германия, где возникли первые фашистские организации и партии. [9, с. 381]. Надо сказать, что одно из первых определений фашизма было дано в докладе Г. Димитрова на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, и он был охарактеризован как «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [цит. по 5, с. 3].

В 60-е годы XX века давалось уже следующее определение: фашизм это «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных и агрессивных империалистов. Фашизм поддерживается и субсидируется монополистическим капиталом; стремится сохранить капиталистический строй, полностью искореняет демократические права и свободы внутри страны и проводит шовинистическую внешнюю политику. Фашизм создает и ставит себе на службу банды убийц, формируемые из деклассированных элементов и наиболее отсталых слоев мелкой буржуазии (чернорубашечников — в Италии, эсесовцев, штурмовиков — в Германии)». [7, с. 605]. Сегодня существует достаточно значительное количество определений фашизма, и это обусловлено тем, что это явление достаточно сложно и многогранно, а также тем, что ученые исходя из своих профессиональных особенностей (будь то историки, социологи, политологи, психологи, юристы и т. д.) изучают фашизм как социальное явление

и, конечно же, дается соответствующая его трактовка.

Для фашизма как социального явления и идеологии характерным является:

- воинственный антидемократизм и антимарксизм;
- расизм и шовинизм, доведенные до истерии;
- возвеличивание тоталитарного государства, несущего ответственность, как в физическом, так и в духовном смысле за индивидуальные судьбы и беспощадно пресекающего какое-либо посягательство на единство нации;
- концепция нации как высшей и вечной реальности. Основанной на общности крови. Отсюда вытекала задача сохранения чистоты крови и расы;
- основу экономической и социальной системы обеспечивает контролируемый государством монополистический капитал;
- политическое господство авторитарной партии, обеспечивающей всеобщий контроль над личностью и всем обществом;
- возглавляет авторитарную политическую партию вождь [9, с. 382].

Американский политолог А. Грегор считает, что все концепции фашизма можно свести к следующим шести интерпретациям:

- 1) фашизм как продукт «морального кризиса»;
- 2) фашизм как вторжение в историю «аморфных масс»;
- 3) фашизм как продукт психологических расстройств;
- 4) фашизм как следствие классовой борьбы;
- 5) фашизм как функция особой стадии экономического развития;
- 6) фашизм как тоталитаризм [19, 11].

Великий итальянский писатель Умберто Эко составил список из 14 типичных характеристик «вечного фашизма» (как он назвал урфашизма). Им отмечается, что если в обществе наблюдается 6–7 признаков из этого списка, то оно близко к наступлению фашизма (далее все покатится как снежный ком).

Вот эти признаки:

- 1) Первой характеристикой фашизма является *культ традиции*. И него вытекает, что *нет места развитию знания*. Истина провозглашена раз и навсегда. Достаточно посмотреть

«обоймы» любых фашистских культур: в них входят только мыслители-традиционалисты. Немецко-фашистский гносиз питался из традиционалистских, синкретизированных, оккультных источников.

2) Традиционализм неизбежно ведет к *неприятию модернизма*. В глубине идеологии нацизма главенствовали теория *Blut und Boden* — «Крови и почвы». Отрицание современного мира проводится под знаком отрицания современных политических реалий. Поэтому ур-фашизм может быть определен как *иррационализм*.

3) Иррационализм крепко связан с культом *действия ради действия*. Думание — не мужественное дело. Культура видится с подозрением, будучи потенциальной носительницей критического отношения. Тут всё: и высказывание Геббельса «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет», и милые общие места насчет интеллектуальных размазней, яйцеголовых интеллигентов, радикал-снобизма и университетов — *рассадников коммунистической заразы*. *Подозрительность по отношению к интеллектуальному миру* всегда сигнализирует присутствие ур-фашизма. Официальные фашистские мыслители в основном занимались тем, что обвиняли современную им культуру и либеральную интеллигенцию в отходе от вечных ценностей.

4) Никакая форма синкретизма не может вынести критики. Критический подход оперирует дистинкциями (определениями), дистинкции же являются атрибутом современности. В современном обществе научное сообщество уважает несогласие, как основу развития науки. В глазах ур-фашизма *несогласие есть предательство*.

5) Несогласие — это еще и знак *инаковости*. Неприятие инаковости приводит к *ксенофобии и расизму*.

6) Ур-фашизм рождается из индивидуальной или социальной фрустрации, которая предполагает возникновение ситуации, которая воспринимается субъектом или социальной группой как угроза удовлетворению той или иной его потребности. Она проявляется в ряде эмоциональных процессов, таких как разочарование, тревога, раздражение и даже отчаяние. Как и разочарование, возникает при

отсутствии некоего ожидаемого и желанного результата, однако в состоянии фрустрации люди всё еще продолжают борьбу за получение желаемого, даже если не знают точно, что нужно сделать для достижения успеха. Поэтому все исторические фашизмы опирались на *фрустрированные средние классы*, пострадавшие от какого-либо экономического либо политического кризиса и испытывающие страх перед угрозой со стороны раздраженных низов.

7) Тем, кто вообще социально обездолен, ур-фашизм говорит, что единственным залогом их привилегий является факт рождения в определенной стране. Так выковывается *национализм*, замешанный на ксенофобии и *одержимости идеей заговора*, по возможности международного.

8) *Образ врага как чересчур сильного и в то же время чересчур слабого* (по этой причине фашизмы обречены всегда проигрывать войны, они не в состоянии объективно оценивать боеспособность противника).

9) Для ур-фашизма нет борьбы за жизнь, а есть жизнь ради борьбы. Поэтому неотъемлемым признаком фашизма является *неприятие пацифизма*, который означает в его понимании братание с врагом. Пацифизм предосудителен, поскольку жизнь есть вечная борьба.

10) Ур-фашизм исповедует *популистский элитаризм*. Рядовые граждане составляют собой наилучший народ на свете. Партия составляется из наилучших рядовых граждан. Рядовой гражданин может (либо обязан) сделаться членом партии. Однако не может быть патрициев без плебеев. Вождь, который знает, что получил власть не через делегирование, а захватил силой, понимает также, что сила его основывается на слабости масс, и эта масса слаба настолько, чтобы нуждаться в Погонщике и заслуживать его. Поэтому в таких обществах, организованных иерархически (по милитаристской модели), каждый отдельный вождь презирует, с одной стороны, вышестоящих, а с другой — подчиненных. Тем самым укрепляется *массовый элитаризм*.

11) В идеологии фашизма *героизм* — это норма. Культ героизма непосредственно связан с *культом смерти*. Герой ур-фашизма алчет смерти, предуказанной ему в качестве наилучшей компенсации за героическую жизнь.

12) Культ мужественности (то есть пренебрежение к женщине и беспощадное преследование любых неконформистских сексуальных привычек: от целомудрия до гомосексуализма).

13) *Антидемократизм и антипарламентаризм*. Всякий раз, когда политик ставит под вопрос легитимность парламента, поскольку тот якобы уже не отражает «суждение народа», явственно проскальзывает фашизм.

14) *Ур-фашизм говорит на новоязе*. И нацистские, и фашистские учебники отличались бедной лексикой и примитивным синтаксисом, желая максимально ограничить для школьника набор инструментов сложного критического мышления [20].

Мы сосредоточим свое внимание на социально-философских и социально-психологических аспектах вождизма, как неотъемлемом компоненте идеологии фашизма, который, как известно, использовал в своих целях деформации психологических характеристик личности. В данной работе мы обращаемся к немецкой модели фашизма. Для него как идеологической системы одной из важнейших составляющих, как было уже указано выше, является национализм, который представляет собой по достаточно меткому и точному определению В.С. Соловьева «знамя дурных народных страстей» [цит. по 6, с. 67].

Национализм находит свое выражение «в следовании ряду аксиом, важнейшими из которых являются: приоритет национальных (этнических) ценностей перед личными; приоритет (хотя бы в каких-то отношениях) своей национальной культуры перед другими (особенно такими, которые можно объявить «денационализированными», космополизированными» и т.п.); приоритет государственности перед другими формами социальной самоорганизации этноса; приоритет национального прошлого (отчасти мифологизированного) и чаемого национального будущего перед настоящим, рассматриваемым в рамках идеологии национализма как «вывих» истории; приоритет «народной» жизни и культурной самобытности перед жизненными установками «бездуховной» и «безкорневой» интеллектуальной элиты [6, с. 67].

«Прежде всего для „тоталитарных режимов” характерны особого рода идеологии, т.е. ком-

плексы идей, обосновывающие (легитимирующие) право этих режимов на существование. Сами эти идеологии „тоталитарны”, т.к. претендуют на охват всех, без исключения, сфер общественной и частной жизни, а также на то, что они являются полным воплощением истины и поэтому общеобязательны» [6, с. 67].

Национализм, будучи одной из форм тоталитарной идеологии также предполагает и наличие политической организации — политической партии, которая придерживается и руководствуется основными ее положениями, и, конечно же, стремится монополизировать власть. И, как результат политической борьбы, «власть оказывается в руках одной партии, а сама партия — под властью одного лидера («вождя», «фюрера», «дуче») [6, с. 370].

Следовательно, эта идеология в обязательном порядке обосновывает притязание партии и ее вождя на легитимное насилие для реализации основных ее положений.

Говоря о легитимности той или иной политической силы, политического деятеля нельзя не обратиться к работе М. Вебера «Политика как призвание и профессия». Он различает три основания легитимности: она может быть традиционной, харизматической, бюрократической. Он пишет: «В принципе имеется три вида внутренних оправданий, т.е. оснований, легитимности (начнем с них). Во-первых, это авторитет „вечно вчерашнего”: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычкой ориентаций на их соблюдение, — традиционное господство, как его осуществляли патриарх и патримониальных князь старого типа.

Далее, авторитет внеобыденного личного дара (*Gnadengabe*) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-либо человека: откровений, героизма и других — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или, избранный всеобщим голосованием, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу „легальности”, в силу веры и обязательность легального установления (*Satzung*) и деловой „компетентности”, основанной рационально-созданными правилами, т.е. ориентаций на подчинение при выпол-

нении установленных правил, — господство в том виде, в каком его осуществляет современный „государственный служащий” и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении» [1, с. 12–13].

В нашем случае «нас интересует, прежде всего, второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной харизме вождя, ибо здесь коренится мысль о призвании (*Beruf*) в „его высшем выражении”» [1, с. 13].

«Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с одной стороны, мага и пророка, с другой — избранного князя военачальника, главы банды, кондотьера — вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является политический вождизм сначала в образе свободного „демагога”; осуществляющего на почве города-государства, характерного только для Запада, и прежде всего для средиземноморской культуры, а затем в образе парламентского „партийного вождя”, выросшего на почве конституционального государства, укорененного тоже лишь на Западе» [1, с. 13].

Как известно, идеология немецкого фашизма нашла свое отражение в идеологии нацистской партии, которая стала именоваться с 1 апреля 1920 г. национал-социалистической партией Германии. А у истоков этой партии были следующие деятели. «Недалекий слесарь Дрекслер заложил основы движения, пьяный поэт Экарт развил определенные „духовные ценности”, чудаковатый экономист Федер сформулировал то, что считалось идеологией, гомосексуалист Рем обеспечил движению поддержку военных и ветеранов войны» [18, с. 63]. И отличительной организационной чертой появившейся политической партии был «принцип вождизма», который с июля 1921 г. «вначале узаконен в нацистской партии, а затем и в третьем рейхе. На германской сцене появился „фюрер”» [18, с. 70].

С установлением данного принципа происходит в первую очередь изменение властных

отношений в политической партии (национал-социалистической).

Вождизм как форма и принцип организации власти есть: «тип властных отношений, основанный на личной преданности персоне, обладающей верховной властью» [9, с. 49].

Вождизм находит свое воплощение и «место в идеализированных, жестко централизованных обществах и существует в виде иерархии учреждений власти корпоративного характера» [9, с. 49]. Определяющей его чертой являются «иррациональные моменты восприятия политических отношений носителями обыденного сознания (использование этнокультурных стереотипов» [9, с. 49].

Власть вождя всегда основывается, как правило, на «личном господстве (влиянии) военного или религиозного предводителя; характеризуется развитой широкоохватывающей системой неюридических регулятивов и устойчивой закреплённостью социальных ролей» [9, с. 49].

Вождь, как правило, в первую очередь, сочетает в себе некие особые психологические качества, позволяющие использовать их для целенаправленного воздействия на отдельного человека, социальную группу [13]. Для вождя было характерным причастность к сакральному знанию и владению им. Так немцы считали, что вождь, это, прежде всего, лицо, причастное к религии. Так, по одной из версий понятие вождь — это, прежде всего, «шаман, переправляющий души соплеменников в светлое завтра на невидимом ковчеге власти. В этом его единственное и прямое предназначение» [16, с. 53].

В Германии вождь получает название «фюрер» (*Führer*), которое довольно часто воспринимается как некое воинское звание. Считаю должным обратить внимание на то обстоятельство, что до начала XX в. такового не существовало. В «прежние времена среди воинских званий почти отсутствовало слово „Führer”. С другой стороны, оно употреблялось в сочетании типа „водитель локомотива”. В XVI–XVIII вв. „фюрерами” называлось промежуточное звено между офицерами и солдатами» [16, с. 68].

В политический лексикон данный термин ввел Фридрих Людвиг Ян в 1814 году и пони-

мал «под ним персону единого творца народной судьбы и внепарламентского диктатора» [16, с. 133]. Именно Ф.Л. Ян философски обосновывает идею того, что «народ должен почитать вождя как спасителя и доверяться ему» [16, с. 13]. «На психологическом уровне принцип лидерства формировался вокруг фигуры главного вождя (*der fuehrer*), который делегировал полномочия вождям более низких ступеней иерархии с вручением персональных мандатов» [16, с. 17].

В свою очередь верховный фюрер «наделяет всех других фюреров определенными полномочиями в строго иерархическом порядке. Каждый из фюреров безоговорочно подчиняется своему непосредственному начальнику, но при этом, по сути, имеет неограниченную власть над своими подчиненными». Авторитет вождя, таким образом, зиждется не на осознанном доверии, и связь вождя с массами носит скорее мистический, личностный характер» [3, с. 42].

Вождь, как было уже сказано ранее, рассматривалась как личность, причастная к сакральному знанию и владеющая им, и через это происходило «своего рода сакрализация власти через всеохватывающие прямые и обратные связи, органично скрепляющие все новое немецкое общество от правительства до рядовых граждан» [16, с. 17].

Говоря о государственном аппарате Третьего рейха, необходимо сравнить его с иерархической пирамидой, которая «состояла из главного вождя, многочисленных вождей разных уровней соподчинения, партийной элиты и инициированных масс немецкого народа, включающих инициированные массы покоренных народов. За основу устройства была взята организационная структура Ордена Ассасинов — религиозной секты, возникшей в Персии в 1090 году» [16, с. 17].

Система вождизма предполагала, что существует некая система расовых критериев, по которым собственно и осуществлялся отбор вождей всех уровней для нужд нового Рейха. Систематическая структура качеств для отбора была оформлена следующим образом:

1. Позитивная воля. На политическом жаргоне национал-социализма это было ключевым понятием и означало способность к во-

левому ответу на приказание вышестоящего прирожденного вождя. Этот принцип «активного послушания» нашел свое воплощение как основная модель психофизиологии вождизма во всем национал-социалистическом движении.

2. Решительность. Под ним в данном случае понималась динамическая способность к достижению цели в совокупности с творческими подходами. Натиск и творчество — вот что такое вождь.

3. Оперативное мышление. Под ним понималось, что умственные способности неразрывно связаны с полным комплексом психофизиологических характеристик всего организма в целом.

4. Умственная эластичность. Это умение выживать наиболее подходящим способом в любой ситуации во имя достижения главной цели.

5. Математическое мышление. Это способность также рассматривалась как одна из неотъемлемых частей психологического портрета вождя нового типа.

6. Характер. В его основе особенно оценивались «честность», «прямота», «идеализм» в совокупности со способностью к самокритике, ибо эти характеристики также отличает настоящего лидера [16, с. 42–44].

Применительно к личности Гитлера необходимо отметить еще одну существенную черту, делающего вождя вождем, которую отметил автор непревзойденной до сегодняшнего дня биографии фюрера И. Фест: «Своеобразное величие Гитлера самым существенным образом связано с его эксцессивным характером — это был чудовищный, крушивший все существующие масштабы *выброс энергии* (курсив авт.)... В извержении, вызванном им, проявляется почти в каждой стадии, вплоть до недель краха, его направляющая воля» [15, с. 30].

Литература

[1] Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. — М.: Мысль, 1997.

[2] *Годинг М.* Знаки и символы. Полный путеводитель по миру символов / пер. с англ. *Н.Г. Пшеницин.* — М.: Кладезь-БУКС, 2011.

[3] *Мазуров И.* Фашизм как форма тоталитаризма // *Общественные науки и современность.* — 1993. — № 5.

- [4] Мельников Д., Черная Л. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Новости, 1991.
- [5] Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. — М., 1989.
- [6] 50/50. Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. — М.: Прогресс, 1989.
- [7] Политический словарь / под ред. проф. Б.Н. Пономарева. 2-е изд. — М.: Государственное изд-во полит. лит-ры, 1958.
- [8] Политическая социология / пер. с фр.; предисл. А.Б. Гофмана. — М.: Весь мир, ИНФРА-М, 2001.
- [9] Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. — М.: Изд-во Московского коммерческого ун-та, 1993.
- [10] Райх В. Психология масс и фашизм. — М.: АСТ, 2004.
- [11] Рахшмир П.Ю. Новейшие концепции фашизма в буржуазной историографии Запада. — М., 1979.
- [12] Сорокин П.А. Социология революции. — М.: Астрель, 2008.
- [13] Сулейманов Т.Ф., Кашапов У.А. Диалектика взаимоотношений религии и политики // Вестник Уфимского юридического института МВД РФ. — 2011. — № 4.
- [14] Уткин А.И. Подъем и падение Запада. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — С. 133.
- [15] Фест И. Гитлер: Биография. Т. 1 / пер. с нем. А. Федорова. — Пермь: Алетейя, 1993.
- [16] Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению / под ред. В.Б. Авдеева; пер. с нем. А.М. Иванова. — М.: Белые альвы, 2006. (Серия «Библиотека расовой мысли».)
- [17] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. (Золотой фонд мировой классики. Философия. Психология. История.)
- [18] Ширер У. Взлет и падение третьего рейха: В 2 т. / пер. с англ.; с предисл. и под ред. О.Р. Ржевского. — Т. I. — М.: Воениздат, 1991.
- [19] Gregor A.J. The fascist persuasion in radical politics. — N.Y., 1976.
- [20] URL: <http://ttolk.ru/?p=2057>

УДК 327.5

АМИНОВ Ильдар Ринатович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственного права
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: aminov76@mail.ru

СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Современная политическая наука уделяет пристальное научное внимание этнополитическим конфликтам и способам их разрешения и урегулирования. При этом определенных результатов в изучении этнополитических конфликтов позволяет достичь использование структурно-функционального метода, который, по нашему мнению, постепенно изживает себя в западной политической теории ввиду очевидного недостатка универсальности в постоянно меняющихся политических процессах.

Ключевые слова: политология, этнополитический конфликт, структурно-функциональный метод, трансформация, культура,

Проблема поиска оптимальных способов разрешения этнополитических конфликтов в российской политологии, в числе прочего, сводится к тому, что отечественная наука в недостаточной степени уделяет внимание конструированию трансформационных особенностей и факторов этнополитической нестабильности и конфликтности [2, 4]. Это объясняется тем, что для структурно-функционального метода трансформационная специфика дискурса второстепенна.

Исследователь Б.В. Кабылинский по этому поводу отмечает следующее: «Предполагается, что заранее выверенная под конкретные условия технология разрешения конфликтов а priori дает нужный результат. Соответственно, знание о среде мотивирует субъекта на следование определенной линии поведения в конфликте» [5]. И с этим, действительно, трудно не согласиться.

Таким образом российские ученые практически не используют потенциал понятия «трансформация», ограничиваясь интерпретацией этого феномена в качестве объективирующих изменений. В этой связи особенно актуальными представляются исследования, акцентирующие внимание на проблеме поиска

не только политических, но и трансформационных оснований этнополитических конфликтов.

Трансформация как этап переходности этнополитического конфликта определяется следующими параметрами: этносистема, культура/контркультура и промежуточность.

Этносистема — это единый живой организм, совокупность коренных этносов, имеющих свою микро- и макрородину, но тесно взаимодействующих между собой и образующих бесконфликтную этническую иерархию, основанную на разной этновалентности составляющих ее элементов. Живой многоаспектный организм, который в силу своих свойств не может развиваться линейно [10].

Развиваясь, любая этносистема наполняется культурными и контркультурными элементами, которые так или иначе приживаются в общей этнической системе. Контркультура — это, прежде всего, отрицание устаревших, по мнению этнических контрэлит, способов, приемов и правил снятия конфликтного напряжения. Этот протест происходит как будто незримо, однако в реальности проявления антагонизма подобного рода весьма ощутимы и проявляются в виде так называемого столкновения культур, от локального до мирового масштаба,

когда субъект решает, что предпочтительнее — традиционный или инновационный инструментарий конфликто разрешения.

Промежуточность позволяет фиксировать и уточнять развитие конкретной этносистемы на различных этапах истории. Промежуточность обусловлена всем ходом исторического развития этнических общностей и конфликтных ситуаций между ними. Действительно, этносистемы в результате исторического развития меняют свои структурные, функциональные и идентификационные свойства, но при этом переход не является завершенным.

Современное развитие этносистем совпадают с историческими границами информационной эпохи. В этот исторический период субъекты этнополитических конфликтов действуют максимально рационально и точно. Одновременно происходит информатизация политических, экономических и социальных отношений, мотивирующая стойкую привязанность отдельного индивида к этническим общностям. При этом перспективы модификации способов принятия управленческих решений, например, перераспределение функций, ранее закрепленных за государством, в пользу неформальных институтов, осуществляется только в случае, когда это выгодно с экономической точки зрения.

Способ восприятия политической действительности в информационную эпоху преимущественно технологичен. В той или иной степени это относится к любому проявлению этнополитической конфликтности.

Субъект, оценивая этнополитический конфликт по его результату как конструктивный, либо деструктивный, изначально пребывает в определенной настроенности или расположении. Это расположение специфично и сводится к рациональному сотрудничеству или жажде приращения капитала. В результате конфликтное расположение в современной этносистеме фиксируется в виде знания о двух парадигмах — теории порядка и теории хаоса.

Наивысшая ценность для технологичного понимания — это системность. В зависимости от своего места в политической структуре субъект претендует на оптимальную для себя функциональность. Таким образом, информационность и технологичность понимания в со-

временной этносистеме конституирует культурную среду, в которой максимальная мотивация на конфликт проявляется в борьбе за системное переустройство, а конфликты за право реализации функциональных обязанностей заведомо характеризуются меньшей остротой и напряженностью.

Конфликтное падение в эпоху, к которой относится современная этносистема, подразумевает возможность разрешить конфликтное столкновение в большей степени не своим непосредственным участием, а посредством делегирования этих обязанностей государству.

Примером развития этносистем в информационную эпоху служит период, названный в России «Парадом суверенитетов».

Как, например, отмечает исследователь А.Р. Сулейманов, «действительно 90-гг. XX столетия были связаны с ростом этнического сознания и самосознания жителей полиэтнических субъектов Российской Федерации. Воспользовавшись Ельцинской свободой и необъятным стремлением к суверенитету, регионы стали строить собственные государственные образования внутри страны, угрожая целостности России. И кто знает, чтобы стало с Российской Федерацией, если бы центробежные тенденции (если так можно выразиться) не были уравновешены Путиными централистскими реформами. Для нас очевидно, что особый вклад в укреплении национальной безопасности России сыграла именно политика В.В. Путина по построению „вертикали власти“: укрупнение субъектов Федерации, создание федеральных округов и полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, изменение порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания России. И тогда все эти меры были вполне оправданы и принесли позитивный результат в укреплении национальной безопасности страны» [7].

Действительно в своем развитии этнополитические конфликты проходят несколько этапов формирования: различие, поляризация, столкновение, антагонизм [1]. Формы противоречий тоже дифференцированы — основные и неосновные, внутренние и внешние, по-разному влияют на развитие системы, в том числе и этносистем.

Однако на практике трансформации этно-систем в целом и его отдельных элементов в частности осуществляются далеко не всегда планомерно и стратегически продуманно, как правило, являясь реакцией (чаще всего запоздалой) на вновь возникшие внутренние или внешние вызовы, представляя собой меры оперативной политики, а то и вовсе воплощение субъективных волей политических этноэлит и отдельных лидеров. Понятно, что вопросы оптимальности таких преобразований для сохранения устойчивости этносистем в текущий момент и в обозримой перспективе либо не поднимаются вовсе, либо оказываются на периферии политического дискурса [3].

Очевидно, что на сегодняшний день в этносистеме складываются серьезные пробелы и в этой связи взаимосвязь между феноменом конфликта и культуры весьма затруднительно установить, хотя некоторые аспекты не вызывают сомнений. Вполне обоснованно, например, полагать, что постоянно трансформирующиеся этносистемы проявляют себя через новые способы политического взаимодействия, борьбу за статусную декларацию, изоляционизм и иные нормы качественно иного типа.

Прежде всего, необходимо отметить, что исчезает бинария и полисубъектность. В постинформационных реалиях невозможно определить количественную составляющую применительно к этнополитическому конфликту. Количество в данном случае упраздняется, точнее, оно постоянно меняется в зависимости от того, сколько участников вступает в диалог.

Расположение или настроенность перестает быть линейным и уже не придерживается четких, относительно постоянных установок. Здесь речь идет о том, что постоянно меняющаяся настроенность субъекта этнополитического конфликта не может быть зафиксирована наукой как объект, которому присущи первичные и производные настроения.

Сущность этнополитического конфликта проявляет себя наиболее традиционным образом в постинформационных реалиях через такой общеуниверсальный ориентир, как понимание и полагание. Основная идея о борьбе за власть сохраняет свое значение со времен современной этносистемы. В этом плане в культурном дискурсе изменяется только

форма этнополитического конфликта, но не содержание. Вторичная, производная этнополитическая конфликтность по сути становится борьбой за право декларировать статусные функции.

Конфликтное падение в постинформационной этносистеме сводится к возможности развиваться в асимметричном/симметричном культурном дискурсе. В результате декларируемое равенство возможностей свободных субъектов на деле становится практически иллюзорным, так как симметрия в этнополитическом конфликтном дискурсе практически не встречается.

По нашему мнению, следует выделить следующие трансформационные технологии урегулирования этнополитических конфликтов:

1. Провокация и искусственное усиление. Суть данной технологии сводится в снятии конфликтного расположения, точнее, его трансформации. Результат достигается следующим образом: реальный, предметный страх потенциально конфликтующих этнических общностей подменяется бесконтрольной, стремящейся к выходу за рациональные границы, тревогой. Суть этой технологии — усиление боязни населения страны перед лицом ничто, автоматически снижающее вероятность конфликтного поведения, цель которого — снятие страха перед конкретными проблемами вроде голода, необеспеченности, непригодных условий жизни и т.д., что означает исчезновение этнополитических конфликтных мотиваций.

Уникальность данной технологии состоит в том, что этнополитический конфликт становится метафизическим, замыкающимся на самом себе. Этнополитический конфликт становится максимально масштабным, в противоборство вступают уже не единичные этнические общности, а целое государство государства. Естественно, что индивид динамически, а не статически адаптируется к меняющимся условиям в этнополитическом конфликте: трансформация личности означает качественно иное конфликтное расположение.

2. Информационное донесение этнополитического конфликта до обыденного сознания. Такие технологии не достигают цели по преобразованию конфликтного понимания в бесконфликтное напрямую, однако эффективно

справляются с опосредованием спонтанного, свободного его развития, что в результате приводит к утрате интереса общества к данному этнополитическому конфликту.

Данная технология разрешения этнополитического конфликта ориентирована на подмену конфликтного мышления технологичным пониманием самой проблемы. Фактически основная цель — это транзит в массовом сознании от установки на конфликтность к технологическому его преодолению. Индивид должен осознать себя как функцию, как элемент системы, прежде всего, политических и социально-экономических взаимоотношений.

Технологичность подразумевает формирование таких принципов урегулирования этнополитического конфликта как: предсказуемость, прогнозируемость, последовательность, признание справедливости четкой иерархии социально-политической структуры и т.д. Необходимо подчеркнуть, что данная технология в современных этносистемах набирает популярность: тенденция деантропологизировать социально-политическое развитие становится все более очевидной как в теоретико-методологических концептах, так и в прикладном конфликтологическом дискурсе.

3. Подмена этнополитического конфликта бесконфликтным процессом. В некотором роде такая технология напоминает подражательное искусство в интерпретации Платона: «творение кажущегося подобным прекрасному, но при этом не исходящее из него, но лишь сходное» [6].

Иными словами, данная технология инициирует подмену конфликтного процесса бесконфликтными способами его понимания.

Основной механизм осуществления этой технологии, по М. Фуко, сводится к четырем свойствам: этносистемотгораживание, локализация, функциональность размещений и взаимосвязь между элементами [9].

4. Управление этнополитическими конфликтами. На первом этапе реализации этой технологии решается задача по забрасыванию индивида в несамостоятельную, изолированную, но при этом равнозначную по отношению к соприсутствию систему (без каких-либо различий, конфессиональных, этнических и т.д.). Таким образом, формируется общество, в пер-

спективе порождающее только управляемую конфликтность, соответствующую целям субъектов внешнего регулирующего воздействия на конфликтные ситуации.

Инструментарий реализации второго этапа данной технологии — это, прежде всего, «цветные» революции: технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности. Данная технология может способствовать максимальному приближению присутствия к этнической общности к общегосударственному единению.

Многообразие трансформационных технологий урегулирования этнополитических конфликтов не ограничивается рассмотренными примерами. Хотя бы потому, что трансформационные технологии постоянно эволюционируют по мере усложнения политического и культурно-исторического дискурса. Соответственно, расширение границ предметного поля с неизбежностью предполагает адаптивное внесение изменений в предлагаемый концепт.

В заключении хотелось бы отметить, что трансформационные основания этнополитических конфликтов, которые в данной статье были противопоставлены структурному функционализму основания — это сложноструктурные элементы, конституирующее систему знаний об этнополитических конфликтах в различных вариациях культурного генезиса через развитие этносистем. Данный подход словно позволяет увидеть познающему субъекту во всем многообразии культурного дискурса динамику развития этнополитического конфликта.

Литература

[1] Аминов И.Р. Этнополитические основания региональных конфликтов в современной России: теоретико-методологический аспект // Правовое государство: Теория и практика. — 2013. — Т. 2. — № 32.

[2] Аминов И.Р., Сулейманов А.Р. Институционализация национальной безопасности в истории России: внешние и внутренние угрозы // Правовое государство: Теория и практика. — 2014. — Т. 2. — № 36. — С. 111–115.

[3] Гайдук В.В. Национальная безопасность не должна иметь этнический оттенок // Вестник

Башкирского института социальных технологий. — 2013. — № 5 (21).

[4] *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Национальная политика в Российской Федерации: траектории, развилки, тупики // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2012. — № 1. — С. 115–121.

[5] *Кабылинский Б.В.* Индустриальное и постиндустриальное общество: трансформация социального конфликта // Конфликтология. — 2012. — № 4.

[6] *Платон.* Сочинения: В 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1994.

[7] *Сулейманов А.Р.* Этническое измерение национальной безопасности современной России // Вопросы политологии. — 2013. — № 3.

[8] *Сулейманов А.Р.* Этносы и нации в стратегии национальной безопасности Российской Федерации: политологический аспект // Стратегия устойчивого развития регионов России. — 2013. — № 17. — С. 83–87.

[9] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ад Маргинем, 1999.

[10] *Чернов П.В.* Этногеополитические основы государственности. — М., 1999.

УДК 321:329.78

БИКТИМИРОВА Диля Зайрановна,
соискатель кафедры политологии и истории
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: niipr@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖЬЮ: «TWITTER-РЕВОЛЮЦИИ»

Интенсивное развитие информационно-коммуникативных технологий вызывает глубинные сдвиги во всех сферах жизни, в том числе и в политической. Современная молодежь обусловлена сетевой логикой развития социально-политических субъектов. Налицо трансформация сетевых характеристик молодежи, способствующих формированию неинституционализированных форм политической субъектности, таких как новые социальные движения, сетевые политические партии и разнопорядковых форм сетевого политического управления (Европейский Союз, межсекторное социальное партнерство, открытое правительство и т. д.).

Ключевые слова: интернет, политика, социальная сеть, молодежь, субъектность, управление, тренд.

Современные информационные тренды влияют на формирование принципиально новой модели организации социально-политического пространства, в котором доминируют горизонтальные сетевые коммуникации и появляется множество разнообразных акторов, участвующих в преобразовании публичной политики, возрастает роль и значение сетевых структур, обладающих высоким потенциалом самоорганизации и мобилизации.

За последнее время в современных политических системах стран Западной Европы, Ближнего Востока, СНГ, имеющих существенные различия в социально-экономическом, политико-культурном, публично-государственном развитии, наблюдаются точки роста сетевой активности различных общностей, в том числе и молодежи. Что также определяет и национальную безопасность любого государства [1].

Социальные сети, основанные на горизонтальных взаимодействиях, не только изменяют традиционные организационные структуры гражданского общества, но и создают основы нового институционального дизайна политики [4].

Сегодня социальные сети постепенно превращаются в новейший социально-политиче-

ский институт, со всеми его признаками, но, тем не менее, со специфическими особенностями, присущими только данным веб-сервисам, объединившим целые регионы, страны и континенты на одной странице сайта. Среди причин, относящих социальные сети к новому социально-политическому институту, исследователь В.В. Павленко выделяет следующие: наличие определенной структуры и организации сети; наличие общей функции для всех социальных институтов — удовлетворения потребностей общества; возможность регуляции социальных процессов, происходящих внутри сети; наличие социальных групп и социальных организаций, призванных удовлетворять потребности групп, личности; возможность осуществления экономической деятельности внутри сети; интеграция социальных сетей в социально-политическую жизнь общества и социализация индивидов, функционирующих внутри сети [6].

С точки зрения политики, социальные сети являются интернет-ресурсом с не до конца изученными и раскрытыми возможностями. Но потенциал данных веб-сервисов очень велик. Практически каждый уважающий себя политик имеет свой аккаунт в социальных сетях и блог-платформах, выкладывает о себе политическую, агитационную и личную (при же-

лании) информацию. Таким образом, в теории практически любой гражданин может вступить в диалог с интересующим его политическим деятелем [5]. Но на практике все происходит иначе. Создание аккаунтов в социальных сетях большинства российских политиков имеет целью исключительно пиар и рассчитано на определенную группу электората. В реальности общение происходит в лучшем случае со спичрайтером, помощником или заместителем, в худшем — вообще не происходит. Намного целесообразнее было бы выкладывать отчеты о своей политической деятельности для того, чтобы избиратели смогли оценить реальную эффективность конкретного политического деятеля.

Стоит также отметить, что создание и развитие социальных сетей в России находится на более низком уровне, чем в развитых странах. Это один из показателей отставания нашей страны и недостатка в новых социальных и политических технологиях. Усиление роли новых медиа в жизни общества является общемировым трендом, в чем можно убедиться на примере Европы и Америки. Там социальные сети и блоги — самый распространенный и широко используемый инструмент публичного дискурса. В США, например, существует около двадцати эффективно функционирующих политических социальных сетей.

Из анализа различных информационных источников видно, что правительством США (в России и других странах эти технологии также уже присутствует в политической практике) для осуществления международной политики в настоящее время реализуется комплексный инновационный подход, предполагающий использование, прежде всего, возможностей дипломатии, дополняемых информационными Интернет-технологиями. В их основу положено использование защищенных сетей распределения программных продуктов при прямой и непосредственной поддержке правительства. Указанный подход не исключает, в случае необходимости, применение средств и систем вооруженной борьбы. Для реализации такой стратегии социальные сети из года в год становятся главной платформой по созданию антиправительственных групп и удобным инструментом для коммуникации.

Возьмем для примера Египет. Революция в Египте с самого начала была организована через социальную сеть Facebook. Первые граждане Египта были сформированы в группы на Facebook, призывы выйти на забастовки по повышению зарплат на работе, социальных выплат не заставили себя долго ждать. То, что произошло, передавал американский телеканал CNN. Призывы обсуждались сотнями тысяч пользователей. Через некоторое время власти Египта закрыли доступ к микроблогу Twitter, социальной сети Facebook, а позже полностью был отключен доступ в Интернет. Но было уже поздно, работа всего государства была парализована, все вышли на протестные демонстрации. К тому же компания Google одновременно с отключением от Интернета целой страны предоставила доступ к микроблогу Twitter через мобильный телефон по специальной технологии. Таким образом, работа на дому без вложений для всего населения Египта была продолжена, и огонек революции уже не мог погаснуть.

Газета «The Jerusalem Post» сообщала, что топ-менеджер по маркетингу в странах Северной Африки и Ближнего Востока из компании Google — Ваэль Гоним (Wael Ghonim) — 7 февраля дал телеинтервью, в котором чистосердечно признался в создании страницы на Facebook, где публиковались призывы к египтянам выйти на улицы с протестом. Он активно критиковал действия египетских властей и президента страны — Хосни Мубарака в своем Twitter-микроблоге. Уроженец Каира, Гоним, работал в дубайском офисе Google с 2008 года. С началом массовых протестов (25 января) в Египте оппозиционно настроенный топ-менеджер Google решил вернуться на родину, чтобы лично поддержать жителей, однако был задержан египетскими властями и находился под стражей 12 дней. Для свержения режима Мубарака египтянам понадобилось 18 дней активной работы на улицах и дома. На сегодняшний день в Египте погибли, по меньшей мере, 400 человек, порядка 6 тысяч получили ранения. Президент Египта Хосни Мубарак, который правил крупнейшей по населению арабской страной с 1981 года, после многодневных массовых протестов ушел в отставку, передав правление Высшему совету вооруженных сил. По послед-

ним данным, бывший президент Хосни Мубарак находится в Египте в тяжелом эмоциональном и физическом состоянии, перенеся сердечный приступ [3].

Почему события в мусульманских странах мировые СМИ комментируют таким образом, что США остаются как бы ни при чем, а виноват кто-то другой? Кто этот «другой»? Ведь «империи зла» (имеется ввиду СССР) больше нет... Итак, ответим на один вопрос: «Сui bono?» (В чьих интересах?)

Чтобы понять причины «эпидемии революций» целесообразно вернуться к истокам. Каким истокам? Да той жизни, когда население арабских стран, вероятно, жило лучше — во времена Советского Союза. Кто-то может с этим спорить, но факт остается фактом, что СССР был верным другом арабских стран. Однако с распадом «Империи зла», как называли сионистские круги США Советский Союз, многие арабские страны перестали получать политическую поддержку, военно-техническую, технологическую и финансовую помощь от СССР и стран социалистического лагеря. А поскольку промышленное производство многих арабских стран было развито весьма слабо и «нефтедолларами» могли похвастаться не все, то перед ними во всей наготе встал вопрос: «Как жить дальше?» Более того, не только руководители арабских стран, но и простые люди тогда стали понимать, что мусульманские страны значительно отстают от стран Запада по всем показателям. И оказалось, что мусульманские страны разобщены, поскольку больше нет цементирующих связей, которые поддерживал СССР. Население мусульманских стран было поставлено перед фактом — противостоянию с Западом пришел конец. Но люди были дезориентированы: «Что дальше?» Ведь получалось, что для спасения благополучия государства, для обеспечения сытой и спокойной жизни надо идти на сделку с империализмом, вступать в зависимость от США и их союзников, принимать ценности западного образа жизни. Такая смена вех мусульманам была не понятна и многими не одобрялась.

К сожалению, безудержное стремление США и их союзников по НАТО к доминированию во всех сферах политической и социальной жизни народов мира постепенно привело к формиро-

ванию мусульманского фундаментализма. Более того, патологическая страсть США и их союзников-неоглобалистов к установлению «нового мирового порядка», к подчинению своим экономическим интересам если не целых континентов, то многих стран и народов, привели к очередной трансформации и появлению исламского фундаментализма. С позиции США и их услужливых союзников любой «фундаментализм» является «терроризмом» и с ним следует бороться всеми доступными способами и средствами. Однако этот «фундаментализм» правильнее было бы назвать «патриотизмом». Ведь люди отстаивают свое право жить и дышать по своим законам и обычаям! А это как раз не устраивает США и их союзников. В умах дельцов и политиков, вероятно, созрел коварный план: одним махом добиться сразу нескольких целей. Причем даже если не все задуманное они смогли бы осуществить, организаторы получили бы большие дивиденды.

Можно предположить, что все эти «twitter-революции» были не только задуманы в США, но и осуществлены не без возможностей американских средств коммуникаций, прежде всего, системы Интернет. Но возникает законный вопрос: не способствовала ли система связи «Twitter», позволяющая пользователям отправлять короткие текстовые сообщения, собирать массы людей, организовывать их и направлять гнев простых людей, не разбирающихся в политике, на свержение законных правительств мусульманских стран? Возможно, совершенно случайно владельцем этой системы является «Twitter, Inc». Возможно, совершенно случайно сервер этой корпорации расположен в городе Сан-Франциско, штат Калифорния, США. Возможно, эта американская корпорация никак не могла препятствовать распространению сообщений, призывающих к массовым беспорядкам, убийствам и свержению законных правительств иностранных государств. В настоящее время западные СМИ перестали употреблять термин «twitter-революции», заменив его на уводящее наше внимание в сторону от США название «жасминовые революции» [7].

Все сказанное однозначно свидетельствует о заинтересованности ведущих ИТ-корпораций в указанных революциях, поскольку это обеспе-

чивает наращивание объемов продаж производимой ими высокотехнологичной продукции.

Вспомним хотя бы, с чего начинался народный бунт в Египте — с массового клича в популярнейшей социальной сети Facebook, подхваченного все в том же Twitter [2]. Именно через Интернет координировались первые шаги революции. Разработанные и продвигаемые на мировые рынки технологии социальных сетей являются одними из последних разработок и блестящим продолжением и яркой иллюстрацией эффективности гражданского использования технологий двойного назначения в мире за всю историю их разработки. Интернет и поддерживаемые им приложения, в том числе и социальные сети, являются уникальным прагматически ориентированным результатом, что, собственно, и обуславливает реализацию инициатив в молодежной среде, с которыми не только нужно считаться, но улавливать их тренды. Особенно в молодежной среде.

Литература

[1] *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Миграционная политика через призму национальной безопас-

ности федеративной государственности: страхи «по-российски» // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68). — С. 166–168.

[2] *Гайдук В.В., Сулейманов А.Р.* Украинская трагедия как вызов международной безопасности // Вопросы политологии. — 2014. — № 2 (14). — С. 87–102.

[3] Жители «раскрутили» революцию в Египте, работая из дому в Facebook [Электронный ресурс]. — URL: <http://abzac.org/?p=3365>

[4] *Мирошниченко И.В.* Сетевой ландшафт российской публичной политики. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. — 295 с.

[5] *Нигматуллина Т.А.* «Герои нашего времени» в реализации современной российской молодежной политики // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2013. — № 3. — С. 109.

[5] *Павленко В.В.* Роль современных социальных сетей в социальных и политических технологиях // Сборник Международной научно-практической конференции «Молодежь в постиндустриальном обществе» 25 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://hsjournal.org/conference>

[6] *Палий С.* Кто организовал эпидемию революций? [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ekonbez.ru/news/cat/10032>

УДК 321(470)

ЛУКЪЯНЦЕВ Андрей Сергеевич,
руководитель Молодежного отделения
Российского общества политологов в Республике Башкортостан,
студент 3-го курса по направлению «политология»
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
e-mail: Lukyantsev.andrey@gmail.com

ТРЕНДОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В ФЕДЕРАТИВНОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются современные тренды, формирующие имидж политического лидера в современной России. Важно, чтобы трендовые основы могли позитивно отражаться на деятельности политика и приносить выгоды как для него самого, так и для электората, групп интересов. Политическая имиджология способна влиять на электоральные предпочтения и определять те тренды, которые будут создавать отношения между политическим лидером, кандидатом и электоральными группами. Опираясь на результаты применения политических технологий, коммуникационной составляющей, можно выделить определенные тенденции, которые чаще всего используются сегодня в российской политической системе.

Ключевые слова: политический имидж, имиджология, тренды, политик, электорат, группы интересов, лоббизм.

Политический имидж — это целый комплекс взаимосвязанных опций для политического лидера, заинтересованного в лоббировании интересов и развития его собственной мобильности в политико-управленческой среде.

Политические отношения сегодня пронизаны нитью различных взаимодействующих структур, и каждому актору политики необходимо четко реагировать на вызовы современности. Для того чтобы стать политическим лидером, за которым пошли бы массы, существует потребность в обладании благосклонными внутренними и внешними характеристиками, способными убедить электорат в искренности и истинности суждений, излагаемыми кандидатом. Быть, как говорится, не «временщиком» [3], а политиком модернизационным, мыслящим современными и будущими категориями.

Определено, что «имидж политического лидера — это цельное образование, которое зависит как от субъективных характеристик и факторов (например, личностные качества и психологические свойства), так и от объек-

тивных условий — социокультурных, экономических — функционирования лидера и его окружения» [10]. В связи с этими факторами становится очевидным, что для качественного продвижения кандидата как эффективного политика, необходимо соблюдение принципов современной имиджологии. Для России в реалиях сегодняшнего дня важны аспекты, касающиеся различных трендов в формировании имиджа лидера.

Обладая наиболее достоверными знаниями об электоральной активности, запросах и трендах, политические технологи, имеют широкую карту возможностей при создании и продвижении политического продукта как целого набора элементов: отдельно взятый кандидат, его поведение, внешность, биография, программа действий и другие черты, обосновывающие выбор людей и их доверие. Для получения доверия, политический лидер и его команда должны выстраивать благоприятные связи с общественностью (*public relations*). Они «могут способствовать созданию условий взаимного доверия, взаимности и взаимодействия» [12]. Это непосредственно влияет

на формирование позитивного, нейтрального либо негативного имиджа политика.

Современная политическая ситуация в России требует от кандидата на пост политика, который бы являлся эффективным, быть открытым и разносторонним [9]. Как уже отмечалось ранее, важным аспектом является следование за трендами, но при этом, команда политика должна учитывать то, что ей необходимо двигаться не только вслед, но и играть на опережение. Сегодня многие ждут решительных действий со стороны властных структур, т.е. предложений новых трендов, способствующих эффективному развитию.

Важный тренд в системе выстраивания имиджево-коммуникационного взаимодействия между политическим лидером и заинтересованными акторами, является частое упоминание о деятельности политика в новостных информационных лентах, преподнесение максимально позитивного объема информации, в сети Интернет, способной качественно отражаться на имидже политического деятеля. Подобные действия могут давать импульс для дальнейших действий политика и его команды как целерациональных, так и аффективных [2].

В этом контексте отметим, что существуют действия, носящие положительный оттенок своих результатов, приносящих социальный эффект как для самого политического лидера (позитивный имидж, формирование электоральных предпочтений, поддержка групп интересов, лоббирование собственных интересов и др.), так и для социальных групп (решение хозяйственно-бытовых вопросов электората, защита интересов в органах государственной власти и местного самоуправления, представление интересов, обещания и др.). В подобном случае целерациональные и аффективные действия могут принести ощутимую поддержку действиям по имиджевому продвижению политического лидера на праймериз, выборах в представительные органы власти и др.

Также наравне с теми, кто пытается всеми силами обеспечить себе максимальное продвижение через всестороннюю поддержку электоральных и заинтересованных групп, применяя качественные методы лоббирования, существуют и, так называемые, «политические временщики» [3]. В.В. Гайдук, россий-

ский ученый, занимающийся проблемами политических элит, национальных и федеративных отношений, считает, что «современные политические временщики — это люди с изначально обозримыми, краткосрочными целями, ограниченными в принятии решений личной выгодой и эгоистическими интересами, личности, которые не заинтересованы в комплексном изучении ситуации и стратегическом подходе к решению проблем различного масштаба. Логика их дальнейших действий продиктована ограниченностью пребывания у власти и доступа к определенным ресурсам» [5]. Этим можно обозначить то, что «временщики» могут особо не заботиться о своем политическом имидже и (или) стараются, чтобы об их действиях (бездействиях) знало меньшее количество широкой аудитории. Здесь также можно сказать, что вперед выходят как целерациональные, так и аффективные действия, которые заставляют политического лидера, заботиться о своем имидже, но уже в полярно противоположном контексте.

Если в первом случае мы говорили о том, что для политика важен позитивный уклон для того, чтобы электоральные и заинтересованные группы могли как можно больше интересоваться деятельностью и жизнью политика. А уже в последнем, мы можем наблюдать, что «временщик» стремится если не попадать в новостные хроники и ленты через использование позитивных методов формирования имиджевых характеристик, то абсолютно не желает становиться объектом создания негативного имиджа, который бы прямо говорил о том, что он не является серьезным актором политической деятельности и не стремится к созиданию стабильной и эффективной политической системы.

Данный тренд, прежде всего, относится к опубликованию новостной информации в лентах Интернет сообществ, ведение блога и других методов. Коротко, можно обозначить этот тренд как степень открытости политика в информационном пространстве. Это является немаловажным фактором в выстраивании позитивного диалога с наиболее мобильной частью общества — молодежью, т.к. «зачастую тот или иной идеологический выбор определяется кратковременной модой

на определенную позицию в конкретной молодежной среде и, стало быть, может быстро меняться при переходе молодого человека из одной коммуникационной группы («тусовки») в другую» [8].

Благодаря эффективному и своевременному использованию информационно-коммуникационных технологий, политический лидер имеет возможность увеличения своего электорального рейтинга среди молодежи и аудитории, активно пользующейся Интернет-технологиями. Компания TNS, исследующая степень потребления масс-медиа услуг, определила, что аудитория Интернета в России составляет 65,3 млн человек [13]. Это значит, что политическому лидеру необходимо подтверждать свою активность в Интернет-пространстве и использовать новые приемы связей с ответственностью.

Следующий тренд, оказывающий, на наш взгляд, значительное влияние в сфере политических технологий и имиджевой составляющей — это отказ от традиционных стереотипов советского партийного и государственного чиновника. Так, жизнь и работа политика становятся менее формализованными по отношению к обычному гражданину. Полный отказ от данной традиции еще не получил широкого проявления, но постепенно политический лидер говорит народу: «Я такой же, как и вы. Мы вместе». Осенью 2012 г. в эфир НТВ попал репортаж о повседневной жизни Президента Российской Федерации [11], а в мае 2013, в продолжение данной темы, телеканал снял репортаж о рабочем дне Председателя Правительства Российской Федерации [6].

Выделим также тренд, обладающий высокой степенью концентрации. Это формирование профессиональных сообществ политико-управленческих кадров и систематизация их отношений в профессиональной сфере. Сегодня получает бурное развитие сфера политических и управленческих коммуникаций, технологий и управления персоналом в различных государственных, бизнес и общественных структур. Важной составляющей этого тренда является развитие профессионального сообщества, которое может вырабатывать эффективные схемы планирования, распределения различных потоков информации и другого

вида ресурсов. Это, прежде всего, относится к менеджерам, экономистам, политологам, политическим технологам, GR-менеджерам. «За политической элитой, как и прежде, сохранится ценное право выбора и принятия окончательных решений, но на альтернативные варианты этих решений будут влиять информация, исследования и анализ, предоставляемые и проводимые представителями интеллектуальной элиты» [7]. Это очень важно для осознания того, что политические технологи обладают достаточным набором компетенций при принятии решений, каким образом нужно вести те или иные действия при рекрутировании политических элит. Российский ученый, политолог В.В. Гайдук говорит, что «очень важно и если эта традиция заинтересованных обсуждений продолжится, то это пойдет на пользу и научному и экспертному сообществу, которое в данном случае получило возможность общаться с людьми непосредственно причастными к принятию тех или иных решений, так и для этих людей, потому что они должны знать, как смотрит наука на те или иные вещи» [4]. Данный аспект проблематики трендов в политической имиджологии очень важен, так как только специалисты, причастные к воздействию на политики, имеют возможность влиять на электоральные предпочтения, деятельность заинтересованных групп.

Делая вывод, хотелось бы отметить, что современная российская политическая система находится в стадии своего динамического развития, где каждый тренд имеет право на существование. Главное, чтобы в таком контексте, можно было качественно формировать политические акторы, привлекая методы политической имиджологии. При этом, массовая культура в России, на которую, в первую очередь, необходимо опираться, лоббируя имиджевые интересы политического лидера, должна соотноситься с уровнем политической культуры общества и его коллективным бессознательным, о чем рассуждает Л.И. Бенина, специалист по политической культуре и психологии [1]. Коллективное бессознательное часто влияет на электоральные предпочтения и позволяет делать выбор в пользу того или иного политического лидера, кандидата. Политическая имиджология и те тренды, ко-

которые предлагаются обществом сегодня, могут применяться для влияния на коллективное бессознательное.

Стоит отметить, что политические технологии, на сегодняшний день, носят основополагающий характер на развитие в сфере имиджологии, выстраивания качественных связей с общественностью. Надеемся, что и в дальнейшем имидж политического лидера будет продолжать формироваться с учетом потребностей общества, которому служит политик.

Литература

- [1] Бенина Л.И. Коллективное бессознательное в массовой политической культуре // Вестник Башкирского государственного университета. — 2011. — Т. 16. — № 4. — С. 1354–1360.
- [2] Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
- [3] Гайдук В.В. Индекс временности власти и его роль в этнополитической стабильности российских регионов // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2012. — № 4 (19). — С. 72–80
- [4] Гайдук В.В. Российское общество политологов в научно-экспертном форме измерения 3D // Вопросы политологии. — 2013. — Вып. 4 (12). — С. 26.
- [5] Гайдук В.В., Сулейманов А.Р. Институт политических «временщиков» в Российской Федерации: критерии и показатели эффективности // Вестник Башкирского института социальных технологий. — 2012. — № 4 (16). — С. 54–57.
- [6] Интервью Медведева «Центральному телевидению» [Электронный ресурс]. — URL: http://ria.ru/trend/Medvedev_ntv_interview_26052013/
- [7] Крюков Д.О. Политическая и научные элиты в постиндустриальном обществе // Вестник СПбГУ. — Сер. 12. — 2010. — Вып. 1. — С. 354.
- [8] Молодежь новой России: образ жизни и ценностные ориентиры [Аналитический доклад РАН, Институт социологии]. — М., 2007.
- [9] Нигматуллина Т.А. Молодежный политик в управлении регионом. — М.: NOTA BENE, 2014.
- [10] Политическая имиджология / под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. — М.: Аспект Пресс, 2006. — С. 345.
- [11] «Центральное телевидение» в гостях у Путина [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ntv.ru/novosti/348821/>
- [12] Sommerfeldt E.J. The civility of social capital: Public relations in the public sphere, civil society, and democracy // Public Relations Review. — 2013.
- [13] TNS web-index: аудитория Интернет-проектов. Результаты исследования: декабрь 2013 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://tns-global.ru/services/media/mediaaudience/internet/information/>

УДК 32

СУЛЕЙМАНОВ Тимур Фуатович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных
и экономических дисциплин Уфимского филиала ФГБОУ ВПО
«Московская государственная академия водного транспорта»
e-mail: suleymanov1957@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЧАСТЬ I)

В статье рассматриваются социокультурные компоненты политической культуры.

Ключевые слова: знания, язык, сознание, мировоззрение, ориентации, нормы, ценности, символика, традиция, нравственность, идеология, поведение.

Политическая культура есть совокупность ориентаций, мнений и убеждений, которые придают логику и смысл политическому, обеспечивают основополагающие представления и нормы, управляющие поведением человека в политической сфере. Тем самым политическая культура... это обобщенное выражение психологического и субъективного измерения политики.

Если нужно эффективно использовать концепцию политической культуры, то ее необходимо дополнить структурным анализом...

Л. Пай

Приступая к рассмотрению названной темы, необходимо прежде всего определить с тем, что мы будем понимать под политической культурой, а затем исследуем ее содержание, структурные компоненты. Под политической культурой мы будем понимать «комплекс представлений той или иной национальной или социально-политической общности о мире политики, политических взаимоотношениях, законах и правилах их функционирования. Она включает в себя сформировавшиеся в течение многих поколений политические традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами, ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших правил политической игры» [5, с. 188].

Важное значение для определения содержания политической культуры имеет четкое представление о ее структуре. И, на наш

взгляд, к основным структурным компонентам следует отнести: политические знания, язык, сознание, мировоззрение, ориентации, нормы, ценности, политическую идеологию, традиции, символику, нравственную составляющую, идеологию, поведение.

Рассмотрим отдельно каждый из вышеназванных компонентов политической культуры.

Язык — это, во-первых, «основа для изучения самой культуры, во-вторых, он передает традиции, ценности, в-третьих, он организует восприятие мира. Язык отражает культуру общества, его главные ценности, нормы, технологию, образ жизни» [1, с. 16]. В-четвертых, «Язык — это и орудие науки и одна из ее составных частей... Язык учит нас ясно мыслить, а ясные, живые мысли заставляют искать четкие и яркие слова» [6, с. 117].

Язык также «одно из основных средств политики; с его помощью осуществляется ее формирование, функционирование и передача политической информации в двух формах —

вербальный (язык слов, разновидности обычного языка общения) и символический (специальных знаков достоинства, условных сигналов, эмблем, ритуальных действий и т. п.)» [24, с. 93–94].

Особенность языка политики состоит в том, чтобы фиксировать политическую идею. Система политических отношений предполагает языковое общение между людьми в процессе совместной жизнедеятельности, а это, в свою очередь, придает политическому языку особую окраску, что находит свое отражение как в политической, так и в правовой терминологии. Иначе говоря, политический язык характеризует политическую систему, власть (различные ее ветви — законодательную, судебную, исполнительную).

В части, касающейся «языка политики» или «политического языка», ученый М. Эдельман, характеризуя его, писал: «Люди не имеют дела с политическими событиями напрямую; они, скорее, имеют дело с языком, на котором им рассказывают об этих событиях» [цит. по 36, с. 100] и далее указывает на важнейшее его свойство, а именно на то, что он формирует и субъекта политики. «Язык, который интерпретирует объекты и действия, также конституирует (формирует) и субъекта» [цит. по 36, с. 100].

Язык является основным условием существования и развития политической культуры. «Понимание языка политической культуры и овладение им дает гражданину возможность коммуникации, хранения и трансляции культуры. Язык как элемент политической культуры... является средством объединения всех ее структурных элементов» [12 с. 11].

А.С. Панарин, рассматривая роль и значение языка в мире политическом, не без оснований считал его определяющим в реализации глобальных социальных проектов, главным элементом политических технологий. «Язык способен не только отражать социальные реальности, но в каком-то смысле порождать их, собирая из бывших разрозненных атомов социума новые, осознающие себя общности» [19, с. 335].

В качестве классического примера, можно привести язык профессионального политика, для которого присуща публичная речь.

И здесь психологи, например, делают акцент на ключевых словах, которые во многом определяют отношение людей к тому или иному политическому деятелю, как во время избирательной кампании, так и во время пребывания у власти. Ярким примером этого могут служить слова Ф.Д. Рузвельта во время избирательной кампании — «Новый курс». Так же следует иметь в виду, что ключевые слова (которые являются атрибутами политического языка) обладают следующими отличительными особенностями:

– «они являются мощными эмоциональными возбудителями. Кроме чисто положительных или отрицательных реакций данные слова так же апеллируют к различным чувствам аудитории — гордости, великодушию, доброте (свобода, справедливость, согласие), вызывают страх или даже ненависть (агрессия, геноцид, фашизм);

– данные слова являются ценностными ярлыками, ибо они непосредственно связаны с уже имеющимися у аудитории морально-нравственными и политическими ценностями;

– эти слова представляют собой слова-символы, вызывающие определенные образцы. Их смысловое содержание выступает в виде образцовых ассоциативных образных представлений, в основе которых лежит прошлый опыт;

– еще одной важной чертой подобных слов является их чрезвычайная экономность. Одно короткое слово обладает способностью в силу своего предельно насыщенного содержания вызвать к жизни, актуализировать огромное количество информации, хранящейся в памяти аудитории, а так же эмоциональную реакцию на эту информацию в нужном для выступающего направлении» [9; 21, с. 664–665].

Говоря о важности языка в современной политике, как основного средства воздействия на сознание как личности, так и общества в целом, следует указать на очевидный факт, что в последнее десятилетие появляется удивительный «культурный феномен» — индустрия сознания [4].

Как пишет А.С. Панарин, «вместе с открытием новой роли системы духовного производства раскрывается и новая роль языка политической культуры как средства производства

глобальных социальных проектов, как элемента политических технологий» [19, с. 335].

Следующий компонент политической культуры — **политическое сознание**, которое можно охарактеризовать как наиболее общую категорию, отражающую всю совокупность чувственных и теоретических, ценностных и нормативных, рациональных и подсознательных представлений человека, которые опосредуют его отношения с политическими структурами. Политическое сознание можно определить, «как комплекс идей, теоретических концепций, взглядов, представлений, мнений, оценочных суждений, эмоциональных состояний субъектов политических отношений» [17, с. 660].

Политическое сознание — важнейшее проявление общественного сознания. Оно представляет собой субъективную сторону политической жизни (рефлексию и умонастроение) ее субъектов.

Политическое сознание субъекта политики предстает «как высшая форма развития психики и характеризует его способность системно воспринимать, понимать и оценивать ту часть реальности, которая связана с политикой, с вопросом власти и подчинения, государства и его институтов» [9; 21, с. 175].

Политическое сознание формируется в процессе овладения знаниями. Как результат отражения объективной действительности они обладают многоуровневым характером. Можно выделить научные знания, подразделяющиеся на эмпирический и теоретический уровни, обусловленные применяемыми познавательными средствами, а быденное значение, связанное с жизненным опытом индивида, базирующееся на конкретных жизненных ситуациях.

К эмпирической форме познавательной деятельности можно отнести отбор и систематизацию необходимой (политической, правовой, экономической, экологической и т.д.) информации, установление с помощью фактов ее достоверности. Теоретическая форма познавательной деятельности характеризуется анализом и обобщением информации, выработкой на основе определенных теорий, гипотез и т.д. При этом основа любой познавательной деятельности — практика, источник знания — факты, дающие информацию для эм-

пирического и теоретического знания, но осмысливающиеся, в первую очередь, на уровне быденного сознания, с точки зрения конкретных интересов субъекта познания.

Обычно, анализируя политическое сознание, выделяют «две основные группы составных частей этого явления: познавательные и мотивационные. К познавательным относят знания о политике, интерес к политическим явлениям и убеждениям. К мотивационным — потребности, ценности, чувства и установки. В действительности достаточно сложно выделить тот или иной элемент политического сознания в чистом виде и однозначно отнести его к познавательному блоку или мотивационному. Все эти элементы достаточно тесно переплетаются между собой и оказывают друг на друга взаимное влияние» [22, с. 134].

Политическое сознание — одна из сложнейших категорий политологии. Политическое сознание носит оценочно-волевой характер.

Выделяют гносеологический и социологические аспекты политического сознания. Гносеологический аспект показывает движение от действительности к сознанию, когда идеи, взгляды выступают как результат отражения действительности. Социологический — определяет переход от сознания к действительности и имеет два уровня: быденный и теоретический (политическая психология и политическая идеология). В литературе, посвященной анализу политического сознания [2, с. 608], обоснованно указывается на три взаимосвязанных, но относительно самостоятельных явления:

- политическое сознание общества;
- политическое сознание определенной социальной группы (которая выделяется своими особенными характеристиками — возрастными, региональными, профессиональными и т.д.);
- политическое сознание личности.

Помимо вышеназванных уровней политического сознания отдельно выделяются и определенные его типы. Под «типом сознания» понимаются «воспроизводящиеся структуры сознания, с помощью которых воспринимается и „объясняется” реальность» [8, с. 11]. Р.К. Громова выделяет три основных типа политического сознания: «рациональное сознание, ми-

фологическое сознание, аполитичное сознание» [8, с. 11–12].

Необходимо отметить, что современное политическое сознание достаточно многомерно и приведенная его типология не отражает всего ее многообразия [20].

Характеризуя политическое сознание необходимо указать на то, что оно обязательно включает в себя как составную часть и правосознание. Известный русский философ И.А. Ильин, подчеркивая неразрывную связь политики и права, политического и правового сознания использовал понятие «политического правосознания» [13, с. 331].

Подчеркивая роль и значение политического правосознания он писал: «Чем больше людей, лишенных политического правосознания, активно участвуют в государственной деятельности (хотя бы в форме простого голосования), тем большая опасность возникает для государства. Чем большее число граждан теряет из вида единое и объективное задание государства и начинает преследовать не общую цель, а множество частных целей — все равно личных или классовых, — тем сильнее политика начинает вырождаться и разлагаться, тем слабее становится государство, тем легче оно рухнет и распадется в один прекрасный день» [13, с. 331]. (*Как это актуально для настоящего времени — авт.*)

Следующим элементом политической культуры являются **политические нормы**.

Термин «норма» означает «мера, образец, средняя величина. Узаконенное установление, признанный обязательным порядок. Правила поведения в определенной ситуации. Форма регуляции поведения в биологических, технических, социальных системах» [26, с. 319].

Политические нормы являются разновидностью социальных норм. Для социальной же нормы характерны «требования, предписания, пожелания и ожидание соответствующего поведения. Возникновение и функционирование норм социальных, их место в социально-политической организации общества определены объективной потребностью в упорядочении общественных отношений» [26, с. 321].

Как пишет Б.С. Ерасов, «функция нормы состоит в том, чтобы исключить влияние случайных, чисто субъективных мотивов и обстоя-

тельств, психологических состояний, обеспечить надежность, предсказуемость, стандартность и общепонятность поведения. Норма формирует ожидаемое поведение, понятное окружающим» [10, с. 105].

Для политических норм характерна фиксирующая обязанность поддерживать общие принципы политической системы своей страны, вести борьбу «по правилам», соблюдая законы и конституцию.

Политические нормы, как правило, находят свое выражение в юридических, формально определенных нормах — нормах права (нормативно-правовых актах), и в первую очередь в конституционных нормах (нормах конституционного права). Так, например, ст. 28 Конституции Российской Федерации гласит, что «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию, или не исповедовать никакой, свободно выбирать и распространять иные религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [15, с. 10].

Особо следует подчеркнуть ст. 32 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что:

– «граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;

– граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме;

– не имеют право избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда;

– граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе;

– граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия» [15, с. 11] (и далее см. по тексту Конституции Российской Федерации, гл. 2. Права и свобода человека и гражданина, ст. ст. 17–64).

С понятием «политическая норма» тесно взаимосвязано понятие «**политическая ценность**». Абстрагируясь от понятия «политиче-

ская», мы должны уточнить суть понятия ценность.

Под ценностью понимаются материальные и идеальные объекты, способные удовлетворять какие-либо потребности человека, класса, общества, служить их интересам и целям. Мир ценностей многообразен, он включает в себя природные, технико-экономические, социально-политические отношения, этические, эстетические, научные системы.

Все перечисленное — это «важнейшие компоненты любой культуры» [34, с. 344].

По мысли Питирима Сорокина «ценности и только ценности являются фундаментом всякой культуры». Он пишет, что ценности предопределяют ход исторического развития, «любое общество можно описать и понять только лишь через призму присущей ему системы „значения, нормы, ценности“. Эта система суть, единовременное культурное качество» [31, с. 21].

И далее он пишет, что «четыре ценности предопределяют бытие человека: ценности, происходящие в результате когнитивной деятельности (Истина); эстетического удовлетворения (Красота); социальной адаптации и морали (Добро); и, наконец, конституирующая все остальные ценности в единое социальное целое (Польза). Любую социально-значимую человеческую активность можно объяснить посредством этих четырех по истине универсальных категорий» [31, с. 21].

Ценности выступают как характеристика индивидуального сознания, «имеющая ярко выраженную социальную природу. Другими словами, можно сказать, что политические ценности — это усвоенные, приспособленные индивидом (под влиянием личного интереса, ситуации и т.д.) социально-групповые представления» [22, с. 134].

К политическим ценностям относятся: свобода слова, совести, партий, гражданские свободы, государственность, законность, хороший правитель, порядок, конституция, гражданский мир, национальный суверенитет, гарантии социального равенства и справедливости.

В целом, в мире человека можно обнаружить различные виды ценностей, среди которых наиболее часто выделяемыми являются:

– «предметные ценности, ценности — сами вещи и процессы, обладающие ценностными значениями для субъекта;

– ценности — свойства вещей, выявляемые в результате соотнесения с ценностями — идеалами;

– ценности, как специфический вид норм, традиций, обычаев, императивов, запретов, задаваемых культурой;

– ценности — идеалы;

– ценности — знания и другие ценности сознания, вне которых невозможно постижение смысла и значения существующего, да и сам акт (деятельность) оценки» [16, с. 42].

Политические же ценности, на наш взгляд, выступают как специфический вид норм, традиций, обычаев, императивов, запретов, задаваемых культурой.

Как пишет известный философ В. Франкл, «человеческое существование принимает форму исторического бытия, которое — в отличие от жизни животных — всегда включено в историческое пространство („структурированное“ пространство, по Л. Бинсвангеру) и неотделимо от системы законов и отношений, лежащих в основе этого пространства» [35, с. 158].

А в силу того, что человек, как известно, существо социальное и его жизнедеятельность протекает в социальной среде, в социальном пространстве, то роль и значение политических ценностей становятся определяющими. Ценности подобного рода В. Франкл называет «ценностями отношения» [35, с. 174].

По меткому определению К. Поппера, «не многие способны быть политиками, но все могут оценивать их деяния» [25, с. 232]. И суждения и оценку политической реальности тех или иных политических событий человек производит через систему присущих ему ценностей. Политические ценности личности «подразумевают выбор того или иного объекта, состояния, потребности, цели, которые имеют более высокое существование» [25, с. 232], «эти ценности представляют собой единство рационального и чувственно-эмоционального, сущего и должного, имеют важное мировоззренческое значение, ориентируют людей в мире, регулируют их взаимоотношения» [10, с. 114].

Говоря о политических ценностях нельзя не отметить того, что они являются ключевым

звеном политического сознания и в то же время характер «политической культуры определяют ценности, утвердившиеся в собственном сознании» [18, с. 40].

Л.П. Сосновская полагает, что система ценностей российской политической культуры может быть представлена тремя основными группами: «Во-первых, традиционные ценности (патриотизм, державность, коллективизм, почитание отечественной истории и др.); во-вторых, сформированные в советский период (интернационализм, приоритет общенародных, общегосударственных интересов, государственные гарантии социальной защищенности, исторический оптимизм, комплекс сверхдержавы); в-третьих, западные постиндустриальные ценности (права и свободы человека, гуманизм, инновационность, толерантность индивидуализм и др.) [32, с. 100–101]. Вышеприведенные группы политических ценностей конечно же не отражают всего спектра таковых, они значительно многообразней [3, 7].

Наряду с политическими ценностями отдельно выделяется **политическая символика**.

Политическая символика является существенным элементом политики и политической культуры. Символ [гр. *symbolon*] означает «1) у древних греков — условный вещественный опознавательный знак для членов определенной общественной группы, тайного общества и т.п.; 2) предмет, действие и т.п., служащее условным обозначением какого-л. образа, понятия, идеи; 3) художественный образ, воплощающий какую-л. идею; 4) условное обозначение какой-л. величины, принятое той или иной наукой... 5) с. веры — а) краткое изложение основных догматов христианства; б) убеждения, взгляды» [28, с. 556].

Исследователь М.Н. Ересько определил символ как «способность сознания посредством определенных чувственно воспринимаемых объектов, явлений, действий образно репрезентировать другие объекты или реальности в процессе ее отражения» [11, с. 6].

Рассматривая символ как один из элементов политической культуры необходимо отметить, что он является одним из ранних способов постижения человеком мира через отдель-

ные элементы культуры — мифологию, искусство религию и т. д.

Указывая на роль и значение символики как одного из древнейших явлений и средств взаимодействия, взаимопонимания людей немецкий ученый О. Шпенглер отмечал, что «единство всякой культуры покоится на общем языке ее символики» [38, с. 232].

Политическая символика — это, прежде всего, «совокупность выразительных средств, придающих политической жизни, политическому действию, различным формам материализации политики явный, особенно очевидный, подчеркнутый либо, напротив, скрытый смысл... Политическая символика складывается из знаковых систем разного рода, имеющих различное политическое значение и обслуживающих политический процесс присущими им средствами» [24, с. 272].

Важно отметить, что политическая символика всегда имеет определенную смысловую нагрузку и оказывает воздействие на подсознание человека. Она всегда вплетена в систему политических отношений, в политический процесс. Являясь базисным элементом политической культуры, символ становится одним из важнейших каналов передачи исторического опыта, знаний, смыслов и ценностей [33, 37].

В части, касающейся классификации политической символики как в зарубежной так и в отечественной политической науке, ее подразделяют на:

- национально-государственную политическую символику (герб, гимн, флаг; эти же формы символики используются и различными организациями иного порядка);

- архитектурные комплексы (Кремль, Красная площадь, Великая китайская стена, Белый Дом, и т. п.);

- памятники политическим деятелям, мемориалы, посвященные историческим событиям;

- знаки отличия, регалии высших лиц государства, форма одежды, ордена, медали, значки и пр.;

- денежные знаки (на них часто нанесены символы, имеющие отношение к стране), их положение среди других валют может символизировать экономический и политический статус государства;

– политическую топонимику (наименования улиц, городов, стран и т. д.);

– ритуально-процессуальную символику: многие политические мероприятия — ритуал, предусматривающий соблюдение определенных процедур (заседание парламента, вступление главы государства в должность, проведение национального праздника и т. д.);

– наглядно-агитационную символику: все виды наглядной агитации, относящиеся к политической рекламе (лозунги, плакаты, флаги, портреты и т. д.);

– политико-музыкальную символику (в определенные моменты истории символическими могут быть народные, революционные песни, популярные мелодии);

– предметно-объектную политическую символику (предметы или объекты, особо значимые для данной национальной общности: Царь-пушка и Царь-колокол в России, Гора Афон в Греции, зуб Будды в Шри-Ланке и т. д., зловещую символическую роль играет оружие, особенно ядерное);

– людей как политических символов (политические лидеры — Ленин, Линкольн, Наполеон и др.; легендарные герои — Илья Муромец, Вильгельм Телль, Робин Гуд; вымышленные персонажи — Джон Буль в Англии, дядя Сэм в США);

– условно-графическую символику, включающую геральдические знаки (всевозможные звезды, кресты, львы, грифоны и т. д.);

– политический язык (специальная терминология, особые языковые конструкции, применяющиеся в политической практике: Господин, Товарищ, «Ура»; кроме того, в контексте, это может быть любое написанное или произнесенное, как особый символ, слово);

– политическую моду и стиль (общие пристрастия сторонников какого-либо движения, выраженные в одежде, поведении и т. д.);

– символы места и времени («Советское время», «Викторианская эпоха», «годы Великого бедствия», и т. д.; границы, столицы, национальные праздники, нередко привязывают к этой символике) [30].

Отдельно следует выделить **политические ориентации**. Однако необходимо отметить, что «объем этих понятий обычно уже, чем понятие „ценность”» [10, с. 114].

Политические ориентации, прежде всего, опираются «на ценности, которые осваиваются индивидом» [10, с. 114]. И затем направляют его сознание и определяют поведение. Ценностные ориентации «задают некие коды мышления и установки, составляющие поведенческий кодекс, т. е. своего рода идеальный тип политической деятельности человека» [23, с. 434].

Политические ценности являются субстратом политических взглядов, идей, убеждений.

Политические ценности включают в себя «ценности общечеловеческие (мир, разоружение, толерантность, политическая стабильность и пр.); национальные (патриотизм, национальная гордость и пр.), классовые, семейные, личностные. Думается, что в системе ценностей политической культуры ведущая, основная роль принадлежит правам человека. Они выступают надежным критерием разделения политических культур на прогрессивные, способствующие позитивному развитию личности, и реакционные, тормозящие это развитие» [14, с. 89].

Как было сказано выше, политические ценности и ориентации личности тесно связаны с **политическим мировоззрением**.

Под мировоззрением понимается «комплекс представлений человека о себе и о мире, единство знания и оценки. Оно включает в себя не просто результаты фиксации объективного положения вещей, но и позицию субъекта: его отношение к действительности, цели, ценности, идеалам. По своей сути, мировоззрение есть ничто иное, как общественное самосознание, воплощающееся в индивиде как единство его нравственных, философских, политических и иных ценностных представлений» [27, с. 44].

Следует отметить, что существует общественное мировоззрение и мировоззрение личности. Р.Г. Яновский, характеризуя эти два вида мировоззрения, пишет, что «общественное мировоззрение выступает как целостная система взглядов и идей определенной социальной группы, класса, общества в целом, является теоретической платформой для практической деятельности политических партий и общественных организаций. В мировоззрение личности из всего многообразия идей

и взглядов включаются только те, которые ею поняты и усвоены под влиянием объективной действительности, в результате идеологического, духовного, нравственного воздействия» [39, с. 52].

Мировоззрение может быть представлено целостной системой, которая представляет «усвоенные личностью интересы и идеалы, правовые и нравственные нормы, социальные приоритеты и гуманистические ценности, т. е. все то, что отражает представления человека о мире, определяет его выбор линии поведения в жизни, его осознанное отношение к обществу и к себе» [39, с. 53].

Политическое мировоззрение вбирает в себя все политико-культурное пространство и формирует у личности, по точному определению К.С. Гаджиева, «фундаментальную картину социального универсума, включающую комплекс основополагающих представлений об обществе и индивиде, гражданском обществе и государстве, сакральном и мирском» [5, с. 4]. А мир политический «имеет много измерений — социально-экономическое, структурное, функциональное, социокультурное, профессиональное, историческое, концептуальное и т. д.» [5, с. 6].

Важным элементом мировоззрения индивидов и социальных групп являются «политические ориентации, которые представляют своего рода „выход“ в сферу политической жизни общества. Политическая ориентация выражает как отношение личности к политике вообще, так и ее отношение к содержанию и направленности конкретных политических курсов и программ. Именно по отношению человека к идеалам, социально-политическим реальностям можно судить о его политической зрелости» [39, с. 53].

С политическим мировоззрением тесно связаны **политические убеждения**. Убеждение представляет собой «узловую единицу» мировоззрения, выражая отношение личности к миру, ее готовность применять знания (понятия, нормы, оценки) в качестве регулятора своего поведения. Убеждения, как устойчивое свойство личности, характеризует органическое единство интеллектуального, эмоционального и поведенческого начал у человека. Особым видом его убеждений являются поли-

тические убеждения, определяемые уровнем развития политических, общественных интересов и идеалов.

«Политические убеждения — это постоянно развивающаяся конкретно-историческая система, представляющая собой единство политических знаний и глубокой уверенности в их истинности и значимости, которая служит субъекту политики для достижения поставленных целей.

Политические убеждения выражают отношение личности к политической власти, к функционированию политических и общественных институтов, мотивируют его общественно-политические действия, в процессе которых выполняются и достигаются поставленные цели. Они формируются на основе усвоения политических знаний, проверяемых политическим опытом субъекта политической культуры» [29, с. 24].

Литература

- [1] Артёмов В.М., Роша А.Н. Социология культуры: лекции. — М.: Академия МВД РФ, 1993.
- [2] Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских реалий. — М., 2001.
- [3] Большаков И.В. Культура российских политических акторов: вариант типологизации // Политические исследования. — 2011. — № 5.
- [4] Вольфсон И.В. Язык политики. Политика языка. — Саратов, 2003.
- [5] Гаджиев К.С. Политическая философия. — М., 1999.
- [6] Гердер И. Г. Избранные сочинения. — М.-Л., 1959.
- [7] Гончаров П.К. Политические ценности в структуре массового политического сознания современного российского общества // Социология власти. — 2009. — № 1.
- [8] Громова Р. К типологии политического сознания россиян // Вестник общественного мнения. — Левада-Центр. — 1999. — № 2 (40).
- [9] Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. — М., 1996.
- [10] Ерасов Б.С. Социальная культурология: пособие для студентов вузов. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1997.
- [11] Ересько М.Н. Символ в религиозном сознании (опыт философско-социологического анализа): автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 1983.
- [12] Зимин В.А. Структура политической культуры в оценках ученых // Вестник ВЭГУ. Сер. Философия Социология. Политология. — 2010. — № 4 (48).

- [13] Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: сочинения. — М., 2006.
- [14] Коган Л.Н. Теория культуры. — Екатеринбург, 1993.
- [15] Конституция Российской Федерации. — М., 2012.
- [16] Малькова Т.П. Субъекты культуры // Культурология. — М., 1993.
- [17] Общая прикладная политология. — М., 1997.
- [18] Орешников И.М. Что такое гуманитарная культура? — Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1992.
- [19] Панарин А.С. Философия политики: учеб. пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. — М., 1996.
- [20] Поливаева Н.П. Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2008.
- [21] Политическая психология: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. А.А. Деркач, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. — М., 2001.
- [22] Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сб. учебных материалов / под ред. Е.Ю. Мелешкиной. — М., 2001.
- [23] Политология: учебник / Мельвиль [и др.]. — М., 2011.
- [24] Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. — М., 1993.
- [25] Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. I: Чары Платона / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. — М., 1992.
- [26] Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. — М., 1998.
- [27] Современная философия: словарь и хрестоматия. — Ростов н/Д., 1995.
- [28] Современный словарь иностранных слов. — М., 1992.
- [29] Сулейманов Т.Ф. Формирование политической культуры сотрудников органов внутренних дел в условиях демократизации политической системы: дис. ... канд. филос. наук. — М., 1993.
- [30] Сулейманов Т.Ф., Халиков Ш.Р. Политическая культура в системе политических отношений. — Уфа, 2003.
- [31] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред. сост. и предисл. А.Ю. Сагамонов; пер. с англ. — М., 1992.
- [32] Сосновская Л.П. Особенности современной политической культуры российского общества // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. — 2009. — № 1 (3).
- [33] Степанова Л.Я. Социальная символика России // Социологические исследования. — 1998. — № 7.
- [34] Философия. Основные идеи и принципы / А.И. Ракитов, В.М. Багаусланский, В.И. Чертикин, Г.И. Эзрин. — М., 1985.
- [35] Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. ст. Д.А. Леонтьева. — М., 1990.
- [36] Цит. по: Захарова О.В. Дискурсивный язык прав человека и российско-европейские отношения // Политические исследования. — 2013. — № 4.
- [37] Человек и его символы / под ред. С.Н. Сиренко. — М., 1997.
- [38] Шпенглер О. Закат Европы. — Новосибирск, 1993.
- [39] Яновский Р.Г. Наука, мировоззрение, перестройка. Пять проблем. — М., 1990.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ БИСТ

ОБУЧАЕМ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ЖКХ

22–25 августа 2014 года в Башкирском институте социальных технологий для работников ОАО «УЖХ Сипайловский Октябрьского района городского округа г. Уфа Республики Башкортостан» и ОАО «УЖХ Октябрьского района городского округа г. Уфа Республики Башкортостан» прошел обучающий семинар «Управление жилищным фондом многоквартирного дома».

Не секрет, что сфера жилищно-коммунального хозяйства остается одной из наиболее социально напряженных. Прямые потребители — собственники жилых помещений — хотят получать качественные услуги — и это вполне понятно. В свою очередь, работники ЖКХ готовы предоставлять эти услуги, но, к сожалению, не всегда хватает имеющихся ресурсов, практического опыта, а нередко и навыков разрешения возникающих конфликтов и споров.

Поэтому в учебной программе семинара были предусмотрены такие вопросы, как понятие и условия появления жилищно-коммунального конфликта, технологии разрешения конфликтов в сфере ЖКХ, алгоритм действенной работы диспетчерских служб с поступающими жалобами от собственников жилых помещений, примирительные технологии (медиация) в практике управления многоквартирным домом. Модератором обсуждения указанного блока вопросов выступил М.А. Беляев — профессиональный медиатор, руководитель Агентства примирительных технологий Центра

ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации на базе Башкирского института социальных технологий.

В формате деловой игры слушателям были представлены возможности использования современных примирительных медиативных технологий для разрешения возникающих споров.

Практический психолог, руководитель Психологической службы БИСТ К.И. Смирнова познакомила слушателей с основными правилами установления и поддержания психологического контакта с собственниками жилых помещений и эффективными техниками общения, с психологическими приемами постановки вопросов и активного слушания. Полезными для слушателей были и сведения об основных требованиях к проведению собраний жильцов, условиях эффективной коммуникации и делового общения с жильцами.

Второй день обучающего семинара «Управление жилищным фондом многоквартирного дома» был посвящен обсуждению нормативно-правовых основ ведения ЖКХ и информационным технологиям в сфере ЖКХ.

Реформа жилищно-коммунального хозяйства коснулась прежде всего ее нормативно-правового регулирования. В последние годы внесено большое количество изменений в действующие нормативно-правовые акты. А.А. Алимнафарова, начальник юридического

отдела МБУ Управления ЖКХ г. Уфы, обсудила со слушателями вопросы рассмотрения судами споров между управляющей компанией как исполнителем коммунальных услуг и собственниками жилых помещений, проанализировала практику рассмотрения судами дел о взыскании задолженности за поставленные коммунальные ресурсы. Также были рассмотрены вопросы заключения, толкования и исполнения договора управления многоквартирным домом, преддоговорные споры и основные разногласия по договору поставки коммунальных ресурсов. В ходе лекции слушатели задавали много вопросов, связанных с собственной практикой работы с просроченной задолженностью жильцов.

Профессиональный медиатор Н.Г. Хахалкина рассказала слушателям о современных информационных технологиях в сфере ЖКХ, о способах ведения СМИ успешной информационной работы в сфере ЖКХ и эффективном реагировании управляющей компании на критические статьи, жалобы, опубликованные в прессе. Особый интерес у слушателей вызвало обсуждение проекта «Сайты домов как площадка для общения УК и собственников жилых помещений».

Внедрение инновационных технологий в ЖКХ — это необходимость сегодняшнего дня. Руководитель Агентства «ЖКХ-технологии» Центра ЮНЕСКО – ЮНЕВОК в Российской Федерации на базе БИСТ Габзалилов А.Ф. предо-

ставил слушателям актуальную информацию о технологиях «Умный дом», «Зеленые технологии» и преимуществах их внедрения в управление жилищно-коммунальным хозяйством многоквартирных домов нашего города.

Слушатели получили ответы на все интересные их вопросы, нашими специалистами были даны исчерпывающие практические рекомендации по работе с собственниками жилых помещений.

По окончании работы семинара слушателям вручили свидетельства о прохождении обучающего семинара.

Работа с представителями сферы ЖКХ будет продолжена.

НАУКА

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТОЛОГОВ

1–3 июля в Суздале состоялся I съезд Общероссийской общественной организации «Российское общество политологов». Тема съезда — «Национальные интересы России: глобальные приоритеты, политические стратегии и перспективы».

Повестка дня была очень насыщенной. Она включала работу пяти секций: «Политические ценности российского общества и стратегия национального развития России», «Новые тенденции в международных отношениях и мировой политике первой половины XXI века: к пониманию современных моделей политического мироустройства», «Политические коммуникации и информационное пространство: векторы трансформации и перспективные технологии», «Проблемы научных исследований и преподавания политологии: традиции и инновации». Кроме того, актуальные политологические проблемы обсуждались в рамках трех круглых столов: «Украинский кризис: истоки, современное состояние, перспективы разрешения», «Государственная молодежная политика и патриотическое воспитание в современной России» и «Новые медиа и социальные сети в современной российской политике».

В составе участников — известные политологи России и зарубежья: А.Ю. Шутов, декан факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; В.Е. Чуров, председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; О.В. Морозов, начальник Управления внутренней политики Администрации Президента Российской Федерации, Владимир Иванович Якунин, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; Ю.С. Пивоваров, академик РАН, директор Института научной информации

по общественным наукам, заведующий кафедрой сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; Петр Дуткевич, профессор Карлтонского университета (Канада); С.Г. Еремеев, декан факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета; А.П. Клемешев, ректор Балтийского федерального университета им. И. Канта, член Общественной палаты Российской Федерации; Ричард Саква, профессор университета Кента в Кентербери (Великобритания) и др.

Делегация Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего профессионального образования «Академия труда и социальных отношений» была представлена Т.А. Нигматуллиной, директором филиала (секция «Политические ценности российского общества и стратегия национального развития России»); круглый стол «Государственная молодежная политика и патриотическое воспитание в современной России»; В.В. Гайдуком, заведующим кафедрой истории государства и права и конституционного права (секция «Проблемы научных исследований и преподавания политологии: традиции и инновации»), и А.Р. Сулеймановым, заведующим кафедрой трудового права и профсоюзного движения (секция «Проблемы научных исследований и преподавания политологии: традиции и инновации»).

Участники съезда обсудили актуальные политологические проблемы современности, обменялись мнениями. Работа была плодотворной и, без сомнения, стала еще одним импульсом для выработки новых подходов и принятия неординарных решений в различного рода политических ситуациях.

ШКОЛА МОЛОДОГО ЛИДЕРА

V МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ МОЛОДЕЖНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРУМ «Я — ГРАЖДАНИН 2014»

В период с 20 по 23 августа 2014 года студенты Башкирского института социальных технологий принимали участие в V ежегодном международном молодежно-образовательном форуме «Я — гражданин 2014». Форум проходил на территории ДОЛ «Чайка» в Белобеевском районе.

Для участников форума был составлен плотный график, в котором нашлось время и для обучающих модулей, и для вечерних развлекательных мероприятий. Обучающий модуль включал увлекательные лекции таким направлениям, как:

1. «Молодежное предпринимательство»,
2. «Общественный контроль»,
3. «Я — доброволец»,
4. «Я выбираю спорт»,
5. «Арт-квадрат»,
6. «Инфопоток»,
7. «Духовные основы».

Благодаря этим занятиям участники форума получили много новой информации, познакомились с новыми методами и инструментами для решения поставленных задач. Лекции читали политические деятели, представители спорта и искусства. Особенно яркими были встречи участников с врио Президента Республики Башкортостан Рустемом Хамитовым, предпринимателем Бари Алибасовым мл., экс главой Администрации городского округа Павлом Качкаевым. Гости форума и лекторы приоткрывали кладезь знаний и щедро делились ими с ребятами.

Что касается вечерней программы, то составляли ее сами участники. Одаренные ребята демонстрировали свои таланты на протяжении всего форума, каждый вечер они удивляли всех новыми и эпатажными выступлениями.

Время идет, жизнь меняется, но знания, полученные на форуме, останутся с участниками на всю жизнь.

CONTENTS

NATIONAL INTERESTS AND ETHNOPOLITICAL PROCESSES UNDER GLOBALIZATION

SULEIMANOVA Shukran Saidovna,

*Doctor of Political Science,
Professor of the Public Relations and Media Policy Chair,
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

GEOPOLITICAL PROCESSES AND GLOBAL POLITICS

The problem of the collision of two worlds opposite in terms of development becomes a distinctive feature of the modern period. The processes of establishing new global political structure take place. Globalisation manifested in transformation of geopolitical structure causes social and cultural impact including radical transformations of the geopolitical identity.

Key words: *global politics, actors, globalization, geopolitics, processes.*

GAIDUK Vadim Vitalyevich,

*Doctor of Political Science, Professor,
Head of the Political Science and History Chair,
Bashkir State University*

THE CATCHER IN THE UKRAINIAN RYE: BETWEEN UNITARIANISM AND FEDERALISM

Nowadays in the age of globalization there are the examples of increasing not only in dynamics of rapprochement of nations and national countries but also intensification of confrontation between them. This problem became especially apparent in the latest global processes connected with the developments in Ukraine. Today certain scientists and politicians already state that the previous political phase of international relations between the USA and Russia is institutionalizing and the "Cold War" is returning. Along with that, in our opinion, this process is more delicate than the trivial confrontation and monopolistic competition between the USA and Russia. There is also the cases of new international risks and national security threats. But is Russia ready for such external challenges? And how will the world change in case of aggravation of international relations among the key global community players? These and other questions are discussed in this article.

Key words: *political crisis, global politics, contradictions, the former Soviet Union, war, sanctions.*

DEMYANENKO Yuri Anatolievich,
Candidate of Sociological Sciences,
Rector of Pskov State University

POLITICAL BASIS OF TRANSREGIONAL COOPERATION OF THE EUROPEAN UNION AND RUSSIA

Now Russia is more than ever interested in active partnership both with western and eastern neighbours. European course of foreign policy of Russia is one of the most eventful, problematic and promising. It is possible to say with certainty that those characteristics will still remain true in foreseeable future.

Keywords: region, co-operation, Russia, Europe, European Region, partnership, borders, strategies, transformations.

KHAKIMOVA Venera Midhatovna,
Candidate of Social Sciences, Assistant Director
of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa)

MIGRATION FLOWS IN REGIONAL COMMUNICATION MEDIA

The article covers the topic of migrant acculturation in regional communication media. The goal of the research is to define the role of the regional communication media in harmonisation of the interethnic concord between migrants and host society of the region. For these purposes we analyzed the history of this topic in the regional mass media agenda and the role of the reader in this process. We conducted the content analysis of the regional mass media for 2013 and defined the functions of the communication media in this sphere and we studied the factors that limit the role of communication media in this process. The research showed that in spite of the importance of the communication media role in this process it appears to be only a part of the general strategy of preserving the interethnic concord besides other institutions.

Key words: migration policy, media scene, public communications, newsworthy development, information content.

ABDULMAZITOV Rinat Rafilievich,
*Postgraduate Student of the National and Federal Relations Chair,
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

ENERGY AND TRANSPORTATION INTERESTS OF RUSSIA THE ARCTIC REGION: POLITICAL PLANNING

The Russian Federation and large energy companies in particular, political and scientific communities do not hide their interests in the Arctic. They analyse various aspects of the problem and work on the more or less realistic prognoses in regard to the future of the region. Along with that, other countries, especially subarctic ones, and large oil and gas companies all over the world are showing their interest in the Arctic. This fact pressures the Russian Federation to hasten its goal defining in regards to the Arctic, to articulate and declare its national interests in that region.

Key words: *Political science, energy policy, transportation, the Arctic, national security.*

KARIMOV Ruslan Ramilevich,
*Postgraduate Student of the Political and Social Sciences
and Philosophy Chair,
the Bashkir Academy of Public Service and Administration
under the President of the Republic of Bashkortostan*

PAN-RUSSIAN CIVIC IDENTITY AS ONE OF THE FORMING FACTORS OF THE POSITIVE NATIONAL IMAGE OF THE COUNTRY

National image serves as certain signature that helps to define the countrywide (civil) identity. In this regard, it is essential to comprehend the historical path of the Russian nation and to determine its place in the world historical and cultural process. This article is about the political analysis of the identification of Russian people and forming of a positive image of the federative Russia.

Key words: *ethnicity, civic identity, national image, nation, consolidation, unity, diversity.*

REGION IN THE SYSTEM OF RUSSIAN FEDERALISM

VALKOV Aleksei Alekseevich,

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor
of the Political Science and History Chair,
Bashkir State University*

“NEW” FEDERAL STRUCTURE OF MODERN RUSSIA AND ITS ETHNOPOLITICAL PROBLEMS

It is necessary for the sake of the country's normal balanced development to satisfy the ethnic interests and dignity of any ethnic group regarding their public and civil image. Otherwise the estrangement of a person from the nation is inevitable and the nation might become extraneous and even hostile in the person's eyes regardless if it happens in federal centres or at the local level. The article supports the abovementioned author's thesis from the point of view of the modern federal structure of Russia.

Key words: federalism, ethno-politics, ethnicity, nations, national development.

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna,

*Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Sociology and Management Department
of Moscow State Automobile and Road Technical University*

THE POWER OF SIBERIA: THE ORIGINS OF REGIONAL IDENTITY

The article deals with the specifics of the formation of regional Siberian identity in its historical, geopolitical and civil understanding, the dependence of the effectiveness of regional development on efforts to consolidate the foundations of regional identity.

***Key words:** region, Siberia, identity, Eurasianism, tengrizm.*

SULEYMANOV Artur Ramilevich,

*Candidate of Political Sciences, Head of the Trade Union and Labor Law Chair,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa),
Ph.D. candidate of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

REGIONAL ELITE AND ITS ROLE IN THE REINFORCEMENT OF THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA: THROUGH THE EXAMPLE OF THE RUBLIC OF BASHKORTOSTAN AND THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Deagglomeration tendencies of the Russian regions constitute major threat for the country's integrity and might intensify in various regions. A significant role in these processes is given to the regional elite which in certain circumstances can act as guarantor of the country's constitutional integrity or become an agent of the deagglomeration activity of a particular region. This article considers the Russian regions deagglomeration potential that has undergone significant changes since the sovereinization period ("the Freedom Parade").

Key words: regional elite, national security, desintegration, stability, activity, sovereignty.

BELYAEV Maxim Anatolyevich,

*Graduate student of the National and
Federative Department of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration ,
Director of the Agency of conciliatory technologies
of the UNESCO-UNEVOC Center in the Russian Federation
on base of the Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa)*

DEMOGRAPHIC SECURITY OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF THE EURASIAN SEPARATISM: MUNICIPAL ASPECT

Separatism is one of the most difficult political problems of the XXI century, and is directly related to demographic processes in the country. Global you can find such changes demographic processes, as the reduction of the population, indigenus transformation of the age, ethnic, and religious structures of the population, the institutionalization of diasporas, the aggravation of the problems of ethnic crime, exacerbation of inter-ethnic and inter-ethnic problems, the increase in the mortality rate of the population. In this article, we examine municipal characteristics of providing demographic security in Russia from the standpoint of political theory and practice.

Key words: Eurasian community, population policy, national policy, demographic security, region, capacity, efficiency, resource of the municipality.

REGIONAL IDEOLOGY AND POLITICAL TOOLS OF ITS FORMING

BENINA Larisa Ivanovna,

*Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Political Science and History Chair,
Bashkir State University*

POLITICAL MYTHOLOGY AS AN ELEMENT OF THE MASS POLITICAL CULTURE

The article is about the place of the political mythology in the structure of the modern Russian society political culture and the reasons of the durability of mythological political consciousness.

Key words: *political culture, political mythology, political consciousness.*

SULEYMANOV Artur Ramilevich,

*Candidate of Political Sciences, Head of the Trade Union and Labour Law Chair,
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labour and Social Relations (Ufa),
Ph.D. candidate, the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

VYSOTSKY Andrei Viktorovich,

*Candidate of Political Sciences, Ph.D. candidate,
the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

MEDIATIVE INSTRUMENTARIUM OF MODERN ELITOLOGY: DIALOGUE OF "POWER"

The study of mediatisation as political practices occupying a certain niche in elitist life of society is needed in the modern politics in order to help with the issues which reflect the necessity to comprehend the workings of mediative interaction that might help to move from confrontation to cooperation. This article is intended to outline some general points of the elitist range of problems and possibly to prepare the ground for further academic pursuits in the field of political conflictology.

Key words: *political mediation, elite, conflict, federalism, discussion, argument, confrontation, dialogue.*

SOYEGOV Muradgeldi,
*Doctor of Philological Sciences, Professor,
Member of the Academy of Sciences of Turkmenistan,
Senior Research Employee of the National Institute
of Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan*

EPISODES FROM “THE GREAT PURGE”: FROM MEMOIRS TO DOCUMENTARY ACKNOWLEDGEMENT, STARTING WITH GRAVESTONE INSCRIPTIONS

The article based on the archival materials published over the last few years on the Internet reveals the pages of some previously unknown documents related to the period of “the Great Purge”. In particular the article describes the life and work of Halmurad Sahatmuradov (1898–1938) who was a prominent party and government official during the 1920s and 1930s. Using his biography as an example the article covers certain parts of the punitive agencies work and as a whole the existing regime of the period.

Key words: *party and government official, special report, innocent victim, execution by a firing squad, repression, rehabilitation.*

SULEYMANOV Timur Fuatovich,
*Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Social, Humanitarian and Economic Disciplines Chair,
the Ufa branch of the Moscow State Academy of Water Transport*

KASHAPOV Ural Abubakirovich,
*Candidate of Historical Sciences,
Senior Teacher of the Physical Education, Health and Safety Faculty,
Ufa State Academy of Arts named after Zagir Ismagiliv*

ABDRAFIKOVA Larisa Viacheslavovna,
*Higher Category Teacher of History and Social Studies,
Secondary General School № 27, Ufa*

LEADERISM AS A KEY ELEMENT OF FASCIST IDEOLOGY (Part 1)

This article covers the phenomenon of leaderism as a key element of the fascism ideology, the core and nature of “fuhrer state”, “fuhrer — nation — masses” system of social relations and their social-psychological features.

Key words: *ideology, totalitarianism, fascism, national socialism, party, leader, fuhrer, state, irrationalism, psychological structure, deformation, collective consciousness, individual consciousness.*

AMINOV Ildar Rinatovich,
Candidate of Juridical Sciences,
Assistant Professor of the State Law Chair,
Bashkir State University

STRUCTURAL FUNCTIONALISM AND ITS MEANING IN MODERN CONFLICTOLOGY: ETHNOPOLITICAL ASPECTS

Modern political science pays close academic attention to ethno-political conflicts and ways of resolving and settling them. That said the using of structural-functional approach helps to achieve certain results in studying of ethno-political conflicts. We believe this approach is gradually becoming outdated in western political theory since the constantly changing political processes clearly lack flexibility.

Key words: political science, ethno-political conflict, structural-functional approach, transformation, culture.

BIKTIMIROVA Dilya Zairanovna,
External Aspirant of the Political Science and History Chair,
Bashkir State University

SOCIAL NETWORKS AS A TOOL OF YOUTH CONTROL: “TWITTER REVOLUTION”

Intensive development of information and communication technologies causes deep-seated changes in all spheres of life including political. Modern youth is defined by the network logic of socio-political subjects development. There is a transformation of network characteristics of youth that leads to formation of non-institutionalised forms of political subjectivity such as new social movements, network political parties and multi-ordinal forms of network political management (European Union, intersectoral social partnership, open government, etc.).

Key words: internet, politics, social network, youth, subjectivity, management, trend.

LUKIANCEV Andrej Sergeievich,

*Head of Youth Department of the Russian Society of Political Experts
in the Republic of Bashkortostan, 3-year Student of Political Science,
Bashkir State University*

TREND BASES OF POLITICAL LEADER'S IMAGE CREATION IN FEDERATIVE RUSSIA

The article covers modern trends in creating a political image of a leader in modern Russian. It is possible that the trend bases could influence the politician's actions positively and benefit not only the politician him or herself but also the constituent body and interest groups.

Political imagology can influence the electoral preferences and define the trends that form the relations between political leaders, candidates and electoral groups. Supported by the results of using the political technologies and communication aspect one can point out the certain tendencies which currently are more common in Russian political system.

Key words: *political image, imagology, trends, politician, constituent body, interest groups, lobby system.*

SULEYMANOV Timur Fuatovich,

*Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Social,
Humanitarian and Economical Disciplines Chair,
the Ufa branch of the Moscow State Academy of Water Transport*

SOCIOCULTURAL COMPONENTS OF POLITICAL CULTURE (Part 1)

The article covers the social and cultural components of political culture.

Key words: *knowledge, language, consciousness, world view, orientations, standards, values, symbols, tradition, morality, ideology, behaviour.*

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

В «Вестнике БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» публикуются научные исследования по следующим направлениям:

- экономика;
- юриспруденция;
- регионалистика и этнополитика;
- общественные науки.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Материалы представляются в редакцию журнала в электронном виде и на бумажном носителе (1 экз.), которые должны быть идентичны. Бумажный вариант не должен содержать рукописных вставок и подписывается на последнем листе всеми авторами. Для тех, кто направляет статью по e-mail: **vestnikBIST@mail.ru**, подпись (авторучкой) сканируется в черно-белом режиме и вставляется в конец документа.

2. Работы аспирантов и соискателей должны сопровождаться отзывом научного руководителя и выпиской с заседания кафедры с рекомендацией.

3. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

4. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

5. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

6. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

7. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

8. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

9. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

10. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

11. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках**:

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала (не более четырех предложений). В аннотации указываются предмет, объект исследования; цель и задачи исследования; краткие выводы.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Плата за публикацию с авторов не взимается.

14. Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

15. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

16. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

17. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

К сведениям об авторе обязательно прилагается в электронном виде цветная фотография размером не менее 5x6 см, отсканированная с разрешением 300 dpi и сохраненная в формате *.jpg или *.tif.

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Регионалистика и этнополитика». 2014. № 3 (24)

Компьютерная верстка *А.Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т.Е. Бочарова*

Материалы публикуются в авторской редакции

Сдано в набор 10.09.2014. Подписано в печать 26.09.2014.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 14,41. Уч.-изд. л. 15,85.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 1500 экз. Заказ 133

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Адрес редакции:
450054, г. Уфа, проспект Октября, 74/2;
БИСТ (ф-л) ОУП ВПО «АТиСО»;
тел. +7 (347) 237-24-82;
www.ufabist.ru;
e-mail: vestnikbist@mail.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 27, корп. 2, оф. 21